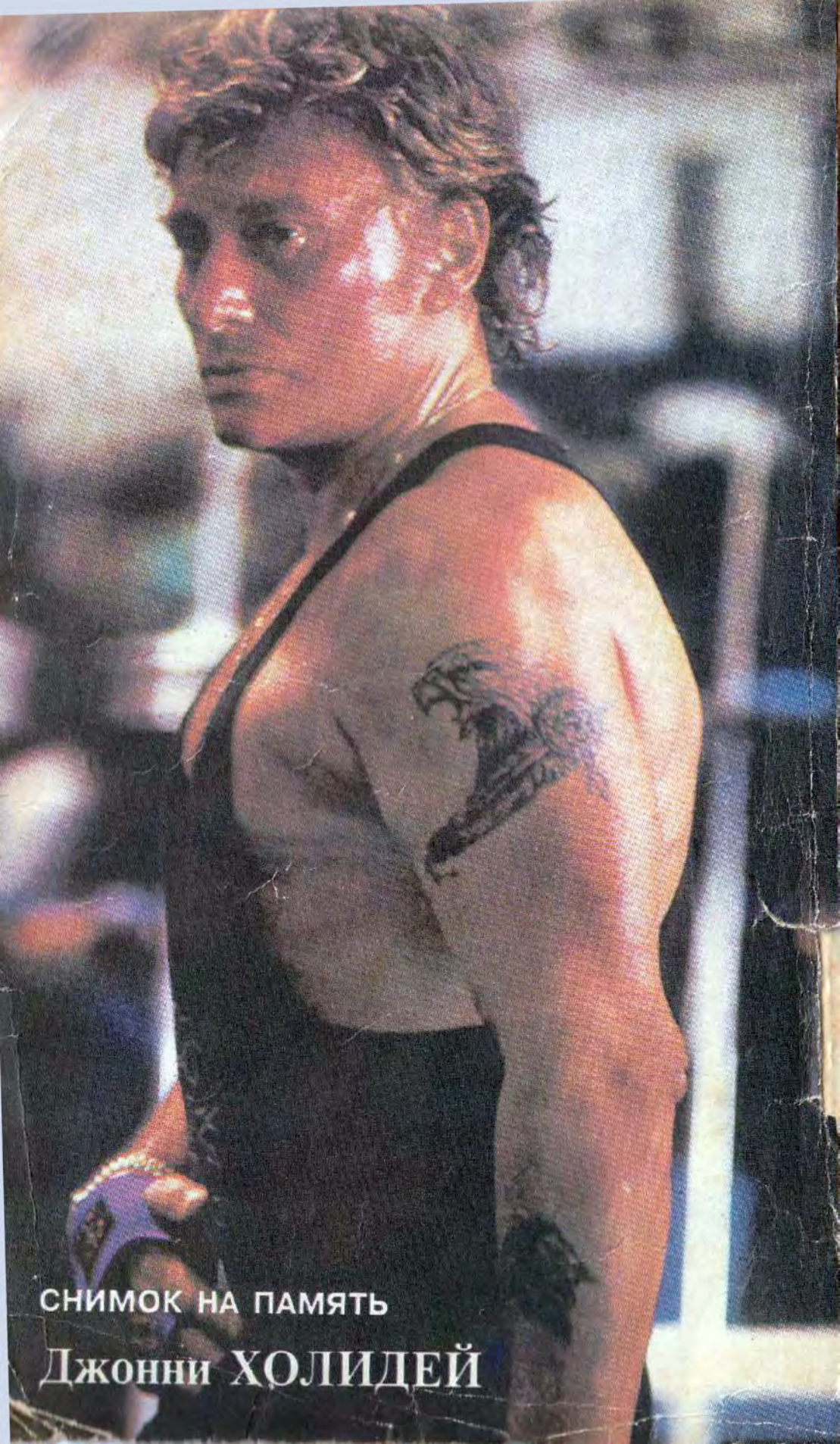
С НОВЫМ ГОДОМ!

МЫ

12/96



СНИМОК НА ПАМЯТЬ

Джонни ХОЛИДЕЙ

Мы

12/96

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(заместитель главного редактора)
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Аркадий ПЕТРОВ
Владислав ПРОНИН

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 0110486.
Учредитель – редакция журнала «Мы».

Адрес редакции:
✉107005, Москва, Б-5, аб. ящик № 1.
☎Контактный телефон 150-11-97.

Набор и верстка выполнены в ИПК «МП». Зак. № 3081.
Сдано в набор 25.10.96 г.
Подписано в печать 15.11.96 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 13.72.
Печать высокая. Тираж 35650 экз.
Заказ № **354**

Московская типография № 13 Комитета РФ по печати
107005, Москва, Денисовский пер., 30.

© «МЫ», 1996

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Александр Колин. Кидалы. Повесть 11
Александр Жуков. Ветви сирени. Стихи 7

■ ПРОБА ПЕРА

Стихотворение из конверта. Стихи Маргариты Смолянской, Анны Сигаевой, Вадима Кузнецова, Галины Дядиной 146

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Отцы и дети. Понять – значит помочь. Советы психолога 149
У меня такой характер Тест 151
Письма в «Мы» 2
Ищу друга 176

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Мир танцует «Макарену» 154

■ У НАС В ГОСТЯХ

Илья Цымбаларь: «Футбол – это работа, которая мне нравится» 160

■ ПЛАНЕТА-ДАЙДЖЕСТ

Гнусный бизнес. Сексуальная эксплуатация детей 168

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Роксана Бабаян: «Предпочитаю дружить с мужчинами» 182

ПИСЬМА В "МЫ"

ДОМА ЖИТЬ НЕВЫНОСИМО

Я живу с мамой и отчимом, которого ненавижу. Он алкоголик, злобный и завистливый человек. Из-за него в прошлом году ушел из дома мой старший брат Сергей. Отчим часто бил и выгонял его, неделями Сережа скитался по подвалам. После очередного скандала с отчимом брат ушел со словами: «Пусть будет по-твоему. Прощай, мать!» Сейчас ему 17 лет, живет в Новороссийске. Недавно прислал мне письмо, но не велел его показывать матери и отчиму.

Я очень люблю своего брата, и он любит меня. Хочу уехать к нему, потому что жить дома невыносимо. Четыре дня назад пьяный отчим предложил мне лечь с ним в постель. Я убежала из дома, а когда пришла на следующий день, рассказала об этом маме. Отчим все начисто отрицал, и мать поверила ему, а не мне, сказала, что я проститутка. Они вдвоем жестоко избили меня. Вечерами ухожу в компанию, мне там весело и хорошо. Мои друзья считают меня нормальным и полноценным человеком. Я бы давно ушла из дома — да некуда. И еще мне очень жалко маму. Ведь если я уйду, ей будет еще хуже, чем сейчас. А так я могу хоть чем-то ей помочь.

Спасибо, что прочитали.

Наташа, 14 лет
г. Муром

ЕСЛИ БЫ РОДИТЕЛИ ПОПРОБОВАЛИ НАС ПОНЯТЬ

Мне 15 лет. В вашей рубрике «Говоря откровенно» я прочитала о подростках, которые травятся и вешаются из-за проблем, которые не могут решить. Конечно, я согласна, что это не выход, но посудите сами — что делать, если совершенно некуда деваться? Например: отец собрался уходить из семьи и говорит детям: «Если вы против меня, оставайтесь с матерью». Мать: «Отец меня бьет, если вы решили меня бросить, уходите с ним». Что делать детям? Отец

ушел, у матери своя жизнь, тетке они не нужны, друзей нет. Тупик. Многие в такой ситуации готовы умереть. Конечно, вы скажете: зачем сразу умирать, это не единственный выход. Но взрослому легче рассуждать, чем подростку.

Теперь о другом. Вы печатали про Марину, которой папа запрещает отсутствовать дома после 10 часов вечера. Понимаю заботу и волнение родителей, особенно тех, кто живет в городе. А в поселке? Ведь там вечером не так опасно. Почему родители не понимают детей, забывают, что сами когда-то были молодыми? Если бы родители хоть чуть-чуть постарались понять своих детей, то и дети при первой нелепой (кажущейся для них непоправимой) ситуации не бежали бы к аптечке с таблетками, не искали бы подходящее место с крепкой веревкой, чтобы повеситься. Извините, если что не так, но это всего лишь мое мнение.

Оксана

ОН МНЕ НЕ ПАРА?..

Пишу я вам впервые. Меня зовут Александр, мне 12 с половиной лет. Я дружу с одним человеком, но мои родители настроены против него. Моего друга зовут Серега, он не курит, не пьет, работает главным конюхом, а я, так же, как он, очень люблю лошадей. Мой друг сделал многое для меня и нашей семьи — раньше мы жили в городе Фрунзе, а теперь переехали в Россию. Лето я работал у Сереги, мы катались на лошадях.

Все началось с того, что он подарил мне деньги. Дома устроили по этому поводу революцию, отец бьет меня и запрещает ходить к Сереге. Родители говорят, что он мне не пара, потому что старше. Но разве возраст может мешать настоящей дружбе?

Я суеверный человек. Серега подарил мне носовой платок, говорят, это к слезам. Если мы не сможем дружить, как прежде, то наложу на себя руки. Мне сейчас очень тяжело, но я надеюсь, что родители изменят свое мнение.

Саша
Тамбовская обл.

ХОЧЕТСЯ ЗАПЛАКАТЬ

Часто пишут, что переходный возраст самый трудный. И это правда.

Мне 14 лет. Мои одноклассницы рассказывают о своих парнях такие романтические истории, какие только в фильмах бывают. Я слушаю и завидую, потому что на меня ребята не обращают

внимания. Дело не в красоте – многие считают меня симпатичной, а в скромности.

...Когда я влюбилась в парня из моего подъезда, то мучилась целый год – никак не могла познакомиться с ним. Одна подруга посоветовала написать ему письмо и признаться в любви. Я долго не могла решиться, но когда, наконец, сделала это, он высмеял меня.

Мало мне этих неприятностей – так еще самая лучшая подруга предала. Раньше мы с ней все свободное время проводили вместе, ничего друг от друга не скрывая. А теперь она говорит со мной только об уроках. Недавно одна девчонка сказала, что у моей подруги есть парень, а я и не знала ничего. Стало так обидно, что хотелось заплакать.

Мне сейчас очень трудно. Не с кем даже поговорить о своих проблемах, вот и остались только вы. Но мне хочется верить, что мой «трудный возраст» когда-то пройдет, хочется верить, что счастье и любовь – впереди.

Алена П.
г. Смоленск

ПОЧЕМУ ТАК ПОЛУЧАЕТСЯ?

Случайно в руки мне попал журнал «Мы». Он мне очень понравился – интересный, умный и содержательный, главное – на любой вкус. Захотелось излить душу. Подруги-ровесницы вряд ли станут меня слушать, а молодые девчонки и вовсе не поймут, вот и решила вам написать. Меня зовут Фаина, мне 21 год, воспитываю двух дочек, о них и хочу рассказать.

Когда мне было 13 лет, пошла на школьную дискотеку. Около дома парень лет двадцати предложил подвезти на машине, сказал, что я очень красивая, и таких девчонок он не встречал. Это такое-то услышать в 13 лет! Очнулась я за городом со сломанной рукой, пробитой головой. Сами понимаете, что там еще произошло. Когда вышла из больницы, оказалось, что беременна. Мама у меня молодец, аборт делать не разрешила. Оленька родилась на редкость хорошенькая, как раз в день моего 14-летия.

Через три года встретила Олега. Какая у нас была любовь! Он носил меня на руках, мыл посуду, стирал и гладил белье, полы драил так, что по ним было страшно ходить, чистил мои сапоги. Мою Оленьку обожал, провожал и встречал меня из училища. Мы с мамой и папой решили, что в нашей квартире хватит места еще для одного малыша. Когда Олег об этом уз-

нал, казалось, счастливей человека не было. Он достал с антресолей Олечкины ползунки и распашонки, целовал их и говорил: «У меня будет ребенок». А на следующий день никто возле училища меня не встретил – думала, что Олег на работе задержался. Прихожу домой – пустые шкафы, ни одежды, ни обуви, ни хрусталя, даже люстра исчезла. Видимо, Олег от радости, что станет папой, обобрал нас до нитки и слинял. Для меня это было просто солнечное затмение, я чуть не сошла с ума. Слава Богу, что осталось Олечкино белье, не пришлось младшую дочку, Яну, в половик заворачивать.

Девочки, не развешивайте уши, за это можно поплатиться. Встретила я недавно свою 17-летнюю знакомую, идет с аборта, бледная, под глазами круги, руки трясутся. А почему так получилось? Вадик, видите ли, сказал, что у нее во дворе самые шикарные волосы. Я понимаю, что хочется быть красивой, прелестной, умной – в общем, самой-самой. Но когда за мной ухаживают неплохие ребята и говорят хорошие слова, я смотрю на Оленьку и Яну и вовремя нажимаю на тормоза.

Фаина З.
г. Санкт-Петербург

ВИНОВАТА ЛИ Я...

Я обыкновенная девчонка, не уродина, говорят, даже симпатичная. По знаку зодиака я – Весы. В гороскопе сказано, что главное в жизни Весов – любовь. И это правда. Мне скоро 15, очень хочу встретить парня, который меня полюбит, но, к сожалению, это невозможно. Вся проблема заключается в моем росте – 182 см. Парни от меня отворачиваются, а многие либо обзывают в лицо, либо шушукаются за спиной. Слава Богу, у меня есть хорошие подруги, которые меня понимают и не обращают внимания на мой рост.

По натуре я очень влюбчивая, увлекалась многими ребятами, но они не отвечали мне взаимностью. Сейчас мне нравится один мальчик из нашего класса. Он красив, и многие девчонки бегают за ним. В душе он очень добрый, но его дружки плохо на него влияют, учат быть наглым и дерзким. Раньше он таким не был. В лицо он мне никогда не говорит ничего обидного (в отличие от других). Но я знаю, что у меня за спиной он смеется надо мной. Сам меня не обзывает, но молчит, когда это делают другие.

Школа для меня – каторга. Дома хочется запереться в ком-

нате, забыть обо всем в мире. Ночами я плачу, а когда говорю маме, что не пойду в школу, она сердится, говорит, что все это глупости, есть и повыше меня. Разве я виновата, что у меня такой рост?

С.
Без адреса

БУДУ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ПРЕСТУПНИЦЕЙ

На первый взгляд, у меня проблема не типичная, но разрешить ее сложно. Год назад в нашу школу пришел новый учитель информатики, внешне очень привлекательный. Сначала я его воспринимала только как педагога и нередко оставалась с ним наедине после уроков. Однако спустя шесть месяцев нашего знакомства мы стали замечать друг друга. Когда он проходил мимо, я замирала. Встречались мы тайком — все осложнялось тем, что у него жена, тоже учитель в нашей школе, маленькая дочка и отличная репутация на работе.

Он старше меня на десять лет — мне 16, ему 26, он был моим первым мужчиной. Иногда мы ездим за город, снимаем комнату и проводим время вдвоем. Мне очень интересно с ним — мы подолгу разговариваем, веселимся. Он добрый и внимательный, вовсе не пытался меня «соблазнить», я отдалась ему сама, по любви. За мной ухаживает немало парней, но мне никого не нужно, кроме него. Он меня обожает и собирается через год-полтора развестись с женой и жениться на мне.

Но мне очень жаль его жену и доченьку. Когда я сказала, что не хочу, чтобы он уходил из семьи, а уйду я, он возмутился. И все же я ушла. Мне было очень больно его видеть, я перестала посещать его уроки. Он подошел ко мне на перемене и спросил, почему я прогуливаю. Я съязвила: «По болезни сердца!» На следующем уроке он прямо в моей тетради написал: «Любимая, в чем дело?» И я не смогла больше терпеть разлуку с ним — ведь мы любим друг друга.

Но все-таки я не хочу, чтобы он уходил из семьи. Мне тяжело будет потом жить, я буду чувствовать себя преступницей, разрушившей жизнь двух ни в чем не повинных людей. На что решиться — не знаю. Не знаю, на что надеяться. И все же надеюсь на счастье. Но только не на краденое.

Н. В.
Без адреса

Александр ЖУКОВ

ВЕТВИ СИРЕНИ

* * *

Как река по просторам земным,
по годам,
то глухим, то мятежным,
столько лет утекло, столько зим,
унося в своих водах
Надежду.

Как поток на порогах дробясь,
измельчав на житейских примерах,
разошлась эта связь, что звалась
безоглядной,
наивною Верой.

Только свет над рекой «Никогда»,
– Не его ль называют Любовью? –
до сих пор озаряет года,
что текут между мной и тобою.

* * *

Дом с балконом на море. Июль за окном.
Ясный полдень. Высокое солнце.
На зеленом пригорке над желтым цветком
снежно-белая бабочка вьется.

Одинокое облачко в небе плывет.
и, как будто ее отраженье,
снежно-белая яхта на зеркале вод,
словно бабочки белой круженье.

И в далеком просторе разлившихся дней
за горами годов, за долами,
может быть, только в памяти зыбкой моей –
платье белое – снежное пламя.

Снова вьется во мне, обжигая меня,
снежно-белая бабочка эта,
над простором, над морем живого огня,
над волной негасимого света.

* * *

В этот ласковый, солнечный день,
переполнена вешнею силой,
расцвела за окошком сирень,
та, что мама моя посадила.

Мамы нет вот уже столько лет!
А сирень распустилась – как чудо.
Словно сыну родному привет
мама шлет издалека – оттуда...

Теплым светом сияют цветы,
словно взгляд – материнской любовью.
Ты прости меня, мама, прости,
что я виделся редко с тобою,
что не очень я ласковым был
и давно не бывал у могилы,
что тебя я почти позабыл...

Ты меня до сих пор не забыла.
И, прощая любую вину
и готовая встать на колени,
к моему прислонившись окну,
гладишь стекла ветвями сирени.

* * *

Как много для людей приятности
в весеннем воздухе таится!
Возможности
и вероятности
вокруг витают, словно птицы.
Они над головою вьются.
Они перед тобой садятся.
И кажется,
лишь потянуться...
И думается,
только взяться...
А люди медлят отчего-то.
Должно быть, нелегко решиться.
Должно быть, вовсе неохота
свободы выбора лишиться.

СТИХИ ПОД НОВЫЙ ГОД

Конец встречается с началом.
И мысль откуда-то – Бог весть –
все было, все существовало,

и то, что будет, тоже есть.
И можно предсказать до точки
любой итог, всегда один,
когда б пройтись вдоль той цепочки
бессчетных следствий и причин.
В ней нет конца, в ней нет разрыва.
И вот поэтому – не диво –
что в мире всё, не только я,
приходит на круги своя.
Я представляю это четко,
как Время
мириады лет
перебирает годы-четки
и нет конца, разрыва нет.

ФЕВРАЛЬ

Сегодня утром
солнца звонкий луч,
с небесных круч отправившись в полет,
пробил окно
в завесе низких туч
и с высоты
ударился об лед!
Струя огня
пробила лед насквозь
и расплескалась,
затопив снега,
сверкая так,
что встрепенулся лось
и приподнял
ветвистые рога.
С еловой ветки
рухнул снежный ком,
и ветка закачалась в тишине...
И в первый раз подумалось о том,
что, может быть,
пришла пора весне.

* * *

Кольцуешь птиц, чтобы опять
когда-нибудь с научной целью
их, окольцованных,
поймать.
А знаешь той науке цену?

Что им? Лети хоть до луны...
Но птичьим сердцем понимают,

что и на воле
не вольны,
что их когда-нибудь поймают.

* * *

Кружу,
кружу вокруг воронки,
как накануне похоронки,
что мне пришлют на этот свет
с того,
где света вовсе нет.
Кружу по самому по краю,
себя как будто повторяю...
Но говорю себе: «Не лги!
Все у́же, все тесней круги».
Тот миг грядет – петля сомкнется,
и час придет, когда придется,
скользнув по краю,
одному
войти в неведомую тьму.
Что там за ней?
Пока не знаю.
но хочется, скользя по краю,
за край взглянуть,
пока я здесь.
Как будто в этом выход есть...

* * *

И все-то суета сует.
Но между суетой
порою вспыхнет чистый свет
и час приходит
твой.
И ты живешь
хотя бы час,
хотя бы пять минут
несуетливо,
не боясь,
что дни твои пройдут.
Пускай немного ты успел
за столько долгих лет,
пусть оказался не у дел –
тебе и дела нет...
Хотя бы час из долгих лет
был все же счастлив ты
тем, что увидел чистый свет
в разрывах суеты.

Александр КОЛИН

КИДАЛЫ

Странник на исходе лета

Повесть

ПРОЛОГ

Столы в начальственном кабинете образовывали подобие буквы «Т». Несмотря на сильную жару снаружи, в помещении, где ровно гудел кондиционер, было прохладно. Однако единственный посетитель, неуютно сгорбившийся у ножки «Т», выглядел так, будто только что выбрался из жарко натопленной парной, где побывал прямо в одежде: светлой летней паре, белой рубашке импортного происхождения и темном, модном, явно заграничном, под стать прочим деталям костюма, галстуке. Человек этот и теперь, находясь здесь во вполне комфортных условиях, явно страдал от сильной духоты. Круглое мясистое багрово-красное лицо его заливал пот.

– Да не пил я, не пил! Говорю же тебе! – крикнул он. И хотя в голосе «мученика» звучала неподдельная искренность и даже боль, внешний вид заставлял усомниться в правдоподобии подобного заявления.

Произнося свои слова, посетитель от избытка чувств поднял заметно подрагивавшую сжатую в кулак толстопалую руку, словно желая ударить себя в грудь, но почему-то не сделал этого.

– Да, да, – устало кивнул хозяин кабинета. – Все я это слышал уже! Тебя злодеи поймали, в лес дремучий отвезли, к дубу вековому привязали и давай самогонкой травить! Просто душегубы какие-то...

– Да, пойми ты, Сан Льич, пойми! Поверь – не пил!

– Угу...

– Да поверь же ты мне! Поверь!

Едва сдерживаясь, чтобы не заорать на посетителя, полковник милиции Александр Ильич Дорошенко едко оборвал его:

– Говорил я тебе – доходисси! По кабакам да притонам нашляисси! Говорил? А?

– Да при чем тут это... я же...

– Какого х... ты с собой оружие таскаешь, а? – не желая слушать лепет толстяка, снова оборвал его полковник. – Ты у нас кто?.. Нет, погоди! Ты что, начальник уголовки? Я тебя спрашиваю?!

– Я...

– Ты! – передразнил Дорошенко. – У тебя что, на твоих б... без пистолета не встает?

– Да при чем тут...

– А при том, мать твою, при том! Счеты надо было, счеты с собой носить, а не пистолет! – выкрикнул полковник, нарисовав в воздухе перед собой указательными пальцами обеих рук огромный прямоугольник. – У меня тоже вон лежит такая же дура.

Александр Ильич качнул головой в сторону сейфа, где хранил табельное оружие.

– Достал, почистил, смазал и обратно положил, – с усталым раздражением перечислил свои действия хозяин кабинета. Он сделал жест рукой, точно отмахиваясь от какой-то назойливой и очень неприятной мысли, и, тяжело вздохнув, произнес с досадой: – Был бы ты хоть сержант какой, а то...

Полковник с сожалением подумал, что как бы он ни относился к этому нахрапистому наглецу, все равно придется защищать мерзавца, просто потому, что тот – его сотрудник, его подчиненный, потому что в противном случае пострадает все отделение, всем, пусть даже косвенно, будет причинен вред хотя бы уже потому, что задетой окажется пресловутая честь мундира.

– Говорил же я тебе – угрожали мне... – поднося к груди сжатые кулаки, в который раз уже попытался разъяснить толстяк своему начальнику причину, заставившую его носить оружие, но тот снова, не дав ему закончить, спросил:

– Ладно, а партбилет? Партбилет-то зачем с собой в кабак таскать?!

– Да пойми ты, Сан Льич, у меня всегда все документы в бумажнике лежат: и удостоверение, и права, и техпаспорт... ну и партбилет, конечно, тоже... Машину, машину мою искать надо!

– Точно! Всесоюзный розыск объявить! – съязвил Дорошенко, раздумывая между тем, что если машиной завладел не круглый идиот, то уж, конечно, давно сообразил, как от нее избавиться.

Посетитель застонал, роняя на стол тяжелые кулаки.

– Ищем уже, не вой... Только и надежда одна, что он на ней от жадности и погорит... А если нет, то... – Полковник оборвал фразу. Ему было наплевать на машину подчиненного, другое дело документы, из которых главное – партбилет, да еще пистолет!

Толстяк явно юлил, чего-то недоговаривал, чем несказанно раздражал полковника, побуждая говорить с потерпевшим ерническим, ехидным, почти оскорбительным тоном. Как бы ни пытался этот хитрец делать вид, что рассказал все, что-то в его словах заставляло полковника не верить ему. Возможно, просто сказывалась личная неприязнь к коллеге, готовому в любую минуту пройти по трупам, а может быть, хозяин кабинета просто не мог уразуметь мотивов поведения преступника, личность

которого не являла собой тайны. Странные, прямо скажем это, руководили им мотивы.

«Ох и ерунда же получается!» – мысленно охватывая все случившееся, подумал полковник. Ему очень не хотелось признаваться себе в том, что шансов на поимку грабителя у них крайне мало. Оставалось надеяться только на неопытность преступника, на его, даже если хотите, глупость, на случайность, одним словом, на то, что он попадется по «дурочке». «Машина даже в таком большом городе, как наш, – не иголка в стоге сена. Нет, на то, что преступника подведет жадность, рассчитывать не приходится», – решительно закончил свои размышления Александр Ильич.

– Машина-то новая, только ведь взял, обкатку еще не прошла! – чуть не плача пожаловался посетитель. – «Волга».

– «Волга»! – передразнил полковник. – Волга-реченька! Зачем тебе столько воды? Вот, брат, и поплыл, качаясь на волнах! Чем «Жигули»-то плохи? Не ездилось? На кой х... внимание на себя лишний раз обращать?

– Так ведь я это... так ведь...

«Слышал уже – просторно... У, брюхо-то нагел!» – с неприязнью и даже с ненавистью подумал крепкий, подтянутый Александр Ильич, который был лет на десять старше своего собеседника.

– Так ведь у Степана Луки...

– Вот-вот, даже у Киличеева – и у того «Жигули», а он, прямо скажем, не тебе чета – генерал! – оборвал полковник потерпевшего, связанного родством через жену с генералом милиции Киличеевым.

– Так ведь сын-то его, Лешка, – на «Волге»...

– Сын! Лешка! Сын Степана Лукича – спортсмен, это, между прочим, тебе не хуже меня известно, что ни год – в загранке! – рубанул ладонью воздух полковник. Он, как и многие, был уверен, что только благодаря этому генералу сумел не только быстро продвинуться, но, самое главное, удержаться на «хлебной» должностенке, несмотря ни на какие гнусные, прямо скажем, поступки, этот, оказавшийся в столь жалком положении, человек. Любого другого давно бы уж отослали куда-нибудь в тмутаракань, а на этого и писали, и жаловались, и едва не за руку вороватую хватали – все как с гуся вода.

– И у меня машина на тещу... – оправдывался толстяк, понимая, что ему «Волга» ну никак не по зарплате.

– На тещу! – передразнил начальник и, ярясь, крикнул: – Вот теща бы пускай и ездила! Какого х... за руль пьяным садиться?!

– Да трезв я был!

– Ну да, а Сидорову с Афинеевым ты в «Волне» привиделся?

Растерявшийся посетитель словно бы и в самом деле только сию минуту вспомнил, что действительно был в ресторане и, точно, разговаривал в холле с двумя патрульными милиционерами как раз

перед тем, как все случилось. А в «Волне» он, и правда, принял грамм триста армянского пятизвездочного коньяка, увлекся разговором с хорошенькой соседкой по столику, ну и...

– Да и выпил-то я всего полсоточки, устал очень... – соврал он.

– Ты что ж ночью по кабакам шляисси? Жена, что ли, дома не готовит? – ехидно поинтересовался полковник. – Взял бы бутылку и пил дома! Хошь с женой, хошь один, хошь с кем! А не таскался бы с б...ями и не валялся бы в скверах под скамейками! Ведь так с полсоточки своей ужрался, что еле откачали... Бога благодари, что в медвытрезвитель привезли, а то сдох бы, кобель! Позор на все отделение! Какое там! До Москвы дойдет. Офицер... Должность... Член партии...

Александру Ильичу стало не по себе. Он представил все мыслимые и немыслимые неприятности, которые посыпятся на его седую полковничью голову.

Посетитель же в тот момент, очевидно, подумал о собственной голове, потому что растерянно, точно набедокуривший школьник, осознавший вдруг последствия своего проступка, спросил, сглатывая слюну:

– Что ж теперь со мной будет-то, Сан Льич?

– Моли Бога, чтобы нашли его поскорее, – начал было начальник. – Потому что если не найдем...

В кабинете стало тихо. Обоим вдруг стало понятно, что сулит каждому из них это «если не найдем».

Хозяин кабинета первым нарушил вязкую, гнетущую тишину.

– Все подробности выкладывай! Все вспоминай! Вот девка эта, что с тобой за столиком оказалась, – она кто?

Толстяк развел трясущимися руками и, жалобно взглянув на начальника, даже и не проговорил, прошептал:

– Не помню, черт, не помню, кажется, Ларисой звали...

Вся правильно налаженная жизнь, весь установившийся порядок вещей вокруг грозил рухнуть в одночасье по злой воле судьбы. Один день, один вечер, одна секунда, один злосчастный миг понадобился, чтобы привести все на грань катастрофы.

«Найти! Поймать! В бараний рог свернуть!» – полыхнуло в мозгу.

Сидя здесь, в кабинете, он все еще был не в состоянии по достоинству оценить масштабы приключившейся с ним беды и ее неотвратимых последствий. Страх, ужас и отчаяние еще граничили в нем с надеждой, что все, пусть и с большими потерями, обойдется. Кончится страшный кошмар, и, проснувшись в холодном поту, он не сразу, но все же с облегчением осознает, что наваждение ушло и не вернется, что это был лишь сон, а жизнь, жизнь – вот она, как и прежде, бурлит, бьет ключом.

Не знал, ох, не знал, не думал никогда солидный и всеми уважаемый человек, не раз державший в руках чужие судьбы, что у кого-то совсем ничтожного и, по его разумению, не заслуживав-

шего никакого внимания ни с того ни с сего окажется в руке ниточка его собственной судьбы. И мерзавец этот, разжав вдруг пальцы, без всякого сожаления посмотрит вниз в бездонную пропасть, в которую канула, лишившись поддержки, эта столь счастливая раньше судьба.

Не знал, не ведал, даже и предположить не мог важный человек, сидевший в столь плачевном виде в кабинете начальника, что вовсе и не в этот роковой августовский вечер решилась его жизнь, а гораздо раньше: может быть, тогда, когда бежал он вниз по лестнице из квартиры, в которой его оскорбили, обидели, наплевали в лицо, обдумывая план злой и жестокой мести.

Может быть, именно тогда, именно в тот момент где-то в неведомом мрачном подземелье томившийся в клетке огромный, всегда голодный зверь встревоженно поднял уши, не услышав ставшего привычным за долгие годы щелчка дверного замка. Наверное, служитель по рассеянности забыл запереть клетку. Зверь поднялся и насторожился. Не веря себе, он обнюхал черную сталь решетки и, оглянувшись по сторонам, неуверенно толкнул дверь носом. Медленно, точно сомневаясь в своей удаче, зверь покинул клетку и, пройдя по лабиринтам, выбрался в спавший еще город на поиски жертвы, пружинисто ступая огромными лапами...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнечная сторона...

«Почему все так любят эту замечательную «солнечную сторону?» – со злостью подумал Дима, размазывая пот и липкие катышки грязи по голому жирному животу. Он сидел дома в одних трусах, но и это не помогало. Светлые летние шторы не спасали от безжалостно бьющих в окно солнечных лучей.

Август уже, первая декада, можно сказать, закончилась, а жара... Боже мой, какая жара! Почему?.. Что за идиотизм?.. Солнечная сторона!.. Кожу с себя не снимешь! Да и это не спасло бы, наверное...

«Надо идти звонить. Надо разыскивать друга. Но куда звонить? Где его черти носят?!» – спросил себя Дима. Но сколь-либо определенного ответа дать на этот вопрос он не мог. Вместе с тем и сидеть здесь и, ничего не предпринимая, изнывать от жары он тоже не желал. Приходилось одеваться и спускаться на улицу к телефону-автомату.

В пятнадцатиметровке, где толстяк жил вдвоем с матерью, не было даже телефона.

Дима с тоской осмотрел убогую обстановку комнаты. Продавленный диван – на нем спала мать, кровать в другом углу. Не убранная, это он, Дима, ее не убрал. Ну какого черта?! Можно позволить себе хотя бы в каникулы послабление дисциплины? Разве

он не заслужил этого? Три курса мединститута уже окончил. Перешел на четвертый без «хвостов». Кажется, он выполняет свой долг, разве не так?

Мать – отец умер давно, Дима даже не помнил его – мечтала, чтобы сын стал врачом. Что ж, врач так врач. Закончив медицинский, парень, если у него есть мозги, может кое-что заработать... Зарплата у молодого врача крошечная, но не это главное. Пациенты тоже понимают, что даром лечиться – лечиться даром...

Мать вкалывала медсестрой в Первой Городской...

Этот диван, наверное, дедушкин или бабушкин. А может, прабабушкин? Не удивительно!

Взгляд толстяка остановился на проигрывателе. «Вега»! Мать с теткой, со своей сестрой, значит, подарили ему на совершеннолетие и в честь окончания первого курса.

– Почему ты музыку не слушаешь? – поинтересуется иногда Руфина Матвеевна, Димина мама.

Ну что тут ответить?! Как можно объяснить женщине, для которой сто рублей[1] внушительная сумма, что нельзя слушать пластинки стоимостью в среднем по полсотни каждая, снимая с них стружку (как с приговоренного кожу) семирублевой иглой весом в четыре грамма. Не скажешь же ей (матери, конечно, а не игле), что это товар. Не станешь же объяснять, почему в ее бедном жилище оказывается иной раз штук по двадцать, а то и по тридцать таких вот пластинок в толстых картонных конвертах, напечатанных где-то очень далеко, в заморских странах? Здорово бы она удивилась, узнав, что у ее сына имелось на сегодняшний день почти три тысячи рублей наличных денег, да еще кое-что было вложено в товар.

Мысленно произнеся слово «вложено», толстяк усмехнулся, и на душе у него как-то сразу полегчало, но не надолго.

Проклятая жара! Дима перекочевал на кухню, до отказа отвернул кран и, подождав минуту-другую, налил стакан так и не ставшей по-настоящему холодной воды, а затем с жадностью опрокинул ее себе в рот. Облегчения это принесло мало.

«Где же чертов Витька, или, как он себя величает, Вик? – подумал он со злостью. – Где этот хрен собачий шляется?»

Гроза медсестер, тружениц прилавка и деревенских девочек из Кулька, как про себя не без зависти назвал приятеля Дима, на сей раз запропал надолго. Денег у него по, Диминым расчетам, много остаться не могло, значит, скоро появится. А если не скоро? Дела нужно делать, а он!.. Тут Диме вспомнилось, как однажды в шутку охарактеризовал его друг: уютный толстячок со скрытыми криминальными наклонностями.

---

[1] События, описываемые в повести, происходят в семидесятых годах, поэтому современного читателя не должен смущать непривычный масштаб цен.

Что ж, толстячок – это еще очень мягко сказано. При росте метр семьдесят без малого сто кило веса. Узкие плечи, широкий зад. Залысины... А ведь лет-то всего только еще двадцать. Уже двадцать. Месяц как стукнуло... Растительность на лице какими-то пучками... Непонятно – бриться или не бриться? Не то что у Витьки! Рост, плечищи, рожа смазливая, хоть и нос переломан... День не побреется – щеки как у взрослого мужика – в густой щетине...

Толстяк погладил вновь вспотевшую дряблую грудь и с досадой подумал о товарище, скорее всего снявшем где-нибудь в «Волне» или даже на пляже какую-нибудь «гирлу», у которой «флэт» свободен, и валяющемся с ней в постельке... У, гад! Сам и не почешется, пока бабки на кармане не кончатся. А ты ломай тут за двоих голову, клиентов ищи...

Почему всегда так? Почему? У кого-то предки мешками и пласты и шмотки фирменные из-за кордона волокут; отдельная комната, да что комната, вся трехкомнатная хата почти круглый год в полном распоряжении. А тут!.. Толстяк с отвращением оглядел обшарпанную обстановку кухни. Почему?!

Да разве ушел бы он, Дима, из таких хором, как у Витькиных предков? Поругался с папашей? Велика беда! Так они с матерью умотают куда-нибудь на Камчатку или на Огненную Землю – и нет их полгода... Из института выперли? Академ возьми. И главное, было бы из-за чего ругаться. Подумаешь, отец на него наорал да ключи от тачки отобрал! Так ведь за дело же!

– Криминальные наклонности, – проворчал толстяк, возвращаясь в комнату и с отвращением думая о том, что надо натягивать на себя брюки и рубашку и тащиться на солнцепек, чтобы позвонить. Единственный исправный телефон-автомат, как назло, оказывался сейчас на солнечной стороне. – Если у меня криминальные наклонности, то ты, дружок, просто бандит с большой дороги. Джо Фрейзер!

Дима произнес фамилию знаменитого боксера, сильно смягчая «з» и первое «р», отчего смысл она начинала звучать как кличка. Он ухмыльнулся, от души полив бальзамом покарябанное самолюбие. Где имение, а где наводнение? Где Клэй и Фрейзер[2], а где Витька? И все-таки толстяк, сам в жизни никогда всерьез не дравшийся, не мог не восхищаться силой, натиском и мощью кулаков друга, рядом с которым всегда чувствовал себя уверенно...

Если бы не Вик, сшибать бы Диме грошики по мелочевке. Да еще трястись все время, как бы за задницу не взяли. За последние четырнадцать месяцев, прошедших с того момента, как судьба свела их с Виктором, дела у толстяка пошли в гору.

---

[2] Джо Фрейзер – знаменитый соперник Кассиуса Клэя (Мохаммеда Али), соискатель титула первой перчатки мира.

Началось это в прошлом мае. У Димы все не клеилось. Не везло. Сделки срывались. Клиенты ломили цену, не навар получался – слезы. А тут – такая удача... Какой-то лох дал ему на реализацию несколько «колес» да две пары немного поношенных штанов. Дима, подумав немного, сообразил, что клиент этот, случись что, даже и не знает, где искать сбытчика. И... и, как говорят, бес попутал.

Срок, назначенный клиентом, давно прошел. Дима не звонил. Уже июнь начался, а Дима все молчал. Товар пристроен, бабки получены. Все путем...

Шел он как-то из института после консультации, о делах своих размышлял и – на тебе!

Тачка тормозит.

– Эй ты, тощий!

Дима обернулся. Из такси, делая знак водителю, чтобы ждал, вываливается давно позабытый клиент...

Дал он Диме три дня. Назначил стрелку в полдень на «туче» и совсем невежливо присоветовал принести оговоренную сумму вдвойне плюс счетчик по пятерке в день, начиная с того числа, как должны были рассчитываться. Никакие оправдания и сетования на потерянную записную книжку не помогли. Разговор получился жесткий и короткий. Прощаясь, клиент, широко улыбнувшись, назвал Димин домашний адрес и настоятельно при этом посоветовал не валять дурака, затем сел в машину и уехал. Точно привиделся... Не привиделся. Приснился этой же ночью. Дима проснулся в холодном поту. Вышел на кухню, закурил возле форточки.

Наутро, кое-как сдав экзамен, выкатился из кабинета чернее тучи. Побрел в туалет, достал из кармана пачку «Дымка» и спички.

– If you want to smoke, you would smoke «Дымок»[3], – раздался рядом чей-то веселый голос.

– Чо? – не понял Дима и, повернувшись, увидел перед собой улыбающуюся физиономию сокурсника Витьки Зелинского.

– Что мрачный такой? Завалил? – спросил он.

– Сдал... – нерадостно протянул толстяк.

– Трояк?

– Четыре.

– А хрен ли киснуть тогда? – беззаботно улыбнувшись, спросил сокурсник и добавил. – У меня тоже «фор», а ты что, на «файв» целился?

– Да не-а...

– Ну тагды усе хок'кей! Пошли пивка рванем.

– В «Болото»? – машинально спросил Дима, соображая, что экзамен как-никак сдан и, стало быть, можно это и отметить.

---

[3] Если хочешь курить и «Дымок» закуришь. Обыгрывается слово smoke – дым (англ.).

– Ну его в болото, – скаламбурил Зелинский, – пойдем лучше в «Чайку».

– Не, Вить, в «Чайке» тридцать шесть копеечек кружка, а на «Болоте» сорок четыре – литр, запротестовал толстяк.

– Ну так там же еще и банку искать надо... Да брось ты! Пошли в «Чайку», у меня бабки есть, угощаю!

– Ну если так, то пойдем, конечно, – согласился толстяк, любивший пиво, но «Чайку» посещавший редко.

Он ненадолго забыл о своей беде.

«Чайка» – это, конечно, вещь. Наверху кафе, кто его так обозвал – непонятно, какое там кафе, самый настоящий ресторан – кабак, где каждый вечер ошивается фарца и тому подобный отдыхающий на нетрудовые доходы народец. В подвале пивной бар. Столики, официанты. Одним словом, «серь-вис». Ну зато и цена! На «Болоте» никакого тебе «серьвиса» нету. Даже кружек не водится, зато пиво – свежак – прямо с завода, благо он за забором. Вернее, наоборот: это пивные ларьки, по-простому пивнушки, словно сакли к скале, прилипли к его бурой, сто с лишним лет назад сложенной стене. Говорят даже, что пиво идет в них с завода прямо по трубам. Но это вряд ли.

И все же... Холодное, янтарное, ядреное... Отдал рупь тридцать за трехлитровую баночку и пей на здоровье около реки, сидя на поваленном стволе засохшего дерева, или на пеньке, или на камешке, места всем хватает. А захочется добавить, пожалуйста, повтор – дело святое, подходи без очереди. Те, кто еще не пил, подождут, опытный пивоман знает: если процесс пошел – его прерывать нельзя. Это дело тонкое! Так-то вот, а тут «серьвис» с бутербродом. Лишние восемьдесят четыре копейки за ту же трехлитровую банку! Зелинскому что – богатенький.

Дима, которому случилось как-то побывать в гостях у сокурсника, с завистью вспомнил отдельную, устланную ковром комнату. Сверкающий серебристой панелью «Акай»: вертун, уселок, колоночки... А какой звук! Пластинки все родные, никаких «юговских», никакой вшивой Индии! Только Штаты, Джермани, Инглэнд! Всего штук триста. Правда, на две трети, если не больше, отцов джаз, но зато остальные одна к одной. Настоящий рок! Виктор – парень шалавистый, не жадный, но пластинки слушать не дает: притаскивай мафон и пиши, какую хочешь. Да и то сказать – а он, Дима, на месте Витьки стал бы с такой-то техники свои диски давать пилить на всяких там точилах? Дело ясное.

Что тут восемьдесят четыре копейки? Чушь! Дима увидел, как Зелинский, едва выйдя из дверей института, подошел к краю тротуара и небрежно махнул рукой, ловя такси.

– Жажда мучит, – объяснил он приятелю свою поспешность, – не грусти, сейчас пивка выпьешь, повеселеешь!

Перед входом в заведение таксист остановил машину и получил рубль, чуть не вдвое против счетчика.

Сокурсники взяли сразу по две кружки, затем повторили, потом еще по одной...

– Ну, согрелся, что ли, чуток? – улыбнулся угощающий.

Дима что-то промычал в ответ. Ему снова стало невесело. День расплаты приближается с каждой минутой, с каждой выкуренной сигаретой, с каждой выпитой кружкой пива.

«Серьвис» «серьвисом», а курить в зале нельзя. Приятели вышли на улицу.

– Что за тоска-кручина на сердце молодецком? – спросил Вик, протягивая пачку. – Брось ты свой «Дымок», Димок! Бери вон лучше «Марлборо».

Дима кивком поблагодарил и взял сигарету.

– Я вчера в «Волне» сидел, – объясняя причину своей веселости, едва закурив, поведал сокурснику Вик. – С гирлой познакомился... На «флэт» приглашала, я не пошел: прокувыркаешься до утра, а тут экзамен все-таки... На сегодня дэйтанулись... Хочешь, вместе пойдем?

– Да я вообще-то... – начал было Дима.

– Скажем, чтобы подружку привела... Она тут недалеко живет – Красногвардейская, угол Советской... Как?

Дима мялся. Видя его колебания, Вик попытался еще раз. Легонько от избытка хорошего настроения, тыкая кулаком в плечо сокурсника, он выпалил:

– В «Волну» закатим или сюда наверх, хочешь?.. Экзамены как-никак спихнули!

– Так ведь еще один... – с сомнением отозвался толстяк.

– А хрен бы с ним, сдадим. Не сдадим, что ли? – не желал слушать возражений Вик. – Ну так что, катим?

– Да не могу я...

– Ты чего, Димк, обет воздержания, что ли, дал? Имей в виду, это вредно!

«Тебе хорошо говорить... Телки сами в постель прыгают», – не без зависти подумал Дима. Женский вопрос для Зелинского решался просто. Почти всякий раз, когда им случалось оказаться в компании, где были девчонки, какая-нибудь из них всегда доставалась Вику. Но постоянной девушки у него не было. «Один раз – знакомая, два – подруга, три – жена! А жениться нам еще рано», – говаривал он. Толстяк вздохнул. Еще бы – все есть у человека: и рожа ничего, и фигура, и бабки...

Последнее было для Димы предметом особой зависти. Будь у него такие деньги, уж он бы точно ни одной не пропустил. Но капитал еще сделать надо! А тут! Возьми да выкинь вот так запросто полторы штуки! Правда, и выручка, полученная, от продажи чужого товара, тоже входила в эту сумму, но за истекший месяц Дима совершенно сроднился с ней, что привык считать своей...

– Ладно, пойдем, еще по кружечке, а там, глядишь, и надумаешь! – снова отвлек его сокурсник.

– Ты это... Вить, ты извини, я пойду, спасибо...

– Чего так? – спросил Вик с легкой обидой.

– Да не обижайся, лажа у меня...

– Что за лажа? Трипперок схватил? Так мы ж медики...

– Да не то...

– Ладно, валяй рассказывай, – не терпящим возражений тоном потребовал сокурсник.

Дима рассказал. Кое-что он, конечно, переиначил, напирая в основном на то, что потерял номер телефона клиента. И столько было в его словах искреннего недоумения, удивления и даже обиды, что, пока он говорил, в черных глубоких глазах собеседника время от времени вспыхивали искорки гнева: Вик был явно возмущен бессовестным поведением Диминого обидчика.

– Ладно, пошли еще пивка рванем, а заодно и подумаем, – заключил наконец Зелинский.

Обдумывание заняло у сокурсников около получаса. За это время они опрокинули еще по две кружки. Зелинский, точно принял какое-то решение, позвал официанта и, расплатившись, встал из-за стола.

– Я сейчас съезжу к одному человечку, поговорю с ним, и мы что-нибудь изобретем. Встретимся в двенадцать нуль-нуль в субботу на «туче», так?

Дима кивнул.

– Хок'кей.

* * *

Было одиннадцать сорок пять. Дима пришел заранее и, сидя на простой врытой в землю деревянной скамеечке, озирался вокруг. Место – до боли знакомое. Еще лет пять назад пацаном он появился здесь в первый раз. Почти всех, кто ходил на «тучу», или, как говорили некоторые, на «сходняк», меняться и торговать пластинками, он знал в лицо. За последнее время, правда, появилось много новеньких. Но не о них речь, «старики» – те все были свои.

Уютное местечко в старом городе. Ближайшие дома-домишечки заселены этаким заскорузлым народишком, которому хиппи-волосатики, собираясь здесь по субботам и воскресеньям, мешают культурно проводить досуг. Они пишут, звонят, жалуются. Наконец приезжает наряд. Кого-нибудь задерживают, сажают в «бобик»... Иногда устраивают облаву. Два-три «бобика», «ПАЗик». Народ мчится врассыпную, кто куда. Зазевавшихся менты ловят и везут в «родной» Центральный «околоток». Там, не зная толком, что делать со всей этой патлатой и совершенно безобидной шоблой, на всякий случай записывают фамилии, разглядывают пластинки, интересуются, откуда взяли. В ответ раздается нестройное мычание. Волосатиков стыдят, пугают отсидкой, одним словом, прочищают мозги. Случается, что входят в раж и бьют пару-тройку дисков. После чего

задержанных штрафуют и отпускают. Ментам и самим не в лом возиться с этой шушерой, но граждане сигнализируют – приходится реагировать...

Иногда местное население само вершит народный суд: карательные функции берут на себя мальчики-переростки (иным уж и за тридцать), что шляются бестолковой кодлой человек в пять-шесть. Видок у них – просто загляденье: цветастые рубахи, мятые брюки, лица с синеватым отливом (не от тщательного бритья, а от регулярного употребления «плодово-выгодного» вина), прически произвольные, чаще средней длины – просто стричься лишний раз лень. Бабаек-аэродромов, наподобие тех, что так по душе грузинам, в отличие от своих братьев по духу – молодых людей с Пролетарки, местный контингент не носит. Тут это западло. Здесь своя деревенька – курмыш, где все друг друга знают, а те, в бабайках, далеко – на другой планете. Город огромный: полтора миллиона душ населения или около того. Бабаечники там у себя на рабочих окраинах тоже и ходят и нападают толпами, иногда их собирается до полусотни.

Металлические пруты, цепи, ножи, заточки. Если уж черт занес тебя в такой районч ик, если уж сподобился ты лицезреть такую компанию – обходи ее за версту: забьют, запинают. За что? Да просто так, за здорово живешь.

Бывают, конечно, и маленькие команды, полдюжины народу, как и здесь. Они вместе. Если надо будет, то и еще хоть два десятка соберут. Стоит только крикнуть: «Наших бьют!» «А где же родная милиция?» – спросите вы. Приедут не спеша. Упавших подберут, бегущих догонят, а вот в драку – ни-ни! Мент он тоже человек! А человек жить хочет. Пырнут сгоряча, а мертвому все равно, что за его жизнь убившему вышка. Да найди еще его, виноватого-то.

С волосатиками куда проще, эти не пырнут.

Мальчикам в цветастых рубахах тоже легко с волосатиками. Эти здесь все сами по себе, каждый за себя. Остается высмотреть того, кто похлипче да у кого рожа попугливее – и будет на что выпить в выходной. Пластинки у них дорогущие. Откуда деньги? Ясное дело – нечестные! А раз так, то можно и пошалить, тем более, что в ментовку пострадавший, убей, не пойдет.

Дима посмотрел на часы. Близился роковой полдень. Толстяк еще раз беспокойно оглянулся. Ни сокурсника с подмогой, ни клиента. В двадцати шагах за спиной родная Alma Mater. В понедельник последний экзамен...

– Не спи, казак, замерзнешь, – услышал Дима хрипловатый баритон и, подняв глаза, увидел прямо перед собой Зелинского, а слева от него – двух ничем не примечательных невысоких худощавых парней с такими же, как и у Виктора, сломанными носами.

Сокурсник, склонив на бок голову, с некоторой иронией произнес:

– Знакомьтесь, господа. Рашид, Хват, а это Димок, который курит «Дымок».

– Алик, – сказал Рашид, протягивая Диме жесткую сухую ладонь.

– Серега, – назвал себя второй, рука которого тоже была сухой и твердой, как камень.

– Козлов... Дима.

После процедуры представления все четверо уселись на лавочку, при этом Дима занял широким задом едва ли не третью часть сиденья, а Вик и его товарищи вполне разместились на оставшейся площади и вновь погрузились в начатый ранее и прерванный знакомством с Димой разговор. Толстяк, быстро утратив интерес к чужой беседе, стал думать о своем.

Так прошло минут, наверное, пятнадцать-двадцать, но клиент все не появлялся.

Вик, отозвав сокурсника в проем между двумя старыми покосившимися домишками, нетерпеливо спросил:

– Друган твой где?

– Давно уж быть должен... Сам дергаюсь.

Это было чистейшей правдой. Дима прекрасно понимал, что в другой раз заступаться за него чужие ребята не пойдут, и, кроме соседа-алкаша, обратиться за помощью ему будет не к кому. Тот всегда рад возможности помахать кулаками, а за угощенье и шоблу мог бы собрать, но сейчас, как назло, свалил то ли на заработки, то ли на высидку.

– Ребята нервничают, – сказал Вик с упреком.

– А я как нер...

– Не понимаешь, – оборвал его Вик, точно Димины проблемы были сущим пустяком, и не ему, а кому-то другому, придется, случись что, выкладывать кучу бабок. – Не понимаешь, я ребятам сказал, что тут разборка предстоит. У них у обоих настроение поганое. Рашид экзамен завалил, а Хвата гирла послала. Им кулаки почесать охота...

– А кто они? – спросил толстяк, которому эти двое совсем не казались достаточно крепкими для того, чтобы с кем-нибудь разбираться.

– Да нормальные ребята... – начал было Вик, но, заметив, что собеседник не слушает его, а напряженно смотрит куда-то вдаль, замолчал.

– Вон он, прибыл, – сглатывая слюну, сказал толстяк.

Из остановившегося неподалеку такси вышел невысокий коренастый парень и, увидев толстяка, уверенной походкой направился было прямо к нему. Однако, не пройдя и половины пути, он вдруг рассеянно улыбнулся и, ответив кивком головы на салют Вика, пошел прямо к скамейке, где сидели Рашид и Хват. Они пожали друг другу руки и заговорили, к Диминому недоумению, как старые

добрые друзья. Вик, сказав приятелю, чтобы стоял на месте, тотчас же подошел и, поздоровавшись с вновь пришедшим, включился в разговор.

Дима не знал, радоваться ему или, наоборот, горевать: как-то они там сейчас порешат между собой? Речь шла о нем, это было ясно уже потому, что клиент, бросив короткий презрительный взгляд в его сторону, начал что-то долго объяснять всем троим. Те кивали в ответ. Потом слово взял Вик, который, не глядя, тыкал пальцем в Димину сторону и тоже с жаром что-то говорил, размахивая руками.

Это продолжалось долго, безумно долго, целую вечность.

Не выдержав пытки (слов он все равно не слышал), Дима опустил голову и уставился на циферблат часов. Он с удивлением отметил, что прошло не более пяти-шести минут с того момента, как Зелинский отозвал его в сторону.

Между тем жизнь на «туче», или, как часто называли это место некоторые из ветеранов, в «клубе», шла своим чередом. Собравшиеся разглядывали друг у друга товар, приценивались, предлагали различные варианты обменов, спорили и торговались.

Невысокий хиленький лет пятнадцати на вид паренек с длинными жидкими волосенками, появлявшийся здесь уже раз пятый или шестой подряд, опять принес в авоське аккуратно завернутый в газетную бумагу все тот же диск – изрядно попиленный альбом американской группы «Степной Волк». Группа давно уже перестала существовать и в умах и в сердцах мьюзикфэнов уступила место более мощным и жизнеспособным собратьям. И уж совсем немногие ассоциировали ее название с знаменитым романом Германа Гессе. Дима сомневался, что среди присутствующего здесь люда наберется хотя бы человек пять, прочитавших эту книгу. Заплатить за такую пластинку свои кровные мог либо дурак, либо коллекционер. Дима потому и интересовался ей, что знал одного человека, готового выложить за этот видавший виды кусок американской пластмассы четвертной билет. Вся комичность ситуации состояла в том, что Заморыш, так Дима прозвал мальчика, непременно хотел получить за свое сокровище вдвое больше.

Он всегда приходил один, ни с кем не здоровался, видимо, не знал никого. Но завсегдатаи, конечно же, уже приметили его, и паренек успел стать в жизни клуба чем-то вроде непременного чудака. У Димы даже существовало на него своеобразное пари. Каждый раз, встречая здесь Заморыша, толстяк сбивал цену пластинки на пятерку, обещая друзьям, что купит ее максимум за пятнарик. В прошлый раз владелец готов был уступить «Волка» за двадцатку. Дима эту цену отверг, хотя его самого уже начинал разбирать азарт, который, как известно, в делах отнюдь не помощник. Если бы не проклятая разборка, сегодня, наконец, можно было бы совершить «сделку века». Заморыш как раз сейчас прохаживался

невдалеке около большой группы волосатиков, расположившихся в тени деревьев. Мальчик старался делать вид, что не замечает единственного (он уже понимал это) покупателя. Дима скосил на него глаза и вдруг подумал, что кто-то, скорее всего, всучил парню это барахло за очень большую сумму.

Что ж, он далеко не первый, кого так вот «вылечили» в самом начале. Даже с опытными людьми случаются неприятности. Никто не застрахован... Поняв, что толстяку не до него, мальчик с независимым видом направился к дороге, по которой и в будние-то дни редко проезжали машины, а сейчас она вся была просто запружена клубменами.

Из состояния глубокой задумчивости Диму вывел легкий тычок в плечо.

– Все улажено, дорогой сэр, – весело сказал Вик, – отстегните другому сэру за его товар и вы свободны, как сто китайцев!

Ох как жалко было Диме расставаться с шестью с половиной сотнями рублей, которые этот чертов клиент прокатает на тачках и прожрет в кабаках с девками за какую-нибудь неделю. Не свое же кровное он продавал? Тоже, небось, конфисковал у кого-нибудь. Но делать было нечего, приходилось лезть в карман...

– Вот шестьсот пятьдесят пять рублей, как договорились, за то рванье и колеса, – со вздохом сказал толстяк, доставая из кармана завернутую в газету пачку купюр, и чуть дрожащей рукой протянул ее своему избавителю.

– Он сказал семьсот, – немного нахмурившись, произнес Вик, принимая деньги и вертя их в руке.

– Вить, я точно все... Мы с ним на шестьсот пятьдесят пять договаривались, они так в газете и лежали, деньги его, я же говорил тебе, потерял телефон его... – залепетал толстяк, стараясь не смотреть в глаза товарищу.

– Слушай-ка, Димок, дурака не валяй, а? – не дав сокурснику закончить, попросил Вик. – Рафик этот, которого товар, с Рашидом и Хватом в одном доме живет, с Аликом так просто в одном подъезде... Догоняешь? Друзья они.

– Да у меня и нет ничего больше, правда, Вить, одна мелочь, рубля на полтора... – Толстяк полез было в другой карман, но Зелинский повелительно взял его за локоть.

– Свалился ты на мою голову, – вздохнул Вик, качая этой самой головой. – У меня два четвертных где-то завалялись, добью за тебя, отдашь потом...

– Пятерку-то хоть назад возьми, – вырвалось у Димы, голова-арифмометр которого произвела мгновенный и точный подсчет.

Вик, однако, не слушая больше приятеля, на ходу достал оба «завалявшихся» четвертака и, присоединив их к Диминой пачке, протянул Рафику. Тот поблагодарил и, не считая, засунул деньги в карман.

Рашид встал и, повернувшись к толстяку, не говоря ни слова, поманил его пальцем. Тот подошел.

– Все, – сказал Алик и посмотрел сначала на своего соседа, а потом на Диму. – Инцидент исчерпан, никто никому не должен.

Те молча коротко кивнули друг другу.

– Больше чтоб не делал так, понял?

– Я телефон поте...

– Понял? – не обращая внимания на Димин лепет, перебил Рашид.

– Понял, – сдался толстяк, до которого вдруг разом дошло, что он еще очень здорово отделался. Сам не зная почему, он вдруг почувствовал, что с этим невысоким пареньком спорить не следует.

Рашид согласно кивнул и хотел было что-то сказать друзьям, когда оттуда, где немного позади и слева от них кучковалась длинноволосая компания, раздались возмущенные крики.

В ту же секунду (все произошло так быстро, что Дима даже не успел сообразить как) вся собравшаяся по его милости четверка оказалась на дорожке именно в том самом месте, из которого доносился шум. Дима двинулся следом. Подойдя поближе, он увидел, что Рашид и его друзья замерли в напряженных позах перед нестройной толпой местной блатоты, главарь которой, стоя немного впереди своих корешей, держал в левой руке авоську Заморыша (ее не узнать Дима просто не мог) и о чем-то препирался с Рашидом.

К планке расстегнутой чуть ли не до пупа цветастой рубахи тридцатилетнего на вид – не парня даже, уже мужика – были пристегнуты солнцезащитные очки.

Речь, как понял подошедший поближе Дима, шла об авоське. Мужик отнюдь не собирался возвращать ее владельцу по просьбе невесть откуда свалившегося не в масть ретивого сопляка. Переросток что-то лениво промямлил в ответ.

Рашид повторил свою просьбу снова с тем же результатом. Рука его едва заметно дернулась, задев костяшками пальцев очки, которые улетели куда-то в сторону, моментально исчезнув в траве, точно радуясь освобождению от хозяина.

Мужик что-то возмущенно промычал и толкнул было наглеца в грудь. Последний весил килограммов на десять меньше соперника и был на несколько сантиметров ниже его ростом, но отступать и не думал.

Правой руки Рашида с того места, где стоял Дима, видно не было; он даже не понял, почему в мановение ока крупный, уверенный в себе мужик вдруг как-то нелепо дернул головой и почти беззвучно сполз на асфальт прямо к ногам отступившего на шаг противника. Его товарищ, такой же цветастый и медлительный, смело ринулся на обидчика. Но стоявший слева от Рашида Хват точно плетью хлестнул мужика левым боковым в голову, и тот,

споткнувшись, но продолжая по инерции двигаться вперед, рухнул сверху на вожака, которого столь рьяно кинулся защищать.

Боевая четверка, отскочив немного назад, замерла в угрожающих позах. Все произошло просто молниеносно, никто не мог понять, как случилось так, что два грозных здоровых мужика улеглись отдыхать среди бела дня в совершенно неподобающем для этого месте – на асфальте, прямо на проезжей части. Первыми опомнились сами виновники торжества и, бросив товарищей на произвол судьбы, со всех сторон помчались прочь.

– Чье? – спросил Рашид молчаливую толпу мьюзикфэнов, указывая в сторону сиротливо валявшейся на земле авоськи.

– Мое, – робко вымолвил Заморыш.

– Подними, – коротко приказал Алик.

Не обращая никакого внимания на восторженно-недоуменные взгляды и тихие возгласы собравшихся, четверо приятелей отошли в сторону и стали что-то обсуждать. Дима, которому казалось неловко уйти первому, сел на скамейку, размышляя, чем бы заняться. Он скоро забыл и о клиенте и о его товарищах. Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Вик окликнул его, и вся компания не спеша отправилась в обратный путь. Ребята шли впереди и о чем-то болтали, а толстяк-Дима молча плелся сзади.

Они почти уже достигли перекрестка, где можно было сесть на троллейбус или поймать такси, когда позади раздался быстро нараставший гомон и топот множества ног. Дима обернулся и увидел мчавшуюся прямо на него огромную толпу, как показалось ему, человек в тридцать. На самом же деле бегущих насчитывалось всего одиннадцать, но зато все они были вооружены: деревянными брусами, цепями, топорами или кусками арматуры. Спасаясь, толстяк отпрянул в сторону. Он хотел крикнуть Вику, чтобы береглись, но четверка друзей, то ли ожидая нападения, то ли, как и Дима, услышав шум, то ли почувствовав злобу и ненависть преследовавшей их толпы, резко повернулась, чтобы встретить противника.

Прямо на Вика прыгнул, размахивая четырехгранным деревянным брусом длиною в метр, очевидно, оторванным от изгороди чьего-нибудь полисадника, здоровенный парень с искаженным злобой лицом.

«Сябры-соседи сбежались, ну как же – наших бьют!» – мелькнуло в голове у Зелинского, который во всей компании оказался единственным волосатиком.

Он принял стойку, готовясь отразить атаку.

Нападавший взмахнул брусом, целясь Вику в голову, тот отскочил и слегка пригнулся, уклоняясь от удара. Грозное оружие просвистело у него над головой, не причинив никакого вреда. Борца за справедливость занесло, а его противник не стал дожидаться, когда тот обретет равновесие, тем более, что сзади бежали другие, и, выпрыгнув, ударил неумеху ногой в грудь. Скошенный каблук

Викова ковбойского сапога, очевидно, пришелся парню в болевую точку, и он, роняя из рук свое оружие, отлетел далеко назад под ноги своих товарищей.

Но праздновать победу было пока рановато: прямо на ненавистного волосатика мчался, размахивая цепью над головой, еще один простой советский гражданин. Будущий врач, говоря языком боксеров, нырнул и, вставая на правое колено, подхватил валявшийся на асфальте брус. Вскакивая, Вик подставил его под вращающуюся цепь, и та на секунду обкрутилась вокруг палки, сковывая движения державшего ее человека. Проклятый волосатик и тут оказался очень ловок. Он обеими руками рванул палку на себя и от всей души пнул нападавшего коленом в живот. Тот согнулся от боли, разжимая руку и выпуская цепь, которая, тут же размотавшись, со звоном упала на асфальт. Схватив брус поудобнее, Вик, как следует размахнувшись, ударил по правильно и аккуратно стриженой голове, сломав так кстати подвернувшееся оружие пополам. Нападавший ничком уткнулся носом в асфальт.

Зелинский едва успел подмигнуть Рафику, который только что завалил своего кобла, как увидел, что на него самого мчится еще один придурочный энтузиаст рукопашного боя с металлическим прутом в руке. Тут-то выручивший уже брус и пригодился снова. Вик швырнул его обломок прямо в лицо противнику и, не дожидаясь результата броска, ринулся вперед. Ударом головы в живот он опрокинул мужика на асфальт и, не давая опомниться, прыгнул ему на грудь, прижимая коленом руку с прутом к земле. Несколько раз он звонко хрястнул кулаками по тупой красной роже и, вырвав из ослабевших пальцев прут, быстро, словно кошка, вскочил на ноги и, подняв железяку над головой, снова бросился в бой.

Но он опоздал. Стремительно нахлынувшая толпа мстителей, натолкнувшись на крепкие кулаки защитников длинноволосиков, звериным чутьем уловила, что дело пахнет керосином. Оставив валявшихся на земле товарищей и побросав на асфальт свое незатейливое оружие, те, кто еще способен был держаться на ногах, бросились спасаться. Толпа, кодла, а точнее то, что от нее осталось, улепетывала без оглядки, хотя преследовать убегавших никто не собирался.

Разгром противника был полным. Четверо, в том числе и тот, о чью голову Вик сломал многострадальный брус, валялись на дороге без движения. Еще трое кое-как старались подняться, удивленные, что никто не подходит, чтобы добить их, и со страхом ожидая этого.

Итого семеро.

По двое пришлось на долю Вика, Рашида и Хвата, а одного точным ударом свалил бывший Димин клиент Рафик.

Толпа хиппарей, влекомая жутким, побеждающим страх любопытством, подобралась к месту побоища и никогда прежде не виданного здесь посрамления ненавистных коблов.

Рашид выбрал одного из тех, кто пытался подняться, схватил его за ворот рубашки и рванул вверх так, что она вылетела у бедняги из-за пояса брюк. Затем поставил парня на ноги, не давая при этом разогнуться. Таким образом лицо незадачливого бойца оказалось чуть ниже лица Рашида.

– Слушай меня внимательно... – сказал Алик твердым голосом, глядя парню в глаза. – На меня смотреть!

Несчастный, ожидая самого худшего, изо всех сил старался заставить себя смотреть в эти колючие темные глаза, но никак не мог.

– Передай дружкам, что если еще раз хоть одно падло сунется сюда на пузырь сшибать, ей-Богу, я свою команду сюда притащу и весь курмыш на уши поставлю! – пообещал Алик, резко вскидывая правую, сжатую в кулак руку.

Парень зажмурил глаза, ожидая страшного скулодробительного удара. Но его не последовало. Подождав еще несколько секунд, он, наконец, решился чуть-чуть приоткрыть трясущиеся веки.

– Понял?! – выдохнул ему в лицо Рашид.

– М-э-э-э...

– Понял?!

– Да, да... Понял, понял... – Перероеток закивал, часто моргая белесыми ресницами.

– Тогда пшел!!! – брезгливо отталкивая его от себя, сказал Алик.

Бедняга, не веря еще в свое спасение, кое-как удерживаясь на ногах, качаясь пошел прочь неровными зигзагами, провожаемый презрительными ухмылками торжествующих длинноволосиков.

Рашид, сделав несколько шагов к словно по команде замолчавшим клубмэнам, бегло оглядел их слева направо и сверху вниз, точно прикидывая, сколько времени понадобится ему и его товарищам, чтобы, как он выражался, «поставить на уши» еще и этих, скривив губы, с презрением произнес:

– А вы, вы... Вас тут с полста. Одного защитить не могли, козлы! – И отвернувшись от них, точно от падали, бросил своим: – Пошли, ребята.

Это был первый и единственный раз, когда Диме довелось видеть Алика Рашидова и его неразлучного приятеля Сергея Хватова. Их соседа и чуть было не ставшего для него роковым клиента Рафика он, к своему огромному счастью, тоже больше никогда не встречал. А вот с Виктором Зелинским – или с Виком – судьба связала его более чем на год, сделав их напарниками, компаньонами в столь трудном, но благородном и любимом Димою бизнесе, суть которого состояла в том, чтобы помогать людям, коих желание загрести побольше денег толкает на самые опасные авантюры, избавиться от жгущей карман наличности.

Простившись с Аликом и его друзьями, Вик и Дима прошли по инерции пару кварталов. Только тогда понемногу пришедший в себя толстяк решился нарушить молчание:

– Здорово вы их!

– Угу...

– А ты ребят этих откуда знаешь?

– Тренировались вместе. Я потом бросил, а вот они – Рашид с Хватом – уже кэмээсы.

– Чего? – не поняв, переспросил Дима.

– Кандидаты.

– Куда? – опять не понял толстяк, который не совсем еще обрел способность ясно мыслить.

– Да куда, куда... В мастера спорта, конечно... По боксу.

– Понятно... – кивнул головой сокурсник. – А Рафик этот?

– Он тоже бросил, еще раньше меня...

Некоторое время они шагали молча, потом Дима спросил:

– Ты куда сейчас?

– Домой... – неопределенно пожав плечами, буркнул Вик. – Денег-то все равно нет. «Дорзов» врублю, пожалуй, давно не слушал, да и почитать надо кой-чего, экзамен же в понедельник.

– Послушай, Вить...

– Ну чо?

– Тут у меня дельце одно есть... Может, поможешь, а?

– Что за дельце такое? – почти безразлично спросил Вик, и ему пришлось выслушивать историю про одного нехорошего человека, который должен, гад такой, денег и не отдает.

– Так прямо и не отдает?

– Не хочет,

– А может, он твой телефон потерял? – с ехидцей предположил сокурсник, намекая на дерьмовенькую ситуацию, из которой сам только что выручил товарища.

– Да нет у меня никакого телефона... – начал с энтузиазмом Дима, но тут же осекся, осознав, что байку его с потерянным номером никто всерьез не воспринимает.

– Ну и много он тебе должен?

– Стольник... – неуверенно протянул Дима и, как бы даже испугавшись, что друг ему не поверит, твердо предложил: – Я бы и с тобой разбашлялся за твой полтинник плюс четвертной, значит, за помощь, а?

– Кто он?

– Да, Карпов, может, знаешь?

– Как же, как же, тот м...к, что как-то шлялся по улице в генеральской шинели? Дед у него, что ли, генерал?

– Так точно.

– Ему в скверике кто-то булавкой пришпилил бумажку: «Сниму любую гирлу...» Все равно не снял.

– Я сам не видел, но люди говорили, – усмехнулся толстяк, по тону товарища почувствовав, что тот заинтересовался. – Ну так как, пойдем?

– Зайти можно, – неопределенно пожав плечами, сказал Вик, не слишком-то веря, что придурок в такое время да еще в субботу окажется дома.

Он ошибся.

Вина генеральского внука состояла в том, что он весьма неосмотрительно нанес Диме оскорбление словом при свидетелях – обозвал козлом, что в общем-то, если учесть фамилию толстяка – Козлов, – прозвучало вроде даже и естественно, но тем не менее обидно. Рассерженный Дима пообещал обидчику, опять же при свидетелях, взыскать с него штраф, который сам тут же и установил – в размере десяти рублей.

Тот, конечно, не внял. Встретив приговоренного к уплате контрибуции через некоторое время, Дима, само собой, не получил с того ни гроша, за что немедленно увеличил размеры штрафа в полтора раза. Итог тот же. Тогда разгневанный уже не на шутку истец пригрозил включить счетчик: трешник в день. Теперь же, поскольку прошло уже довольно много времени, меньше стольника брать стало зазорно.

Генеральский наследник сперва немного поершился, не желая отстегивать бабки, но, попробовав на вкус кулак Вика, сразу сделался сговорчивее, признав, что поруганная честь стоит таких денег. В сопровождении Димы он проследовал в дедушкину квартиру, из которой оба возвратились минут через пять. Толстяк, самодовольно улыбаясь, держал в руке несколько мятых трешек, пятерок и десяток.

– Трояка недодал гад, нету, говорит, что делать-то, Вить?

– Пес бы с ним, наплюнь! – шутя отмахнулся тот, и новоиспеченные компаньоны, прочитав ответчику лекцию на тему «язык мой – враг мой», удалились, исполненные гордости от свершения праведного суда.

Поборов в себе искушение разделить оставшиеся после возвращения долга сокурснику сорок семь рублей пополам, Дима барским жестом отвалил-таки спасителю целый четвертной и был немедленно вознагражден за щедрость приглашением пойти выпить пивка, а затем махнуть на «флэт» к той самой «гирле», что ждала Вика с вечера перед прошлым экзаменом. На сей раз Дима не видел причин для отказа, тем более что теперь, когда так успешно удалось получить совершенно безнадежный «долг чести», у него в голове зароились планы, в исполнении которых сокурснику отводилась немаловажная роль.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вик сидел на пляже и маялся от жары, безделья и дурных мыслей, которые упорно одолевали его в последнее время.

Он от нечего делать сыпал и сыпал грязноватый желтый песок на нос своего потасканного остроносого мексиканского сапога,

стараясь зачем-то, чтобы песчинки ложились по линии фигурной отсрочки. Это ему не удавалось, он стряхивал песок и, все больше и больше раздражаясь... начинал все сначала.

Впрочем, раздражение вызвало не только это дурацкое занятие, но и вообще все вокруг: замусоренный песок пляжа, крикливые взбудораженные дети, толстозадые мамаши в цветастых купальниках, которые подозрительно косились на него – сидит, видите ли, на пляже в сапогах, в рваных штанах, прическа как у женщины... Разместившиеся поблизости пожилые мужики – всем на вид за сорок, а может, даже и под пятьдесят, резавшиеся в карты и дувшие пиво из нагревшихся на солнце бутылок (трудно представить себе более жалкое удовольствие), явно командированные (рядом с каждым портфель и аккуратно сложенные пиджаки и брюки), вызывали презрение.

Услышав в очередной раз «пас», «восемь первых», «мизер», – он лишь фыркнул и резко поменял позу, вспугнув близвозлежащую обгорело-розовую мамашу с совсем еще мелким чадом. Та, бросив на наглеца негодующий взгляд, подхватила полотенце, отпрыска в белой панаме и сумку с торчавшей из нее бутылкой с ядовито-малиновым компотом, заткнутой плотно свернутой газетой, и гордо удалилась, тряся мясистыми ляжками. Зажатое у нее под мышкой чадо немилосердно орало...

Вик усмехнулся и уставился на дальний, необитаемый берег реки. Вот там тишина. Тишина и настоящий покой. Там среди нетронутой зелени холмов настоящее забвение. Легкий ветерок, иногда налетавший с воды, приятно обдувал его почерневшие от загара могучие плечи с перекатывавшимися под обветренной кожей мощными буграми мускулов.

Еще утром стоило зайти к Диме. Тот, конечно, обыскался друга и, надо думать, обзвонился «жене»-Светке, у которой Вик не объявлялся уже две ночи, застряв за городом у одного приятеля. Оба, и Светка и Дима, наверное, страшно злятся, что он пропал. Но Боже мой, до чего ему неохота никого из них сейчас видеть...

В кармане еще шуршали оставшиеся от последнего их с Димой дела грошики: несколько червонцев и пара пятерок. Его капитал, с которым он шел навстречу двадцатой годовщине своего появления на свет. До этого радостного всенародного праздника оставалось всего три дня.

Было, было о чем подумать бывшему (увы!) студенту медицинского института Виктору Зелинскому. На пороге собственного двадцатилетия, а это не так уж и мало, черт побери, так вот, на пороге своего двадцатилетия он оказался в драных джинсах, изношенных сапогах и в полной неопределенности относительно завтрашнего дня. Родительский дом, а вместе с ним и обеспеченное житье-бытье, осталось позади более двух месяцев назад. Он насмерть поругался с только что вернувши-

мися из Аргентины родителями, которые были просто шокированы тем, что их единственное дитя не допущено к сессии. Отец, Марк Сигизмундович, совсем вышел из себя, когда ко всему прочему уразумел, что сына не только не допустили до экзаменов, а более того, ему, наследнику, совершенно на это наплевать и возвращаться в свой «ликбез» он не собирается. Папаша, естественно, потребовал объяснений. Хоть сколь-нибудь вразумительного ответа на заданный отпрыску вопрос: «А чем?! Чем ты вообще заниматься будешь, что собираешься делать?!

Ответ был обескураживающее искренним: «А ни хрена я делать не собираюсь!»

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы вызвать бурю. Получилось так, как если бы Вик, оказавшись в горах с повышенной лавиноопасностью, вздумал там палить из пушки. Результат не замедлил сказаться. За три минуты Зелинский-младший узнал о себе так много приятного, что оказался просто не в силах слушать дальше без слез умиления... Не обращая внимания на летевшие в спину комьями грязи крепкие эпитеты, из которых «неблагодарная скотина» выглядел наиболее мягким, Вик, как был – в этих вот джинсах, сапогах и рубашке – вылетел вон, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Он, конечно, уже давно мог вернуться домой. Родители наверняка уехали, и квартира скорее всего пустовала. Несмотря на бурное лето, он каким-то образом ухитрился до сих пор не потерять ключей, но упорно не желал не только идти домой, но даже просто звонить туда.

Первое время Зелинский ошивался в общаге, но потом познакомился с одной симпатичной дамочкой и недели две прожил у нее в театральной гостинице. Он мог бы оставаться там сколько его душе угодно, благо дамочка в гостинице жила постоянно и даже достала для него запасной, обычно хранившийся у дежурных ключ. Ее номер располагался на последнем, пятом этаже, вполне приличный. Вечером количество «антисемитов», то есть тех, кто любит выпивать после семи, когда все торговавшие «огненной водой» магазины запирали двери, неуклонно возрастало, и перед входом в заведение выстраивалась длинная цепочка граждан, жаждавших, как водится, не только хлеба, но и зрелищ, и, что самое главное, – водки, коньяка и шампанского.

Естественно, кроме главного входа (для всех) имелся, как это часто случается, и второй, предназначенный для обитателей безымянного отеля. Вход этот, так же, как и первый, охранялся отставным старшиной или полковником, что, если разобраться, в данной ситуации одно и то же.

Имея на руках ключ с пластмассовым номерком, Вик с подружкой беспрепятственно проникал в отнюдь не перегруженное, несмотря на очередь возле главных ворот, заведение.

Тут подвернулись два небольших дельца, которые они с Димкой благополучно и без особых хлопот обстряпали, и толстячок, верный установившимся традициям, оставил весь товар себе (Вик обычно не занимался реализацией добычи) и расплатился с ним наличными. Бегемоту такой расклад был выгоден, он, конечно, на этом также наваривал, отдавая, как правило, процентов семьдесят–восемьдесят от того, на что тянула доля компаньона. Такой дабл-дилин[4] согревал большое и отзывчивое Димкино сердце, поэтому Вик не спорил, делая вид, что ничего не замечает.

Прошло уже более двух недель его идиллической гостиничной жизни, когда Наташа – так звали милую дамочку – решила собрать нечто вроде вечеринки, чтобы что-то там отметить, а главное затем, чтобы похвастаться перед подругами молодым и красивым кавалером. Хотя ей и перевалило уже за тридцать, выглядела Наташа самое большее на двадцать пять, маленькая, но очень хорошо сложенная, она едва доставала любовнику до плеча.

Собирая друзей, женщина руководствовалась самыми благими намерениями, которыми, как известно, вымощена дорога в ад.

Одна из подруг привела с собой мужа, а Вик для компании пригласил Диму. Время для сбора по летней поре выбрали какое-то уж очень нелепое – с пяти до шести. Сели за стол в самом начале седьмого. Веселье пошло резко – вперед и ввысь. К восьми часам все «горючее» кончилось. Не беда, коль деньги есть, – кабак под боком. Даже приятно слегка поразмяться после теснющего для семерых номера.

Внизу – хорошо, народ еще не перепил, веселится. Девчонок полно. Музыка, танцы... Уходить не хочется, но надо.

Возвращение Вика в Наташкин номер собравшиеся встретили радостными криками, и он торжественно водрузил на стол неказистую темного стекла бутылку с горячо любимой народом сорокаградусной. Выдержав многозначительную паузу, Вик сорвал дополнительные аплодисменты, явив обществу еще и бутылку шампанского. Дамы захлопотали, организовывая новую закуску. Постригли салат, мужики тем временем успели хлопнуть по одной.

Внизу компашка, выруливша из кабака, расположилась отдохнуть на солнышке. Затянули какую-то песню нестройными голосами. Вик высунул из окна нос – с десяток парней и девушек. Как раз в это время в номере налили еще по одной. Чтобы заправить салат, Наташа открыла поллитровую банку майонеза... Отвратительный запах наполнил помещение. Дело понятное – лето, солнце, холодильника нет...

И какой черт дернул Вика взять и швырнуть банку с протухшим майонезом из окна? Певуны малость достали? По-человечески понять такой поступок можно, но одобрить, конечно же, никак нельзя.

---

[4] double-dealing – двуручничество (англ).

Банка угодила точно в край козырька над входом в гостиницу и, разбившись, обдала веером осколков и брызг всю распевавшую компанию, вольготно расположившуюся на каменном бордюрчике как раз напротив дверей. Пение, понятное дело, немедленно смолкло, вместо него раздался дружный забористый мат, которым в равной степени виртуозно владели как представители сильной, так и слабой половины компании.

Вик, выглянув в окно, словно зачарованный любовался плодами своих трудов и не успел вовремя убрать оттуда любопытный нос. Наконец даже самые глупые из пострадавших, бросив бесполезные попытки привести в порядок одежду, подняли головы и поняли, что оттуда сверху на них, безобразно улыбаясь, смотрит не кто иной, как виновник их нелепого положения, то есть как раз личность, учинившая все непотребство.

Вик уже не сердился на них за издевательство над его слухом и поэтому приветственно помахал рукой. Вымазанные тухлым майонезом незадачливые певцы, не разделив доброжелательного настроя Вика, обложили его матом. Но хуже того: они совершенно неправильно поняли сделанный им жест, абсолютно безосновательно приняв его за приглашение подняться. Не прошло и трех минут, как в дверь Наташиного номера яростно забарабанили.

Возможно, все бы и обошлось малой кровью, если бы пострадавшие не выдвинули одного нелепого требования. Им, видите ли, захотелось, чтобы перед ними извинились...

Женя, муж Наташиной подруги, оказался бывшим спортсменом, гребцом на академической распашонке, он был выше Вика сантиметров на десять и тяжелее его килограммов на пятнадцать. Пришедшим мстить за поруганную честь, испачканную одежду и испорченное настроение пришлось нелегко, но и их обидчику с компанией тоже досталось.

Вик, которому «суки лягавые» всегда были не по сердцу, оказался единственным, кому удалось унести ноги от примчавшегося снизу милицейского наряда. Остальных, невзирая на степень вины и активность участия в драке, стражи порядка повязали и продержали в отделении до утра, когда судья, очевидно, пребывавший в добром расположении духа, не долго разбираясь, подверг всех и каждого штрафу в размере двадцати рублей и отпустил с миром. Наташе пришлось хуже всех: ее чуть не выперли из гостиницы и с работы, а самое главное, замечательный дружок исчез навсегда.

Зелинский тоже пострадал, но довольно своеобразно. На улице вдруг резко похолодало, а ему пришлось несколько дней кантоваться по друзьям и знакомым, прежде чем он обрел более или менее постоянное пристанище. Чтобы не замерзнуть, он купил у одного приятеля за двадцатку истертую, под стать своим «левесам» куртку «Wrangler». Неизвестно почему, но на следующий день Вику взбре-

ло в голову ее подновить. Он навестил старого приятеля по кличке Алконавт, славившегося незаурядными познаниями в химии, а также непоколебимой убежденностью в том, что пить можно все, лишь бы потребляемая жидкость улучшала настроение и поднимала работоспособность. Работоспособность это тоже являлась предметом гордости Алконавта, его коньком. Он уверял, что может трудиться двадцать пять часов в сутки, восемь дней в неделю. Его всегда можно было застать на кафедре химии в университете, где он учился и работал лаборантом. Вникнув в суть поставленной перед Виком задачи, Алконавт с рвением принялся за дело. Но прежде предложил приятелю отведать самодельного напитка. Вик сдуру согласился.

Напиток и в самом деле оказался неплох, его можно было даже не закусывать, хотя закуска и имелась в наличии – два плавленых сырка «Новый» и остатки майонеза (опять майонез!) на донышке двухсотграммовой баночки. Между делом Алконавт смешал какие-то порошочки. Их цвет и повторное принятие спиртного убедили Вика, что краска получится синяя, и результат будет именно таким, какого он хотел.

Вполне вероятно, что именно так бы все и кончилось, но Алконавт предложил старому школьному другу продегустировать «смесь номер...»

Сколько всего смесей ему удалось попробовать, Вик с точностью сказать не мог, скорее всего, не больше десяти... Он был крайне изумлен, проснувшись утром среди колб и пробирок. Всю ночь ему снился кошмар – он сдавал в школе экзамен по химии, причем не кому-нибудь, а самому Менделееву. И первое, что он увидел, открыв глаза, был портрет бородатого экзаменатора на стене. Вторым оказался Алконавт (в миру прозывавшийся Валерой), который спал за столом, уронив многомудрую голову на руки. А затем Вик заметил третье и самое страшное из того, что открылось его затуманенному взору, – это была вешалка, на которой висело что-то зловеще синее...

Какая-то мысль пришла в голову Зелинскому. Он поднялся и подошел поближе. Протянул руку и, пощупав то, что всего несколько часов тому назад было джинсовой тканью, подумал, что пуля, пожалуй, это не возьмет, разве только крупнокалиберная и непременно бронебойная...

Проснувшийся Валера запихал-таки приятеля в куртку и попробовал убедить его в том, что это вполне можно носить.

– Конечно, конечно, – успокоил его Вик, с трудом высвобождаясь из «доспехов». – Только ты со мной вместе ходи и рассказывай всем, что ты куда-то там какую-то не ту кислоту влил...

– Да не кислота это...

– Старик! – хлопнул гениального химика по плечу его школьный товарищ. – Идея есть, ты это военным предложи, только не у нас,

наши пока-а-а въедут! Ты этим, которые империалисты, которые в Пентагоне сидят... А, ясно, ты патриот... Тогда лучше нашим.

– Ты приходи вечером, Вить, – потупясь, сказал Алконавт. – Я ее отмочить попробую, мыслишка есть...

– Спасибо, браток, спасибо...

– Извини... Может, выпьем чего, а то башка трещит?

– Не-а, – покачал головой Вик и посмотрел на циферблат своего «Ориента»: было только начало шестого утра. – Извиняй, в этот час не пью, а тебе советую – поосторожней, а то перельешь чего-нибудь и превратишься в памятник... хм, Менделееву...

Вик вышел на улицу, зябко поеживаясь, и застегнул на рубашке все оставшиеся после задушевных бесед с певунами пуговицы. Таким образом он, как и все, налетел на двадцатку, плюс небольшой фингал под глазом, плюс разбитый кулак и минус пуговицы...

Вик улегся на спину, закинув руки за голову, и, сощурившись, стал смотреть в бледное выгоревшее небо.

Через три дня – двадцатник... А потом? Пройдет месяц, всего один только месяц – и наступит осень, а еще через полмесяца лужицы по утрам будут покрываться тонким ломким ледком...

– When the summer's gone, where will we be? – спросил себя Вик одними только губами. – Где будем мы, когда кончится лето?[5]

Ему послышались тихие, как всплески воды у берега или шорох подающей осенней листвы, звуки рояля и нежные всхлипы гитары. Неведомо откуда взявшийся у него в мозгу хрипловатый низкий голос, точно вспоминая что-то такое, чего не будет никогда, ронял сами собой превращающиеся в песню слова. В ней не было сожаления, только грусть. То, что уходит, не возвращается, и ничего никогда не повторяется – так что ж и грустить тогда? Но он все-таки грустил.

«Where will we be?» – повторил голос, точно спрашивал об это у Вика.

«Где и в самом деле я буду, когда кончится, уйдет, канув в сырой мгле навсегда, это лето? Когда придет осень?» – спросил он себя и подумал вдруг, что скоро исполнится четыре года... Четыре года, как той безумно далекой осенью пришла к нему «весна», а следом за ней – настоящей весной – горькая мрачная «осень»...

* * *

В ту осень Виктору шел семнадцатый год.

Незаметно промчался по-летнему теплый сентябрь, кончилась уже первая неделя октября, неожиданно разразившаяся дождем. Хотя отчего же неожиданного? Октябрь есть октябрь. Дожди тоже как-

[5] Слова из песни Джима Моррисона «Когда кончится лето».

то уж очень быстро сменились ночными заморозками и промозглой сыростью стремительно укорачивавшихся дней.

Он простудился. Это случалось с ним так редко, что, вырванный из привычной каждодневной суеты – школа, тренировки, репетиции в школьном ансамбле, – он оказался словно бы под домашним арестом, потому что чувствовал себя уже хорошо, а выходить на улицу ему еще не разрешали.

Родители, как и почти всегда, были в отъезде. Цирковые акробаты, они одиннадцать месяцев в году гастролировали, если не за рубежом, то где-нибудь по обширным просторам родной советской державы. Дома была только бабушка, умная, добрая и ласковая. Но не станешь же с бабушкой говорить о новых альбомах «Флойдов» или «Цеппелинов». Пару раз, конечно, забегали друзья, пили чай на кухне, трепались, слушали пласты из последнего отцовского привоза. Много времени Вику удалось скоротать, «снимая» с пластинок тексты и музыку «Doors».

Поначалу это здорово увлекало, но аккорды подбирались сравнительно легко, а вот в тексты своих удивительных песен, кажущихся на первый взгляд такими простенькими, старина Джим умудрялся коварно вставлять такие словечки, что, несмотря на превосходную дикцию вокалиста, хорошую запись и качественное звучание аппаратуры, целые строчки иногда оставались непонятными. Не всегда помогали тут и тяжелые словари... Родительская библиотека, в отличие от коллекции джазовых пластинок, любовно собираемых отцом, совсем не баловала разнообразием. Хотя книг было и немало. Большинство из них принадлежало еще деду, которого Вика никогда не видел, но о котором много слышал. Четырехтомник любимого Хэма был уже давно и не однажды прочитан от корки до корки. «Над пропастью во ржи» Сэллинджера, не перевод, а «родная» американская книжка, привезенная и подаренная матерью, зачитана до дыр и вызубрена чуть ли не наизусть. Еще год назад проглоченный взахлеб «Понедельник...» братьев Стругацких нагонял теперь смертельную тоску уже на тринадцатой странице. Делать, одним словом, было нечего...

Привыкший подниматься в шесть, чтобы успеть сделать обычную полуторачасовую зарядку с эспандерами и гирями, Вик за две недели никак не мог отвыкнуть от этого. Хотя гимнастика пока что находилась под запретом, а в школу ходить было не нужно, все равно, проснувшись, он не мог заставить себ уснуть и, провалявшись в полудреме час-полтора, вставал, совершенно не зная, куда себя девать. Бабушке, привыкшей подниматься вместе с внуком, чтобы накормить его завтраком, естественно, тоже не спалось.

В тот день, с сочувствием посмотрев на изнывающего от скуки парня, Антонина Михайловна, так звали бабушку, спросила его:

– Измаялся без дела-то?

Он кивнул.

– Ничего, на днях выпишут уже, все опять своим чередом пойдет. Когда трудишься – то жить легко.

– Угу.

– Почитал бы чего-нибудь, а Витюш?

– Прочитал уж все...

– А ты бы дедушкину какую взял, а?

– Я потом... Мне еще учебники полистать надо... – засуетился Вик, не желая обижать бабушку отказом.

– Ладно, ладно, – успокоила она внука. – Потом как-нибудь обязательно почитай.

Она помолчала немного вместе с Виком, отстраненно смотревшим куда-то мимо нее в окно, за которым начинался серый октябрьский день, и подумала о том, что он еще очень молод для книг ее покойного мужа, и вдруг, обрадовавшись неожиданно пришедшей в голову мысли, предложила:

– А хочешь, я к Маше поднимусь? Она, наверное, еще не ушла. Уж у нее книг – тьма, да все сплошь дефицитные, она ведь в «Доме книги» главбухом работает.

Двадцатипятилетняя Маша или Мария Николаевна, преуспевающая деловая женщина, появилась в их кооперативном доме года четыре назад еще студенткой в результате какого-то обмена. Бабушка, иногда захаживавшая к ней, что-то говорила про этот обмен, но Вик пропустил ее слова мимо ушей. Он иногда встречался с Марией Николаевной, которая жила двумя этажами выше, на улице или в подъезде. Обычно она приветливо, хотя немного рассеяно здоровалась с ним, а точнее – отвечала на его приветствия, потому что сама ходила не глядя по сторонам, словно погруженная в какие-то свои мысли и всегда спешила.

– А хочешь, сам к ней поднимись? У нее тридцать шестая квартира... Или нет, давай вот что: я ей сейчас позвоню, а ты сам сбегай, только носки теплые надень, а то в подъезде сквозняк, – сказала бабушка и решительно направилась к телефону.

– Ты давай скорее, – торопила через минуту Антонина Михайловна внука, уже натягивающего носки. – Она сейчас убегает, а у нее как раз какая-то хорошая книжка для тебя есть. Какая-то редкая...

Вик быстро поднялся по лестнице и позвонил. Дверь открылась сразу, и на пороге появилась она с черным лайковым плащом в руках. Вик окинул взглядом стройную фигурку в сером шерстяном платье, прикрывавшем колени, красивую шею, серые глаза с длинными густыми ресницами, ярко накрашенные губы и слегка раскрасневшиеся от спешки щеки. Вик вдруг подумал, что его бабушка, как-то сказавшая, что Мария Николаевна очень красивая, была абсолютно права.

– Здрасс, – секунду другую помедлив, промямлил Вик.

– Здравствуй, Ви... – Она споткнулась. Он все время казался ей ребенком, а вот надо же, несмотря на ее шикарные французские

сапоги на десятисантиметровых каблуках, все равно немного выше ее ростом, наверное под метр восемьдесят. И щеки... видно, что бреется уже... Лицо красивое, вот только нос... Сломан? Так ведь он же спортсмен, боксом занимается, Антонина Михайловна говорила. Зато глаза... Назвать его Витей язык не повернулся и, наконец, она как-то само собой произнесла его полное имя. Получилось, пожалуй, немного торжественно.

Он кивнул и внезапно показался себе страшно неуклюжим, неловким и просто уродливым в старенькой фланелевой рубашке и отцовских с кожаными заплатками джинсах, которые были ему уже немного коротковаты.

– Глупая я, – весело сказала Мария Николаевна, справляясь с секундным замешательством, – могла бы и сама книжку занести, мне же все равно вниз спускаться... Я потом сообразила, а ты уже в дверь звонишь.

– Да мне что, мне разве трудно, – солидно ответил Вик.

Он почти уже совсем овладел собой, а женщина вышла из квартиры и, отвернувшись от него, стала запирать дверь. Мария Николаевна немного замешкалась, потому что под мышкой держала сумочку и книгу, а замок был норовистый.

– Тут дернуть надо, – сказала она, поворачивая к нему раскрасневшееся лицо словно прося помощи.

– Можно я? – попросил он, и Мария отстранилась, оставив ключ в непокорном замке. Что-то очень властное, совсем не детское, мужское было в этом абсолютно естественном в данной ситуации предложении.

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед и протянул руку к двери, на секунду оказавшись буквально в нескольких сантиметрах от женщины. Вик уловил сладко-дурманящий запах. От матери пахло такими же вот дорогими духами, но несколько по-иному, а, может быть, он просто забыл.

Резко дернул на себя ручку, Вик дважды наугад повернул ключ в замке и, толкнув дверь, сказал протягивая хозяйке ключ:

– Порядок.

Та уже успела надеть плащ и, поблагодарив за помощь, вручила Вику книжку. Попросила, как бы извиняясь:

– Побыстрее, если можно, это только позавчера поступило, раньше только в «Москве» печатали. Трех дней хватит?

Вик повертел в руках книжку, взглянул на переплет, точно прикидывая: много это – три дня – или мало?

– Хватит! – решил он наконец.

– Ну вот и здорово, – улыбнулась Маша, взявшись рукой за перила. – Извини, мне бежать надо, а то я и так уже опаздываю, проспала, только под утро и дочитала. – Пройдя один пролет, она друг остановилась на лестничной площадке и, как-то странно посмотрев на Вика, неожиданно сказала: – Там героиня есть... у

нее инициалы Эм. Эн., только она Маргарита... Занеси, как прочитаешь. Хорошо?

И не сказав ему «до свидания», она заспешила вниз по лестнице. Вик стоял, уткнувшись в обложку, и слушал, как цокают по ступенькам Машины каблуки. Хлопнула дверь внизу, и все смолкло. Постояв зачем-то еще минуту, он стал медленно, чуть вразвалочку спускаться домой.

Все утро, весь день и весь вечер он читал, выползая из комнаты только на настойчивый зов Антонины Михайловны, уже и не радовавшейся такому повороту дела. Она лишь покачала головой, когда, пожелав внуку спокойной ночи, услышала в ответ только какое-то неопределенное мычание. Под утро она проснулась и, выйдя в коридор, заметила свет из-под двери, ведущей в комнату внука. Антонина Михайловна тихонько вошла внутрь. Виктор спал. Книжка лежала рядом на тумбочке. Странное название и незнакомый автор. Она постаралась напрячь память. Нет, ни название, ни фамилия на обложке ничего ей не говорили. Сама не зная почему, Антонина Михайловна почувствовала вдруг необъяснимую щемящую тоску, а, может, просто закололо сердце. Что-то вдруг нашло на нее. Стараясь поскорее прогнать это ощущение, она погасила свет и на цыпочках, бесшумно вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Телефон взорвался на тумбочке треском автоматных очередей. Маша, выскользнув из-под одеяла, дотянулась до него узкой изящной рукой и, схватив трубку тонкими длинными пальчиками, поднесла ее к лицу, затем, переводя дыхание и набрав в легкие воздух, ровным бодрым голосом произнесла:

– Ал-ло. Слушаю... Да, Антонина Михайловна, да у меня... Книжку принес, да... Обсудить захотелось... Да, да, очень редкая... Нет, нет, ну что вы... Просто заболтались... Нет, все прекрасно, сейчас как раз книги ему подбираем по... м-м-м... школьной программе. Да ну что вы! Не за что... Да, да, сейчас идет... Ну что вы... До свиданья.

Чуть не прыснув в трубку, Маша поспешила повесить ее. Шлепнув Вика по мощному голому бедру, она, рассмеявшись, скомандовала:

– Поднимайся, читатель!

Вик проснулся оттого, что лязгнул дверной замок. Протянув руку к тумбочке и нашарив там часы, он поднес циферблат к глазам. Ну и дела! Двадцать пять девятого! Вик сообразил, что бабушка ушла в «шопинг», а это верных два часа. Он хотел было снова откинуться на подушку и провалиться обратно в сон: виделось ему что-то хорошее, но что именно, он никак не мог сообразить. Он старался вспомнить, но с каждой секундой сон все больше истаивал, истончался невесомой паутинкой в безжалостном свете утра. Вик под-

умал даже, что это был вовсе не сон, а просто фрагменты книжки, проглоченной вчера. Вот она, лежит рядом на тумбочке. Ничего подобного он никогда не читал. Не фантастика – нечто большее. Даже и слов не подберешь.

Решение пришло сразу. Он вскочил на ноги, прыгнул на мягкий пушистый палас и, сделав несколько отжиманий на одних руках, как настоящий акробат, держа ноги на весу параллельно полу, быстро направился в ванную. Вернувшись к себе, он достал привезенные отцом из последней поездки джинсы, наскоро сорвал бумаги и, оставив впопыхах зацепившуюся за карман скрепку, напялил толстый негнущийся коттон. Затем открыл коробку с еще ни разу не надеванными мексиканскими сапогами на высоком скошенном каблуке и, сопя от напряжения, принялся натягивать их на ноги. Достал абсолютно новый свитер из синего мохера и надел его прямо на голый мускулистый торс.

Схватив книжку, Вик выскочил на лестницу и, только услышав, как хлопнула закрывшаяся за ним дверь, вспомнил, что не взял ключи. В несколько прыжков он поднялся по лестнице, подошел к черной обтянутой дерматином двери и позвонил. Долго не открывали, и он успел подумать, что Мария Николаевна уже ушла на работу, и ему, идиоту, придется в новеньком прикиде загорать на лестнице... Но нет! Повезло. Внутри послышались быстрые шаги, щелкнул замок и дверь открылась.

– Вик... – Она опять от неожиданности споткнулась, произнеся только половину его имени и так и не закончила его. Хлопая ресницами больших, еще не проснувшихся глаз, она удивленно спросила: – Ты?

Поняв, что разбудил женщину и как бы оправдываясь за свое неожиданное вторжение, он выставил вперед книгу и сказал:

– Вот, прочитал... Хотел вернуть...

– Уже? – изумилась она. – Так быстро?

– Да... Думал ты, вы... думал, вы уже встали на работу...

– Да нет, сегодня же суббота. Магазин работает, а у меня выходной.

– Извини... те.

– Да брось, ерунда, все равно вставать пора... Книжка-то хоть понравилась?

– Класс! – Глаза Вика вспыхнули.

– Да, книжка классная! – в тон ему ответила Маша, которой очень понравилось это определение, и добавила: – Настоящая.

– Я ничего такого не читал. Никогда, – неожиданно погрустнев, сказал он, протягивая чудесную книгу хозяйке. – Можно потом будет взять еще раз?

– Конечно...

Наверное, Марии Николаевне следовало бы, взяв книжку, попрощаться с этим высоким, красивым, но таким еще в сущ-

ности маленьким мальчишкой. Она же на свою беду окинула его взглядом с головы до ног, задержавшись на острых носах сапог.

– Я погулять собирался, – соврал Вик, чувствуя себя сейчас еще нелепее в этом первый раз надетом наряде, чем вчера в старых домашних джинсах и шлепанцах. – Потом передумал, да вот ключ забыл...

– А бабушка спит еще?

– Нет, она уже во всю шопингует...

– Что-что?

– За продуктами пошла, за молоком там... ну, в общем, в магазин, – пояснил Вик, нехотя поворачиваясь, чтобы уходить.

– Эй, ты куда?

– Пойду, – неопределенно пожимая плечами, сказал парень, прекрасно понимая, что торопиться ему некуда.

– А как же ключ?

– Подожду, может, повезет, и она быстро вернется.

– Заходи, твердо сказала Маша, широко открывая дверь. – Кофе пьешь?

– Пью иногда...

– Я здорово завариваю, у меня свой рецепт, только молоть не люблю, – объявила хозяйка, провожая гостя на кухню, где вручила ему банку с кофейными зернами и ручную мельницу. Он машинально принял и то и другое. – Снимаешь крышку, туда кофе, – деловито поясняла она, – и крути, крути, а я скоро.

Она действительно вернулась быстро, как и обещала, и с удивлением уставилась на кофемолку в руках гостя.

– Когда ты успел столько намолоть? – спросила она и добавила уже с очевидным восхищением: – Мне бы минут пятнадцать крутить пришлось... Электрическую надо достать... Или лучше тебя каждое утро приглашать?

Маша потянулась к кофемолке и, столкнувшись рукой с его натруженными костяшками, сама не зная зачем, провела по ним подушечками пальцев. Почувствовав на себе пристальный взгляд, она медленно, словно нехотя, подняла глаза. Маша была в шлепанцах на босу ногу, а он на каблуках, что делало его значительно выше, поэтому Вик и смотрел на нее, владелицу необыкновенной книги и любительницу ароматного кофе, сверху вниз. Что же было в этом настойчивом взгляде? Интерес, восхищение, обожание? Желание? Прыгая в черную бездну его глаз, она не успела додумать эту мысль до конца.

Вик вспомнил ее вчерашнюю. Стройная фигурка, обтянутая серым платьем, не застегнутый черный плащ. Длинные ноги, маленькая грудь, тонкая талия, крутые скульптурные бедра. Теперь все это было рядом... Запах! Он чувствовал, знал, что это не духи – так пахло ее обнаженное тело под тонкой материей халата.

Вик, едва не выронив кофемолку, поставил ее на подоконник, обеими руками обхватил спину женщины, и изо всех сил прижал ее к себе.

Маша услышала, как хрустнули кости. В глазах потемнело, дыхание замерло. Она почувствовала, как кто-то неумело, но жадно впился в ее губы. Ослабив хватку, Вик оторвался от сладких пьянящих машиных губ и, отстранившись немного назад, заглянул в раскрасневшееся лицо женщины. Целую минуту, а, может быть, и целую вечность они смотрели друг на друга затуманенными глазами.

Первой пришла в себя Маша.

– Задавишь, медведь, – улыбнулась она и тихо, но решительно сказала: – Пойдем...

Вик приподнялся и присел в кровати, растерянно прислушиваясь к тому, что говорила Маша, пока та, уже положив трубку, не повернулась к нему, рассмеявшись от всей души.

– Поднимайся, читатель! – сказала она, хлопнув Вика по бедру.

Потом они выпили вместе кофе. Вик понимал, что пора уходить, но все никак не хотел, не мог сдвинуться с места. Маша, взяв с полки несколько книг, протянула их ему:

– Читать не обязательно, просто я Антонине Михайловне сказала, что мы с тобой литературу подбирали.

Вик кивнул, но явно не спешил уходить.

– Пора тебе, – сказала Мария не очень решительно, точно сомневаясь, надо ли ему на самом деле уходить. – Мне тоже пора, на Сенной слетать надо, а потом на службу.

– Ты же говорила, что у тебя выходной? – с вызовом напомнил ей Вик.

– Выходной, не выходной, а на работу все равно идти придется.

– Что это еще за эксплуатация человека человеком?

– Это не эксплуатация, просто так уж вышло, что у меня сегодня день рожденья, а коллегам выставлять положено!

– Извини, я не знал, поздравляю... – растерялся он.

– Ты меня уже и так поздравил, – Маша рассмеялась, – самый первый.

В воскресенье он пришел опять. В понедельник тоже. Во вторник его выписали, но в школу он не пошел. Вернее, пошел, но не раньше, чем навестил возлюбленную. На работу ей надо было к десяти. Когда они первый раз посмотрели на часы, они показывали уже без четверти десять.

– Ладно, скажу, что в банк ходила, – махнула рукой Маша и, выскакивая из постели, крикнула на ходу: – Одевайся, прогульщик!

– Это кто тут прогульщик? – отпарировал Вик.

– Завтра придется быть паиньками, милый, – сказала она и, увидев, что он сразу погрустнел, пояснила: – Работа есть работа, если сможешь, приходи вечером.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

– Да вечером у меня репетиция... – начал Вик невесело. – Ребята, пока я болел, и так уже дважды без меня собирались, а сейчас пора к вечеру готовиться.

– Тогда...

– Ладно, я пораньше свалю.

Он, конечно, пришел. Теперь он называл свою возлюбленную Машенькой или Мари. Она же, выяснив, что парень терпеть не может собственного полного имени, независимо от того, на какой слог обращающиеся к нему делают ударение, задумалась. Обращаться к нему Витя, Витенька или тем паче Витюша ей и самой претило. Это она назвала его Вик, и многие не сразу, постепенно, тоже стали называть его так.

Как-то незаметно пролетела осень и следом за ней вся календарная зима. Наступил март. Горы снега, накопившиеся за последние месяцы, еще только начинали подтаивать. Солнце показывалось редко, гораздо чаще из тяжелого свинца неба на покрытые грязным месивом улицы сыпался и, как бы нехотя кружась, будто оттягивая встречу с землей, падал крупный сырой снежный рой или холодными косыми струями хлестал дождь. Погода не изменилась и к середине марта.

Международный женский день Мария Николаевна, как и полагается, отмечала на работе, а вечером им наконец-то удалось остаться вдвоем. Вик сказал бабушке, что придет поздно, потому что в школе вечер, на котором их ансамбль или группа, как упорно величали себя сами ее участники, будет представлять жаждущей общественности новую программу. Однако внук Антонины Михайловны попросту вешал ей на уши лапшу.

С лид-гитаристом группы – Вик играл вторую гитару – Лешкой Пузыревым по кличке Фанфурик они имели крупный разговор еще перед Новым годом. Но менять Вика тогда было не только поздно, но и, если разобраться, не на кого. Прогулявший несколько репетиций согруппник тем не менее быстро схватил свою партию и не подвел, отыграв все двадцать шесть новых песен. Фанфурик имел обыкновение почти полностью менять весь репертуар к каждому школьному вечеру, за исключением нескольких песен, ставших в школе даже своеобразными хитами. Он, конечно, не мог хоть как-то не наказать приятеля и сделал это, сняв две песни, которые исполнялись группой еще в прошлом учебном году и которые принес, полностью разложив все партии, Вик. Он же и пел их, стараясь тщательно копировать манеру исполнения Джима Моррисона. Одну из песен было особенно жалко, это была любимая «Alabama Song», или «Whiskey Bar». После новогоднего вечера с группой пришлось проститься. Вик без всякого сожаления узнал, что его место занял какой-то пацан из девятого класса. Один из тех, что всегда стайкой человек в пять-шесть сидели на каждой репетиции.

С боксом тоже было покончено. С мастером спорта Андреевым или, как звали его между собой ребята, Андреичем Вик поссорился еще круче, чем с мелочно мстительным Фанфуриком. Тренер несколько раз пытался поговорить с Виком начистоту и выяснить причины его столь прохладного отношения к тренировкам. Не добившись сколь-либо вразумительного ответа, Андреич с присущей ему прямотой высказал, а точнее вывалил на голову Вику все, что о том думал. При этом не преминул проехаться даже по прическе, о которой, казалось, давно уже позабыл.

Уроков Вик не учил. Учебники лежали как новенькие. Страницы тетрадей блистали девственной чистотой, как январский снег в поле в солнечную погоду. От окончательного краха Зелинского спасала превосходная память. Несмотря на ставшую в последнее время свойственной ему мечтательность, он очень хорошо запоминал то, что учителя говорили на уроках. Вся беда состояла в том, что на многих из них он не присутствовал. Определенную роль сыграла репутация хорошего ученика, и никто не тревожил Антонину Михайловну, которая сама в немалой степени была обеспокоена переменами в поведении внука, но привычка доверять ему, выработавшаяся у нее, сделала свое дело. Позвонить классной руководительнице Виктора бабушка не решилась. К тому же как раз этой зимой начала она непривычно плохо себя чувствовать, несмотря на то, что даже и до семидесяти было ей еще далеко.

Однажды, уже в середине марта, он вышел из квартиры и быстро двинулся наверх. Путь этот стал уже настолько привычным, что ступеньки и пролеты лестницы, отделявшие его от любимой, Вик преодолевал почти автоматически, стараясь только сдерживать себя, чтобы не бежать, а идти, хотя ходьба эта по скорости больше напоминала марафонскую.

Там наверху у кого-то громко хлопнула дверь и щелкнул запиравшийся замок. Вику показалось, что кто-то крикнул или, скорее, прошипел что-то вроде: «Ну погоди, сука, поползаешь у меня на брюхе!»

«У нее? – с тревогой спросил себя Вик. – Да нет, просто показалось...!

На сем скоротечные размышления пришлось прервать. Прямо на него сверху не спускался – летел невысокий плотный, лет сорока на вид мужчина в кожаном плаще точно такого же качества, что и у Маши. В руках незнакомец держал дипломат и букетик гвоздичек и выглядел страшно раздраженным, скорее даже взбешенным. Встретившись с ним на секунду взглядом, Вик хорошо успел рассмотреть лицо мужчины – плотное, мясистое, круглое. Жирные щеки пылали румянцем, маленькие поросячьи глазки сузились и стали похожи на щелочки. Из этих щелочек струями била почти физически ощутимая злоба.

Обдав походя попавшегося ему пацана фонтанами этой злобы, мужчина, не оглядываясь, помчался дальше вниз по лестнице. Вик, сам не зная зачем, остановился и, когда уже хлопнула дверь в подъезде, почему-то приник к мутноватому стеклу, наблюдая – куда же направится пышащий ненавистью тип? Тот в несколько шагов достиг стоявшего рядом с домом красного «жигуленка-трешки», резко открыл дверку, прыгнул на сиденье, и тотчас же, не прогревая двигателя, рванул с места и исчез из виду.

Маша встретила любимого несколько напряженно, открыв дверь, как будто бы даже не сразу поняла, кто перед ней, но потом радостно улыбнулась, и от блеснувшего в ее глазах испуга не осталось и следа. На ней был один из вариантов «униформы». Так Мари, любившая носить свободную, ни к чему не обязывающую одежду, называла костюмы и платья, которые надевала на работу. На сей раз – прямая черная юбка и шерстяной блэйзер с золотистыми металлическими пуговицами. Судя по всему, она только что пришла, потому что не успела даже снять сапоги, те самые французские, в которых была в тот день, когда Вик пришел к ней за книжкой...

Как правило, он предупреждал о своем визите, но сегодня бабушка все время находилась поблизости от телефона, а при ней Вик старался не звонить Маше в целях конспирации, а просто одевался и делая вид, что собирается по своим делам, поднимался к возлюбленной. Так он поступил и сегодня.

– Этот боров от тебя, что ли, вылетел? – спросил он, разжимая объятия.

– О ком ты, милый?

– Да мужик, здоровый такой, квадратный, как шкаф... Меня чуть не свалил, носорог бешеный, – криво усмехнулся Вик.

– А это, это... – начала Маша, понимая – нельзя просто так, отмахнувшись, соврать, что не знает никакого здорового рассерженного мужика, пулей вылетевшего из ее двери пять минут назад. – Это... м-м-м... директор!

– Твой?

– Нет, – нашлась она наконец. – Директор базы, книжной.

– А... понятно. А с чего это он так озверел?

– Да просто он неликвид пытается нам всучить, – принялась вдохновенно врать Мари.

– Чего, чего? – не понял Вик.

– Да балласт, нагрузку. Ну вроде как если ты кило колбасы покупаешь, а тебе в нагрузку кулек гвоздей суют.

– Причем тут гвозди?

– Да гвозди-то, конечно, ни при чем...

– А ты?

– Наш шеф боится ему так вот прямо отказать и все на меня кивает – дескать, бухгалтер против и все такое... Обычная история.

– А к тебе домой-то он зачем приперся?

– О, Господи! Зачем да почему! Известное дело, уговаривать пришел, конец квартала...

– Уговорил?

– А по нему не видно было? – расхохоталась Маша; тревога, казалось, совсем уже покинула ее, но в глазах, больших красивых серых глазах снова вспыхнуло беспокойство и еще нечто большее: смешанное с отвращением предчувствие чего-то очень нехорошего, чего-то страшного и неизбежного.

Почувствовав неладное, Вик встревожился:

– Что с тобой, милая?

– Да ничего, ничего... – ответила, она с трудом справляясь с собой. – Просто устала немного.

– Ну сядь, отдохни...

– Не отвяжется он ни в какую, нет, не отвяжется, – точно размышляя вслух, обреченно вздохнула Маша.

– Хочешь отвяжется? – спросил неожиданно жестким голосом Вик. – Я ему морду так начищу, что враз отвяжется! Хочешь?

– Морду? – переспросила Маша, как бы оценивая его предложение, но только махнула рукой. – Выдумал тоже! – И вдруг подумала, что перед ней мальчишка, которому нет еще и семнадцати, а она сумасшедшая, влюбленная дура, самая настоящая дура, только что накликавшая на свою голову большие неприятности.

– Жаль, а мне бы и не в труд даже...

– Да не вспоминай ты о нем, – улыбнулась она, надеясь, что ей самой удастся забыть о своем визитере хотя бы ненадолго, – забудь, завтра скажу, пусть Михаил Исакович все сам решает... Черт бы с ними со всеми.

– А и правда, хрен ли? – согласился несостоявшийся каратель директоров книжных баз.

– Вот и славно, – вздохнула Мари, понимая, что вопросов больше не будет. – Я чего еще расстроилась, мне в понедельник в Москву ехать, в командировку.

– Надолго? – огорченно спросил Вик.

– Не очень, дня два плюс дорога, в пятницу вернусь. А сейчас милости прошу, – закончила она и, церемонно взмахнув рукой, указала в направлении комнаты, где, как хорошо знал ее гость, находилась огромная складная кровать.

Маша никогда не сомневалась в том, что была в его жизни первой женщиной, но сейчас, когда прошло уже полгода, ее иногда посещали сомнения: столь способным в искусстве любви оказался ее юный кавалер, на глазах из мальчика превратившийся в юношу и еще быстрее в ее объятиях ставший мужчиной.

«Окажись с ним рядом теперь любая взрослая опытная женщина – и та не поверит, что он мальчишка», – подумала Маша, лежа с любимым в постели, и мысль эта, уже не раз за последнее время

приходившая ей в голову, показалась сегодня особенно неприятной. Против ее воли следом за этой мыслью пришла другая, еще менее приятная, о том, что когда-нибудь именно так и случится, обязательно случится. Надо просто не думать о том, что ждет впереди, особенно, когда ничего нельзя изменить. Надо просто не думать. Надо было, но получалось плохо.

– Могу я с тобой поехать? – спросил Вик, когда они, уже одетые, прощались у двери.

– Так у тебя же занятия! Конец четверти...

– А командировку перенести нельзя? Неделей позже? Там как раз каникулы...

– Перенести? Нет, перенести нельзя, надо до конца месяца успеть, а тут еще конец квартала, и так работы будет невпроворот, какие уж там командировки...

– Тогда к чертям занятия! Денег у меня немного есть, я пару пластов продал. Еду с тобой!

В понедельник они отправились в Москву вместе.

В вагоне СВ фирменного поезда было тепло, но не душно. Народу немного, контингент солидный, вежливая проводница. Словом, уют и комфорт. Влюбленные даже и не заметили, как промчались вечер и ночь, а утром в серой мгле еще зимнего рассвета их встречал Казанский вокзал столицы. Еще немного времени ушло на то, чтобы добраться до гостиницы, где заранее был забронирован для Марии Николаевны номер. Вложив в паспорт красную купюру с портретом вождя мирового пролетариата, Маша без проблем и лишних вопросов получила не только отдельный номер для себя, но и место для своего спутника в номере на четверых. Комфортабельность предоставленных ему апартаментов нисколько не волновала Вика, главное заключалось в том, что он стал обладателем визитной карточки проживающего, дававшей право беспрепятственного входа в гостиницу, но самое ценное – возможность находиться на ее территории после двадцати трех часов.

Днем любовники, которым не надо было теперь ни от кого скрываться, носились по мокрым от снега и дождя улицам огромного города по Машиным делам и просто по магазинам. Вечером, совершенно измученные, они добирались до своего тихого обиталища, где, выгрузив сумки с разными легкими спиртными напитками, фруктами и деликатесами, без сил опрокидывались на кровать, но, полежав так всего несколько минут, повинуясь рвущейся наружу страсти, в спешке скинув одежду, бросались друг другу в объятия.

Две ночи и почти целых три дня не прошли, не пробежали – с космической скоростью промчались, оставив легкое сладкое головокружение и сожаление о том, что так скоро, так невообразимо быстро все кончилось и надо ехать домой в только начавший

пробуждаться от зимней спячки город. Он теперь казался обоим нежеланным и даже недобрым. Наверное, им просто не хотелось возвращаться туда, где их встречи должны были оставаться тайными; или же где-то в глубинах подсознания пряталось маленькое, но острое, словно крошечный камешек в ботинке, предчувствие скорой и неминуемой беды. Впрочем, воспринимали они это по-разному. Многое из того, что не могло не волновать, не заботить, не пугать Марию Николаевну, не было известно Вику, который, не чувствуй он столь тонко настроений подруги, скорее всего, пребывал бы на седьмом небе от счастья.

О том, что произошло в тот далекий мартовский день, Вик думать не любил, а если случалось, что воспоминания против его воли все-таки брали над ним верх, чувства его скручивались в такой сложный клубок горечи, негодования, детской обиды и боли утраты, что разобраться в них он просто не мог. По мере того, как тот страшный март все дальше и дальше уходил в бездонные глубины времени, воспоминания Вика менялись, хотя, наверное, справедливее было бы сказать, что менялись не они, а его оценка всего случившегося тогда. Он становился взрослее, сильнее и старше, но так пока и не мог честно признаться самому себе, что расплата, настигшая обоих за их бесшабашное счастье, была каждому отмеряна разной мерой. Слишком разной, чтобы когда-нибудь они могли уравняться друг с другом.

Целые стаи волков бросились на них, и даже не дав опереться друг на друга, растащили их в разные стороны, чтобы растерзать.

Машу арестовали на следующий же день. Хищения. Финансовые махинации. Суд. Приговор – пять лет с конфискацией. Она исчезла навсегда.

Как раз в это время вернулись с гастролей родители Вика. Марк Сигизмундович ни на секунду не поверил в рассказанную матерью историю про экскурсию с классом на Родину Вождя, даже «привезенные оттуда» Виком красочные альбомы с видами города не убедили его. Родители позвонили в школу, куда их немедленно и пригласили. И не на какое-нибудь там родительское собрание, а прямо в кабинет директора.

Узналось, конечно, все.

Родители остались дома – о каких гастролях может идти речь, когда стоит вопрос о будущем сына? Отец самолетом помчался в Москву в главк. Объяснил, упросил, умолил. Пришлось отказаться от работы на долгое время, чтобы спасать единственное чадо от гибели. Они взялись за Вика! Школа – дом. Никаких контактов, никаких развлечений. Учеба, учеба, учеба. Выпускные экзамены, подготовка и поступление в медицинский институт. О том, чтобы поступать в университет, как ему когда-то хотелось, а уж тем более попробовать сдать экзамены в музучилище, как втайне мечталось, не могло быть и речи. Он, казалось, смирился, надев на шею ярмо

родительской опеки и покорно впрягшись в воз с гранитом знаний. На самом деле все стало ему просто безразлично.

Отношения с родителями, вернувшимися со временем к работе, наладились. Сыну стало можно доверять как прежде, и уже не столько его на бабушку, сколько ее на него, начавшую все сильнее и дольше болеть, оставлял мужественный, непреклонно властный Марк Сигизмундович.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дима со злостью захлопнул за собой дверь телефонной будки: «И кто бы сомневался, что ихнего Вик-сочества у Светки нет. Шляется, засранец!»

Он на всякий случай набрал телефон родителей приятеля. Вдруг Витьке надоела бродячая жизнь и он вернулся домой? Позвонил еще одной подруге. Тишина. Надо было что-то решать. Действовать. Мысль о том, что придется целый час трястись в душном переполненном автобусе по дороге в Светкин универмаг, приводила толстяка в тихое бешенство.

Самое главное, что он понимал всю бесплодность подобного предприятия, но знал, что все равно поедет. Что ему может сказать эта толстая корова? То же самое, что и вчера по телефону: «муж» в очередной раз не ночевал «дома». На ее пухлой толстогубой роже он лишний раз прочитает приговор всему мужскому роду: свиньи и кобели!.. Сама ты – свинья и сука!

«А вот Светкина подружка, Юлька, что рядом в отделе работает, девка клевая. Как это Витька до сих пор до нее не добрался? Не по зубам небось!» – злорадно усмехнулся толстяк, вспомнив, что сам пытался строить этой длинноногой красотке глазки, да без толку.

«А ну как Витька с ней вместе и конторится?! – стеганула неприятная догадка. – Черт! Тогда его днем с огнем не сыскать! Хотя нет, стоп, она-то должна на работу ходить?.. Ну и что мне все это даст?.. Эх, как ни крути, ехать придется».

На остановку толстяк притащился с опозданием лишь в несколько секунд, и большой желтый «икарус» с нужным ему номером, дымя выхлопными некачественной солярки, тяжело отвалил от испещренного откровениями поэтов-самоучек павильончика остановки. И полчаса не прошло, как появился следующий, тоже, конечно же, битком набитый. Куда, черт возьми, едут люди? Рабочий же день! Что, у всех выходной, отгул, отпуск, вторая смена?! Никакого порядка в стране! Распустились! При Сталине бы за такое!..

Духотища смертельная, несмотря на открытые люки и окна. Дима протиснулся в середину салона. Ему неожиданно повезло, какой-то мужик свернул газету и стал засовывать ее в сумку.

«Сейчас выходить будет», – догадался толстяк и ловко подсек едва успевшего подняться мужика, плюхнувшись на оставленное

тем сиденье. Рядом какая-то жирная тетка, тоже претендовавшая на драгоценное место, но не проявившая должной сообразительности и проворности, недовольно заворчала:

– Выкормили вас на свою шею...

Она оглянулась по сторонам, ища сочувствия и поддержки, но никто не хотел ввязываться – жара, и незадачливую претендентку дружно проигнорировали. Она, буркнув себе под нос, что-то, насчет того, что, мол, вспомянете еще, да поздно будет, умолкла. Приготовившийся было к сражению толстяк отвернулся и принялся смотреть в окно на медленно проплывавший, знакомый, как собственная пятерня, пейзаж.

Несколько успокоившись, он стал уже без прежнего раздражения думать о своем друге и напарнике. В конце концов, Витька же не телепат, откуда ж ему знать, что у него, Димы, неожиданно замаячит на горизонте клиент? Дел-то вроде никаких не намечалось, вот он и загулял. А знал бы – сам примчался. Ему бабки теперь нужны, не то что раньше, когда с предками жил. Тоже не откажется пару лишних сотен в карман положить.

«Ах ты, черт! – осенило толстяка. – А если я его ищу, а он ко мне пошел? Эх, не допер, надо было записочку в дверь воткнуть. Ладно, теперь чего уж там...»

Дима снова уставился в окно невидящим взором и отчего-то вдруг стал думать о товарище почти с нежностью. Тем более, что к тому, помимо всего прочего, придется обращаться с одной личной просьбой. Делать дела без него? Нет, об этом даже и речь идти не может!

Кроме крепкого кулака и надежной крыши в лице бывших товарищей по рингу, у напарника была тяга к всевозможным приключениям, а деньги, особенно раньше, его интересовали мало. Наличествовал у Вика и несомненный актерский дар, во всей полноте раскрывшийся прошлой зимой. Ох и почудили же они тогда, сработав несколько «маскарадов» или, как обозвал этот способ перераспределения капитала закончивший английскую спецшколу напарник, – «дисгайзов».

К этому времени компаньоны уже научились неплохо понимать друг друга, провернув вдвоем ряд небольших дел. Тут неожиданно подвернулось предложение, и Диме пришло в голову устроить комедию с переодеванием.

Третьим компаньоном в этом деле стал старый Димин приятель по имени Андрей, широкоплечий, коренастый, их с Виком ровесник. Он, кажется, занимался в школе вольной борьбой. Лицо у него было тяжелое, с мощным квадратным подбородком. Парень этот почему-то любил называть себя на польский манер Анджеем, хотя, насколько было известно Диме, никаких польских предков у него отродясь не существовало. Впрочем, факт этот не имел ровным

счетом никакого отношения к делу. Анджей сам брался «вести» клиента, напарникам предстояло встретить их в тихом месте.

Все трое собрались, чтобы, распределив роли, обсудить детали операции и, само собой разумеется, немножко выпить за успех, как говорится, нашего безнадежного дела. Самая уязвимая позиция, когда начнется неминуемая разборка с привлечением друзей и знакомых пострадавшего, будет у сопровождающего, поэтому Дима пытал Анджея немилосердно:

– Вот они тебя спросят – почему, мол, убежал и друга бросил на съедение коблам-бабаечникам? Что скажешь?

– Ня знай, – беззаботно ответил третий компаньон, сбивая с толку допрашивающего безмятежностью обезоруживающей улыбки.

– Как это «ня знай»?! – насторожился толстяк. – Мы же только что говорили.

– Вот я им и скажу: ня знай, испугался...

– Как же так? Друга бросил! – не отставал Дима.

– А какой он мне друг? – искренне удивился Анджей. – Так, знакомый, я ему просто помочь хотел...

«Избави Бог от таких помощников», – про себя взмолился толстяк, но вслух спросил:

– А человек-то реальный, к которому его ведешь? Что скажешь, если потом спросят?

– А это-то тут причем?

– Очень даже причем! Это важно. Это твоя легенда.

– Ну раз так... – понимающе закивал Анджей. – Там в соседнем доме есть один приятель, тоже с пластами тусуется. Скажу, если что, дом перепутал, не в тот подъезд зашел. Там же все дома, как Ленин и Партия.

– Чего?!

– Ленин и Партия – близнецы-братья... Ты чего, не слыхал?

Вик хохотнул. Но его сокурсник шутить был не настроен.

– Вот это правильно, – сказал он серьезно. – Когда подходить будете, ты ему об этом скажи, пожалуйся, что, мол, дома-то одинаковые и все такое. А друга того, что поблизости живет, предупреди, что к нему придешь с клиентом, чтоб все натурально.

– Ла-ад-но, – пропел по слогам компаньон.

Друзья немного выпили, и в разговор вступил ранее молчавший Вик. Он улыбнулся и, обращаясь к Анджею, немного виноватым тоном произнес:

– Придется мне там врезать тебе, чтобы правдоподобнее было.

– Врежь, – покорно согласился Анджей.

– Я сильно не буду, а ты делай вид, что сопротивляешься, сунь мне в ответ и беги, – разъяснил Вик, которому этот Андрей-Анджей определенно нравился.

– Лады, Витек, – отозвался тот со своей непоколебимой невозмутимостью.

– А если они тебе все-таки не поверят и бить станут? – наседал Дима.

– Пускай их бьют, – равнодушно, словно речь шла не о нем, а о ком-то совершенно постороннем, вымолвил Анджей.

– Ты про нас смотри, не проболтайся! – предупредил его толстяк, которого главным образом только это и волновало. – Нас засветишь, тебе же все равно пользы никакой, верно ведь?

– Ня знай...

– Чего ня знай?! – встрепенулся Дима, которого эта реплика повергала в смятение.

– Спросят – кто такие? Скажу – ня знай. Откуда взялись? Ня знай. Почему дом перепутал? Тоже – ня знай... А не уймутся – Шкафу скажу.

– А это кто?

– Да так, мужик один, боролись вместе. Ручонки – во! – выдохнул Анджей, обхватывая ладонями свое мощное бедро и, мотнув головой в сторону еле сдерживавшегося, чтобы не покатиться со смеху, Вика, заканчивая незамысловатый портрет приятеля, добавил: – Ростом его на полголовы выше, а ряха...

Так и не найдя подходящего эпитета для описания этой ряхи, он оскалил зубы и потряс расставленными на ширину плеч ладонями. После того как перечень примет Шкафа был столь впечатляющим образом завершен, Дима счел уместным прекратить допрос. Посидев еще с полчасика и поболтав о том, о сем, компаньоны расстались, вполне довольные друг другом.

Дело это было несомненным актерским успехом всей команды. Как работалось, красота! Просто вспомнить приятно...

В назначенное время дверь подъезда распахнулась и в нее, первым преодолевая ступеньки, отделявшие вход от цокольной площадки, вошел маленький человечек в кроличьей шапке с опущенными ушами. Сразу следом за ним появился коренастый, широкоплечий парень с квадратной челюстью. Пахнуло холодом. Мороз снаружи стоял нешуточный: градусов двадцать пять – тридцать. Бросив короткий взгляд на двух подозрительных типов, жавшихся в темном углу возле двери, ведущей в подвал, первый подумал: «Замерзло, ханыжье, греется».

Он не успел даже как следует испугаться, когда с удивительной стремительностью на его пути выросла мощная фигура, одетая, несмотря на мороз, в болоньевую курточку с блестящими металлическими пуговицами.

– Куда путь держим? – ехидно спросил ханыга, сверкнув наглыми глазами из-под солдатской шапки. Лица было толком не рассмотреть, единственная лампочка горела на площадке первого этажа за спиной у мужика, от которого противно несло бормотухой.

– Чево?.. – неуверенно пролепетал паренек, оглядываясь на крепкого с виду приятеля.

– Что надо, ребята? Идем в гости, денег нет, так что давай с дороги! – бросил тот.

– Как же, братишечка? В гости и без денег? – прогнусавил второй, отделяя спину от батареи и направляясь к смельчаку. Подойдя вплотную и нависая над ним, ханыга предположил: – В подарочек-то небось бутылочку припасли?

– Во-во, а то и две? – подхватил толстый.

– Нехорошо, братишечки, делиться надо с ближними, так и Бог велит, и коммунистическая партия не запрещает! – радостно завопил длинный, хватая коренастого за грудки.

– Да пошел ты, пьянь! – грозно рявкнул тот, освобождаясь от нецепкой хватки и с силой отталкивая от себя алкаша. Да так, что тот, отлетая назад, толкнул спиной щупленького ведомого, который налетел, в свою очередь, на толстяка. Тот, воспользовавшись этим, крепко схватил жертву за лацканы пальто и, развернув, с силой столкнул его в угол, где еще совсем недавно стоял с приятелем сам.

– Ты... ты драться? Да я, в натуре!.. – обиженно загнусавил высокий бабаечник и тут же с неожиданным для пьяного проворством так врезал коренастому, что тот, приземляясь на пятую точку, едва не снес головой почтовые ящики. Вскочив, он опрометью выскочил из подъезда, чуть не выбив дверь. Длинный кинулся было вдогонку, но немедленно возвратился. Видимо, не любил бегать.

Сережа, так звали клиента, задрожал, лишившись надежды на защиту приятеля. Удрал как заяц, борец засраный! А тот высокий, наверное, очень сильный... Ханыги склонились над ним, дыша перегаром.

«Убежать? Не убежишь, – размышлял Сережа, – длинный враз догонит. Изобьет. Вот вляпался-то под Новый год».

Было двадцать восьмое декабря.

– Храбер дружок-то твой, храбер, – покачал головой высокий. – Ты тоже смелый?..

– Не...

– Ну ладно, браток, ты к кому идешь?

Маленький сказал. Бабаечники недоуменно переглянулись.

– Ты, Колек, знаешь такого? – спросил длинный толстяка.

– Не, Санек, не припомню... В этом доме нет, – сказал тот уверенно и покачал головой.

– Нехорошо, в натуре, корешочек, нехорошо. Обманываешь! А мы с тобой по дружке разойтись хотели, – обиженным голосом проговорил «Санек».

– Да это тот, который убежал, его знает, а я...

– Денежек давай! – прогнусавил длинный, пропустив мимо ушей слова паренька.

– Вот, ребята, возьмите, – обрадовался тот, залезая в карман и извлекая оттуда мятый рубль и несколько монеток. Посмотрев на приятелей, он протянул деньги длинному «Саньку», видимо решив, что главный здесь он.

Длинный взял деньги и внимательно посмотрел на них, точно собираясь на глаз определить сумму, потом протянул на ладони приятелю.

Тот, приняв, недовольно подкинул мелочь и сказал с обидой в голосе:

– Один рубль сорок восемь копеечек. Что на это купишь-то?

– Ребят, ребят, так ведь на «Яблочное»-то как раз хватит? – с надеждой предположил Сережа, решивший видно, что сможет откупиться и выбраться наконец из проклятого подъезда.

– На «Яблочное»? – протянул толстяк оскорбленно. – Мы что же, по-твоему, ханыги, чтоб «Яблочное» пить?

Длинный неодобрительно покачал головой.

– Так все равно ведь нет у меня ничего больше, ребята...

– Нет, говоришь? – с недоверием переспросил длинный. – Ну раз нет, тогда иди.

Не веря своему счастью, клиент двинулся было мимо расступившихся приятелей, но властная рука «Санька» вернула его на прежнее место.

– Постой, – буркнул он, как бы высказывая неожиданную догадку. – А ну, Колек, пошарь-ка у него в карманах!

– Да вы что, ребя... – Сережа осекся, получив чувствительный тычок в грудь.

– Как же так, братишечка? – укоризненно прогнусавил длинный, поднимая с цементного пола упавшую из вывернутого кармана трешку. – А сам говорил – нету.

– Забыл... Правда, завалялась, наверное, ребята! – с искренним недоумением по поводу того, откуда у него взялась эта трешка, пропищал паренек.

– Это мы верим, – важно сказал толстяк, однако по тону его скорее можно было предположить совсем противоположное.

– Как же это, братишечка? – так, словно только что узнал о предательстве лучшего друга, спросил длинный. – Как же так? Мы тебе поверили, отпустить хотели... а ты нас... Ты нас, в натуре!

«Вот еще, мать твою, актер Кончалов! – не без восхищения наблюдая за напарником, подумал Дима. – Только пора, братишечка, и закругляться с этим, а то не ровен час, придет кто-нибудь очень смелый, а того хуже, настоящих бабаечников нелегкая принесет».

Странное дело: было около восьми вечера, но за те полчаса, которые прошли с тех пор, как оба компаньона заняли исходную позицию, в подъезд вошли всего три человека. Наверху время от времени хлопали двери, но вниз никто не спускался.

– Ну что, Колек? Жалко мне пацана, да придется, думаю, штраф с него взять... Червонец за обман! – огласил свой приговор длинный.

– Никак не меньше, – с пьяной категоричностью согласился «Колек»–Дима.

– Ну давай, корешочек, колись...

– Так вы же все взяли уже, ребята...

– Ты сам откуда будешь?

– На Московской живу.

– В конце или в начале?

– Ближе к концу, где развилка.

– Недалеко... – что-то обдумывая, констатировал длинный. – За полчаса слетаешь?

– Минут бы сорок, транспорт сейчас... сами знаете, – начал торговаться Сережа – только бы отпустили, а там...

– Ну давай, – согласился длинный.

– Так он тебе и принесет, держи карман шире! – возразил толстяк. – Пусть залог оставляет, тогда – другое дело, а так...

– Правильно, Колек, мыслишь! Эй, пацан, давай шапку!

– Да вы чо, ребят, я же замерзну, на улице-то тридцать!

– Тоже верно, без шапки он замерзнет, – согласился длинный и посмотрел на компаньона.

– Да и не стоит она червонца, вообще ни хрена не стоит, – отмел тот идею с шапкой. – Клавка из винного за нее и «Яблочного»-то не даст.

– А может часы? У тя, пацан, часы есть?

– Есть...

– Наши? – скривился толстяк.

– Наши? – обратился к клиенту Вик, точно тот не понимал по-русски.

– «Победа», но они хорошие, новые и ход точный...

– Да насрать мне на ход, наши Клавка вообще не берет, вот если бы заграничные, тогда, да, – отмел толстяк и эту идею.

– Что ж с тобой делать-то? – нараспев произнес «Санек». Он сел на корточки, как заправский бабаечник, которые в подобной позе могут просидеть хоть час хоть два, и, вынув «беломорину», закурил. – Чего ж делать-то?

– Может, поверите, ребята? Я честно принесу.

Ханыги промолчали.

– А это что? – спросил вдруг длинный, словно бы только теперь заметивший в руке Сережи объемистый портфель.

– Да это так, ребята, это вам не интересно, – замельтешил щупленький, чувствуя, как сердце его уходит в пятки.

– Нам все интересно, – отрезал длинный. – Покаж, что тут! Он привстал, вырвал у Сережи портфель и, снова присев, поставил добычу на пол, неторопливо расстегивая замок.

– Нормалек, – ответил тот и поднялся, опираясь на заботливо подставленную руку приятеля.

В следующую секунду компаньоны уже двинулись дворами к остановке автобуса в направлении строго противоположном тому, в котором умчался бедолага-клиент.

– Ждорово ты мэня... – промычал Андрей-Анджей, который по условиям соглашения пришел на следующий день к собравшимся на квартире у Вика компаньонам за своей долей добычи, которую получал товаром.

– Извини... – пробормотал Вик, глядя на дело рук своих – изуродованную губу бывшего борца, – промашка вышла, переборщил, там это... темно было.

– Да я не в обиде, – прошамкал третий компаньон, которого, кстати, эта «промашка» Зелинского наряду с его собственным непробиваемым «ня знай» и спасла от расправы Сережиных друзей, не вдруг пожелавших верить в свалившихся с неба ханыг-патриотов. Поблекший вид «морды лица» Андрея красноречиво говорил о том, что пострадал он честно.

Вкуса кулака приятеля в изрядной мере довелось отведать и самому Диме буквально через две недели.

Лопушок, которого нашел тогда толстяк, был весьма хил, поэтому решили, что поведет его Дима, а «дизгайзированный» под ханыгу Вик встретит обоих в нужное время в нужном месте. Козлов положил в портфель Шурика (так именовался клиент) несколько «своих», оставшихся еще с прошлого дела пластинок. Таким образом получилось бы, что он тоже понес ущерб.

То ли в подъезде опять оказалось слишком темно, то ли у Вика «прицел сбился», но только он едва не сделал компаньону сотрясение мозга. А может быть, виноват оказался Шурик, продемонстрировавший неумеренную смелость. Он вместо того, чтобы, покорно съежившись, ждать, как это сделал предновогодний клиент, своей участи, ринулся в атаку на Вика. Зелинский даже поначалу опешил от такой наглости, а затем принялся отрабатывать на клиенте серии ударов по корпусу. Пришлось «выручать» храбреца, и Дима, что называется, огреб свое. Кулак Вика угодил толстяку прямо в левый глаз.

Все дело едва не испортил какой-то старый хрыч лет пятидесяти. Он высунулся из своей норы и завопил на дерущихся, чтобы прекратили безобразие. В этот момент шапка свалилась с головы Шурика, и жидковатые длинные светлые волосенки его рассыпались по плечам. Это обстоятельство и подсказало Вику неожиданно правильное решение.

– Не видишь что ли, отец, – с обидой в голосе крикнул он мужику, – волосатиков бью, расплодились, сволочи, житья нету!

– Ладно, – нехотя смиряясь, сдался бородач. – Зови... голько не всей кучей, а по очереди.

Пивник спустился к спутникам и что-то прошептал им.

– Тебе сколько? – не здороваясь, спросил продавец у поднимавшегося к нему толстяка.

– Если товар хороший, пяток возьму, – важно ответил тот.

– Цену знаешь?

– Знает, Шур, я говорил, – опередив толстяка, скороговоркой ответил за него бармен. – Рупь тридцать пять!

– Правильно, – с некоторым сомнением промычал патлатый фарцовщик. – Давай капусту.

– Не-а, – медленно, но твердо проговорил толстяк. – Сначала товар.

– Ты кого мне сюда привел, а?! – зло зыркнув глазами на Колю, спросил Вик.

– Да я, Шур, я это... Он сказал, что ему штаны нужны... – виновато хлопая глазами, разводя руками и подобострастно заглядывая в лицо бородачу, пробормотал пивник.

«Шурок» выругался сквозь зубы, не глядя на него, повернулся и, швырнув под ноги окурок, удалился в квартиру. Два других клиента, узбеки, о чем-то залопотали по-своему, затем один из них озабоченно обратился к бармену:

– Што такой, Коля, куда твой друг ушел?

– Ща, ща, ребят, придет, я вам говорил, у него неприятности с конторой! А месяца три назад вообще лажа приключилась, в родном, можно сказать, подъезде товар отобрали. Боится теперь, потому и нервный такой, – объяснил им Коля. – Раньше не боялся, всегда сперва товар выносил, а теперь не хочет... Связался я с этим, – шепотом пожаловался он, имея в виду, конечно, толстяка, который на грех оказался не в меру несговорчивым.

Узбек понимающе закивал и стал быстро говорить что-то второму по-узбекски. Очевидно, тот плохо понимал быструю русскую речь. Он покачал головой и даже не неприязненно, а скорее с сожалением посмотрел на стоявшего вполоборота к ним несколькими ступеньками выше толстяка. Пропустить его вперед, Федю, как на русский манер назывался покупатель, попросил сам же бармен, шепнувший на ухо узбеку, что толстяку его товар обойдется на червонец за пару дороже и посему желательно, чтобы он шел первым, тем паче, что ему всего и надо-то пять пар портков, а не двадцать пять, как гостям из солнечного Узбекистана. Федя по доброте душевной согласился, а теперь из-за этого могли выйти неприятности. Широколицый узбек, покачав головой, даже прищелкнул языком, но Дима так зло зыркнул на него, что тот отвел глаза.

Впрочем, беспокойство покупателя оказалось напрасным, похожий на Карла Маркса продавец тут же вернулся и, не глядя на толстяка, не протянул, а скорее швырнул ему темно-синие «левеса».

Дима немедленно углубился в дотошное инспектирование выданного ему экземпляра: проверив «лэйблы», строчку, подергал пуговицу и несколько раз расстегнул и застегнул зиппер. Не удовольствовавшись этим, он достал из кармана спичечный коробок и, вытащив одну спичку, размочалил зубами тот ее конец, где не было серы. Обильно послюнявив получившуюся щеточку, он потер материал с внутренней стороны пояса. Тест этот, как и все предыдущие, дал положительный результат, импровизированная кисточка стала синей от индиго. Толстяк сложил джинсы и запихал их в портфель. Затем запустил руку в карман и, вытащив оттуда запакованную в газету пачку денег, развернул ее и принялся отсчитывать купюры.

– Вот, здесь восемь, – закончив наконец отсчет, сказал покупатель, – а вот еще червонец. Итого: восемьсот десять рублей за шесть пар.

– Насколько я понимаю, надо еще пять? – уточнил похожий на Руссоса фарцовщик густым баритоном. – Так, значит, так... – пробормотал он, изображая на лице усиленную работу мысли, и взяв деньги, толкнул дверь и скрылся за ней.

Прошло не более трех минут, как волосатый вернулся, протягивая покупателю еще пять пар точно таких же, как и первые, джинсов, которые подверглись не менее тщательной проверке.

Узбеки подошли было поближе, тоже стараясь разглядеть товар, но толстяк неприязненно покосился на них, и они отошли. Все четверо многозначительно переглянулись, а хозяин квартиры, пожимая плечами, закатил глаза и выпятил нижнюю губу, красноречиво давая понять, что, мол, видал козлов, но этот...

– А пятьдесят шестого нет? – как ни в чем не бывало поинтересовался толстяк, пряча джинсы в портфель. – Мне для себя надо.

«Шурик» пообещал толстяку достать «левеса» требуемого размера через неделю. Еще минуты три они рядились из-за цены, потом, не сказав никому «до свиданья», дотошный покупатель, ко всеобщему облегчению, покинул лестницу.

– Карош тавар, – расплываясь в улыбке, сказал узкоглазый Федя. – Трыдцать брать будэм.

– Рупь двадцать пять на тридцать, – вслух считал бородач. – Это... три семьсот пятьдесят.

– Вот, дэржы тры, – протянул узбек волосатому три запечатанных пачки десяток и что-то быстро сказал своему спутнику, который, вытащив из-за пазухи бумажник, отсчитал тридцать четвертаков и протянул их Феде. Тот, точно сомневаясь в математических способностях компаньона, заново пересчитал деньги и только затем вручил их бородачу.

– Во что класть будешь? – участливо осведомился Вик.

– Мэшок ест, – закивал головой Федя.

– В один разве влезет? – с сомнением проговорил продавец, в очередной раз проявляя заботу о покупателе.

– Ничего, запыхаем, – заверил его узбек.

– Ладно, в крайнем случае наволочку дам старую... Придумаем что-нибудь, – обнадежил Федю Вик и как бы между прочим бросил, обращаясь к Коле: – Пошли, таскать поможешь.

Он небрежно бросил полученные пачки денег в портфель и, подняв его, протянул Коле. Дима уже ждал компаньонов, он стоял рядом с машиной, переминаясь с ноги на ногу.

– Отдали бабки? – спросил он с нетерпением.

– Отдали, – без выражения ответил Вик, точно ему было совершенно наплевать, что сейчас они втроем заработали почти четыре тысячи рублей. А значит, даже если принять Колины условия дележа, согласно которым тот брал себе половину вырученной суммы, даже в этом случае им с напарником приходилось более чем по девятьсот рублей на брата. Полугодовая зарплата пресловутого советского инженера с десятилетнем стажем. – Прошу садиться, господа, welcome, как говорится, to the machine[6].

Вик сел за руль и посмотрел на часы. Прошло всего двадцать минут с тех пор, как он приехал сюда. Двигатель еще не совсем остыл и потому завелся с полоборота. Нажимая на педали обутыми в тапочки ногами, бородатый фарцовщик плавно, точно боясь расплескать воду, тронул машину с места.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Хлопнув себя по коленкам, Вик встал, отряхивая с одежды песок. Он надел рубашку и, не застегивая, завязал ее узлом у себя на животе. Солнце поднялось уже высоко и, несмотря на близость воды, припекало изрядно. Все убыстряя шаг, он прошелся по набережной и свернул на улицу, что вела в центр города мимо нежно любимой «Чайки».

Покосившись на резные деревянные двери пивбара, Вик подумал было – не завернуть ли туда ненадолго, но быстро отмел эту коварную мысль – с пивка все и начинается – и решительно зашагал вверх, намереваясь как можно скорее добраться до Диминого дома.

«Злится, небось, толстячок, ревнует, что без него по телкам хожу, – подумал он почти с нежностью. – Так я же и в компании никогда не против, просто так уж выходит...»

Димы дома не оказалось. Умотал куда-то непоседа. Вик решил ждать. Лавочку у подъезда, в котором жил приятель, заняли какие-

---

[6] Добро пожаловать в машину. (англ). Название второй композиции на альбоме «Пинк Флойд» 1975 г. «Wish You Were Here» – «Жаль, что тебя нет здесь».

то две бабульки. Они неодобрительно оглядели молодого длинноволосого бездельника с ног до головы. Однако спросить «к кому?», когда он проходил мимо, любопытные старые ведьмы не решились.

В песочнице под грибком копошились какие-то дети, и Вик устроился в тени на лавочке у соседнего подъезда. Он достал из кармана мятую пачку «Опала» и, вынув оттуда сигарету, закурил. Бросив докуренный до самого фильтра бычок, он долго еще задумчиво смотрел, как тот, никак не желая умирать, медленно истлевает на асфальте. Вик достал и закурил вторую сигарету. Принюхался – нет, он не ошибся: откуда-то сильно тянуло первачом. Прошло уже больше получаса, а Дима все не появлялся... От нечего делать Вик снова закурил.

То ли услышав ворчание, то ли кожей почувствовав льющуюся откуда-то злобу, Вик повернул голову и увидел в открытом окне первого этажа излучающее ненависть лицо женщины лет пятидесяти. Он тотчас же понял, откуда распространяется этот до боли знакомый запах сивухи. Окно было кухонным, а производство обитательница квартиры, вне всякого сомнения, поставила на широкую ногу.

Вик покачал головой, как бы давая понять, что сочувствует нелегкому труду простой советской женщины.

– Чево кивашь? – прошипела печальница колбы и змеевика.

Вик почтительно улыбнулся.

– Чево лыбисси?

– Понимаю и сочувствую, – вежливо склоняя голову, произнес длинноволосый.

– Чево? – настороженно спросила женщина.

– За ночь-то нагнать не успела, а сейчас жара, как же не посочувствовать?

– Накурил здеся! Дышать нечем! – взвизгнула производительница первача.

– И куда только участковый смотрит? – негромко поинтересовался Вик как бы у самого себя.

– Твое что за дело? Ходють тут всякие волосатые, тьфу, сволочь! – закричала самогонщица, захлопывая окно.

Бабушки с соседнего подъезда встрепенулись, привлеченные грохотом рам, но не увидев ничего интересного, кроме уже знакомого им волосатика с сигаретой, с сожалением отвернулись. Скандала не получилось.

Вик взглянул на часы.

«Подождать, что ли, еще или пилить на работу к Светке? Давно пора забить дэйт с ее длинноногонькой подружкой, рвануть в кабак, пока «сармак» на кармане не кончился...»

Он встал и направился к дороге, прикидывая на ходу, где удобнее будет поймать тачку, но вдруг резко сбавил шаг, а потом и вовсе остановился.

«Да куда там! Светка мне со своей подружкой и поговорить не даст. Как это я тогда так бездарно промахнулся? Как-как – пить меньше надо, вот как!»

Оставив далеко позади дом, где жил напарник, и отказавшись от мысли назначить свидание Светкиной подруге, Вик не спеша тащился в неопределенном направлении. В голове его копошились обрывки каких-то мыслей, то выстраиваясь в подобие некого плана, то в следующую же секунду рассыпаясь на мелкие, бесформенные осколки. Он даже и не заметил, как оказался на той самой улице, возле дверей того самого дома...

Тогда, три месяца назад, только что отшумел праздник Победы. Вик брел здесь точно так же, как сейчас, без всякой цели среди старых, по большей части деревянных домов, с какой-то смутной необъяснимой уверенностью, что встретит кого-то, кого не встречал, не видел уже очень давно... Кого именно – он даже и предположить не мог. Здесь, в этой патриархальной части города, он не знал ни единого человека. И все же ощущение не проходило.

...Тучи над головой студента третьего курса медицинского института Виктора Зелинского сгущались. Декан факультета, на котором учился Вик, без обиняков заявил ему, что если он немедленно не сдаст все хвосты, то до экзаменов допущен не будет, а тогда уж, как говорится, «поздно, батюшка, каяться!».

Тут, словно нюхом чуя неладное, прозвонилась из дальнего закордонного далека мать и, справляясь о том, как идут дела у сына, радостно пообещала, что если не случится пролонгации гастролей, то как раз во время сессии они окажутся рядом. Тот и понятия не имел, где обретаются предки, с географией у него всегда была беда, Литву он путал с Латвией, Швецию со Швейцарией. Вик шумно порадовался вместе с родительницей и, передав привет отцу, положил трубку на рычаг, от всей души вознося молитвы Богу, чтобы австралийские или австрийские зрители новым валом хлынули в залы, побуждая импрессарио продлить пребывание труппы за кордоном елико возможно дольше.

Предаваясь всем этим грустным размышлениям, Вик едва не сбил с ног какую-то женщину. Дома здесь были сплошь старые и в большинстве своем лишенные столь привычных нам удобств. Женщина, совершенно очевидно не имевшая таковых, как раз и хотела набрать воды, о чем говорило пустое ведро у нее в руке. Вик пробормотал что-то вроде извинения, но, почувствовав на себе пристальный взгляд, медленно, как-то даже нехотя повернулся и поднял глаза.

Покрытые ссадинами ноги в простеньких босоножках. Сарафан или просто ситцевый халатик – Вик не очень-то разбирался в такого рода одежде. Короткая стрижка...

Их глаза встретились. Сколько ей сейчас? Тридцать? Нет, двадцать девять... Неужели только двадцать девять? И того меньше, день

рождения в октябре, а сейчас май... Перед ним стояла женщина лет тридцати пяти. Он увидел, как радостная растерянность, вдруг вспыхнувшая в красивых серых глазах, сделала ее лицо на мгновение молодым, но тотчас же сменилась болью. Уголки тонких губ, едва заметно дрогнув, начали опускаться... У него язык словно присох к небу. Надо было что-то говорить, а он молчал, молчал, как пень! Женщина, точно прочитав его мысли, опустила глаза...

«Уходи! – глухим эхом отдавались в голове у Вика сказанные тогда Машей слова. – Все кончено, ничего не вернуть, ты... ты – чистый, а я грязная! Уходи!»

И он ушел, не ушел – убежал, выбив дверь кулаком. Домой она его все-таки пригласила, но разговора не получилось. Единственное, что понял Вик, это то, что Машу досрочно освободили и она уже несколько месяцев здесь, у тетки, там, где прошло ее детство и юность, короче говоря, все то время, пока она не поселилась в доме, где жил Вик.

Нет, идти сюда ему решительно не следовало, и все же...

Он в нерешительности остановился у первой, ведущей в сени двери, которую, если она не заперта, достаточно просто толкнуть, чтобы, переступив через две покосившиеся деревянные ступеньки, прямо с тротуара войти внутрь помещения. Почти поборов искушение, он уже было двинулся дальше, но в тот же момент, словно какой-то чертик, сидевший где-то очень глубоко в его душе, выскочив нежданно-негаданно на поверхность, подсказал показавшуюся вдруг очень разумной мысль. И действительно, почему бы не испытать судьбу? Если дверь заперта, он пойдет себе дальше, если нет, то...

* * *

– Заснул, что ли?! У, толстяра!

Выныривая из глубин воспоминаний в душную тесноту автобуса, Дима бросился к выходу, немилосердно распихивая локтями плотную, недовольно, но лениво огрызающуюся толпу. Потоком входящих его чуть было не вдавило обратно, но он, умело использовав свой центнер живого веса, смял осаждавших вожделенную твердыню на колесах и мощными движениями, напоминающими гребки пловца, проложил себе дорогу к свободе.

Все его мытарства оказались напрасными. При одном только упоминании о ветреном кавалере Светка скривила губы, и Дима даже на секунду испугался, подумав: «Не хватало еще, чтобы она прямо здесь вот сейчас и разрыдалась». Но то ли девушка всерьез злилась на «мужа», то ли, взяв себя в руки, сделала хорошую мину при плохой игре. Вместо слез толстяк имел удовольствие лицезреть злую усмешку и выслушать среди всего прочего просьбу передать

своему другу при встрече, чтобы он больше к ней на глаза не являлся. Ну конечно же! Именно для этого он, Дима, и трясся час с лишним в вонючем автобусе!

Выкатившись из прохлады магазина на уличную жару, Дима зло прохрипел себе под нос:

– Да нужна ты ему, овца толстозадая! Тоже мне! Найдет какую-нибудь, у которой флэт свободный, или к предкам под крыло вернется, так тебя же, сучку, на улице встретив, не узнает!

Тут Дима ни с того ни с сего вдруг подумал, что задница у Светки вроде даже стала еще больше.

Только пройдя несколько десятков метров и свернув с одуряющего солнцепека в тень, толстяк сообразил вдруг, что вся эта гордая отповедь предназначалась главным образом состроившей невинную мордашку Юльке, стоявшей рядом за прилавком. Та делала вид, что ее интересуют только покупатели, а у самой тем временем ушки, как говорится, были на макушке. Толстяку очень хотелось спросить девушку, уж не с ней ли провел ночь его товарищ, но он сумел умерить свое разыгравшееся любопытство, понимая, что правды ни за что не добьется.

«Ну, бабы, – только и выдохнул он, – ну, бабы!»

Стоя среди товарищей по несчастью, устремивших полные тоски и печали взоры в ту сторону, откуда ожидалось появление автобуса, Дима как-то незаметно вновь вернулся к воспоминаниям. Настроение у него было прескверное. Наверное, поэтому и вспомнилось ему то, едва не закончившееся катастрофой мартовское дело, которое подвело итог цепи их зимних «дисгайзов»...

* * *

Стояла ранняя весна, вечерами было еще очень темно, сыро, холодно и скользко. Вариант проверенный, форма одежды – маскарадная.

Дима, переминаясь с ноги на ногу, огляделся вокруг, всерьез начиная нервничать. Напарник запаздывал. Толстяк зябко поежился, решив, что лучше думать о чем-нибудь хорошем. Например, о том, как клево будет потом, после дела, сидеть в уютной Витькиной комнате, потягивать сушнячок, крепкие напитки Дима не очень-то уважал, хотя, конечно, при случае пил все, и слушать любимых «Роллингов». У Гиллана и Планта, у тех, конечно, глотки луженые, а вот Джаггер, нет, что ни говори, а Мик – настоящий актер, как голосом владеет... Эх, хоть бы одним глазком посмотреть, как он работает на сцене. Да где там.

С этой мыслью толстяк запустил руку в бездонный карман старенькой болоньевой, еще школьной куртки, на которую он специально нашил «позолоченные» металлические пуговицы. Тоже интересный штришок, важная, как кажется потом кинутому лоху,

примета, сосредоточив свое внимание на ней, он обязательно упустит что-нибудь действительно важное. Порывшись в кармане, Дима уцепил за горлышко и извлек на свет Божий бутылку бормотухи. Это тоже являлось элементом маскировки. Напарники всегда выпивали перед делом по нескольку глотков, не для храбрости, конечно, а чтобы несло. Можно немного вылить на шарф, волокуши добавится, а голова – чистая. Опять же лох, который видит у тебя в руках недопитый портвешок, оставляет любые сомнения в том, что судьба столкнула его с забулдыгой, готовым на любую пакость ради лишнего стакана. Никому из пострадавших в результате их с Виком художеств никогда не приходило в голову, что они имеют дело не с пьянью, а с вполне приличными молодыми людьми, студентами одного из самых престижных вузов города. Дима знал это наверняка, однажды он шел по улице и нос к носу столкнулся с клиентом, которого они «сработали» перед Новым годом. У Димы чуть душа в пятки не ушла – и совершенно напрасно, потому что клиент его не узнал. Сейчас он выпил по-настоящему, противная жидкость, разливаясь по венам, согревала и успокаивала.

– Пьянство на посту? – раздался совсем рядом знакомый голос.

Резко повернувшись, Дима, смерил глазами произнесшего эти слова алкаша с ног до головы. Растоптанные башмаки, брюки в гармошку, невероятное бесформенное пальто с оторванной пуговицей и рукавами сантиметров на пять короче, чем нужно. Из-под воротника торчал намотанный вокруг шеи серый в полоску шарф, наполовину скрывающий заросшие щетиной щеки. Красная вязаная шапочка, венчавшая голову забулдыги, была натянута ему по самые брови. Если бы не растянувшийся в благодушной от уха до уха улыбке рот да не веселые молодые глаза, мужику можно было смело дать все тридцать.

Несколько секунд оба молчали. Тишину нарушил пришедший:

– Ты чо вылупился-то, в первый раз видишь?

– Где тебя черти носят?! – завопил не сразу пришедший в себя от подобной наглости толстяк. – Чо глазами хлопаешь, точно телка? – продолжил он, не дав компаньону ответить на вопрос, обрадовавшись, наконец, возможности сорвать зло за пережитые им за истекший час волнения на непосредственном виновнике своих страданий.

Витька начал плести что-то про старые часы, которые он надел специально для дела, потому что ханыга в «Ориенте» – это даже не смешно, потом про тачку, которая долго не заводилась, но рассерженный напарник ничего не желал слушать.

– Да ты понимаешь, понимаешь? – От негодования толстяк тяжело дышал. – А если бы он ушел?! Олег минимум петрофан с каждого колеса скидывает, представляешь себе, в каком он промоте окажется, случись что?

Вик только покивал в ответ, с серьезной миной на лице изучая свои грязные башмаки.

– Дай глоток, – неожиданно попросил он.

– Хрена! – отрезал Дима, тут только понимая, что компаньон уже глотнул и немало.

– А как же «дисгайс»? – коверкая окончание и произнося букву «г» на украинский манер, обиженно пропел Вик.

– Ты, я вижу, надисгайзился уже выше крыши! – огрызнулся напарник, но уже не столь яростно, в манере приятеля коверкая английское слово.

– Коньяк, старичок, не в счет! – Он ловко выхватил бутылку из рук напарника и, сделав несколько больших глотков, пролил немного вина на шарф. – Все хок'кей!

Дима посмотрел в сторону дома, размышляя, почему же до сих пор нет клиента, ведь времени-то уже одиннадцатый час.

– Опаздывает, – недовольно протянул Вик, точно сам пришел сюда раньше всех. – Не тот вон? – спросил он, завидев какого-то идущего им навстречу мужика.

– Нет, – отрицательно покачав головой, ответил толстяк, – тот здоровый амбал, ростом повыше тебя будет. Ты гляди, осторожнее...

– Не боись, Димок, – беззаботно махнул Вик, – ты ж меня знаешь, на уши поставлю, ахнуть не успеет...

Дима не ответил. Теперь все вроде бы в порядке, к чему же нервничать? И все же...

– А зачем ты тачку взял? – спросил он неожиданно.

– Не могу же я в таком виде по улицам рассекать? А потом на тачке и коры нарезать ловчее?

– Дак ты же бухой!

– Никакой я не бухой! А потом я что, первый раз бухой езжу?

– В честь чего гуляем?

– Да с гирлой одной в ЗАГС сходили... – махнул рукой Вик.

– Заяву подали? – вытаращил глаза толстяк. – С кем это?

– Точно, – хохотнул напарник. – Расписались уже... На стенке...

– Ты кайфуешь, а я тут жопу свою морожу! Хорош! Хорош друг! – задыхаясь от обиды, вскрикнул толстяк, вспомнив, что на языке приятеля означает «сходить в ЗАГС».

– Не расстраивайся, старичок, гирла зашибенная, у нее и подружка имеется. – Вик прищелкнул языком, очевидно, вспоминая. – Стакан «коня» на два фужера «шампуня», и такой вертолет!

– Все! Тихо! – оборвал эти сладостные воспоминания толстяк. – Вышел наконец-то застранец! Видишь бугая? Давай, готовность номер раз! Сценарий помнишь?

Вик скрестил руки на груди, он так и лучился смирением, и весь вид его как бы говорил: «Обижаешь, начальник».

Толстяка такой ответ, видимо, не убедил, потому что он решил напомнить компаньону его роль:

– Подходишь, добродушно улыбаешься, просишь закурить...

– Старик, ты, главное, не звезди. Щас опрокинем его и к телкам поедем. Они там еще тепленькие, клевые гирлы...

В ответ толстяк только зло зыркнул на напарника, и тот, осекшись, замолчал, состроив серьезную мину.

– Пора, я думаю, – сказал Дима с сомнением вглядываясь в сдвинутые брови приятеля. – Все помнишь? – В ответ друг скрестил руки на груди, закатывая глаза к небу. – Ну, давай, пошел. Твоя задача в сторону его отозвать, закурить попросишь, потом рубль... – напутствовал товарища Дима, который, уже не слушая толстяка, решительно шагнул вперед.

То, что случилось в следующую минуту и то, что произошло чуть позже, оба приятеля, словно сговорившись, старались не вспоминать, и только, ставшее кличкой Вика имя американского боксера-профессионала напоминало обоим о тогдашних неприятностях.

– Братишка, закурить дай? – гнусаво, с восходящей интонацией, просительно и в то же время властно обратился Вик к клиенту, приблизившись к нему. Тот шел неспешной походкой, осторожно ставя подошвы сапог на обледенелый асфальт дороги.

– Нету, – негромко ответил он, даже не подняв глаза. Совершенно не чувствуя приближающейся беды, он скорее всего вспоминал подробности только что совершенной сделки, прикидывая, какой навар она ему принесет.

– Ну, может, рублишко найдешь? – все таким же тоном попросил Вик.

Парень остановился и, увидев перед собой ханыгу, сразу понял, что тот просто привязывается, и сначала хотел было пройти дальше, но, заметив неподалеку еще одного подозрительно переминавшегося с ноги на ногу алкаша, очевидно, смекнул, что тут же рядом могут оказаться и другие. Видимо, парень решил не рисковать, а откупиться, и полез в карман.

– Троячок даешь? Ну спасибо, братишка! – радостно прогнусавил ханыга, ловким движением пряча в карман деньги.

– Отдай! Ты же рубль просил... – недоумевая, как так вышло, ясно же видел, что рубль давал, а тут трояк невесть откуда. А трояк не рубль, трояка жалко.

– Нехорошо, братишка, сам дал, а теперь назад просишь... О! Пойдем, в натуре, вмажем вместе! – таким тоном, словно только что сделал шикарное предложение, от которого только дурак откажется, заявил Вик.

– Да я не пью...

– Ну вот, сам деньги дал, а теперь кобенишься, – вознегодовал ханыга.

– Да я...

– Ага, брезгуваш, значит! – обиженно прогнусавил алкаш, протягивая левую руку, чтобы ухватить собеседника за воротник куртки.

Тот, окончательно поняв уже, что от него не отвяжутся, взглянул в сторону второго и, видя, что тот стоит довольно далеко, а других подозрительных личностей поблизости не наблюдается, решил сматывать удочки.

Внимательно следивший за клиентом Вик уже не сомневался в его намерениях. Он понял, что сейчас этот здоровенный парняга попытается просто оттолкнуть его всей своей массой, а потом задаст стрекача. От Димка в этом случае толку мало, толстый увалень просто не успеет вовремя броситься наперерез.

В следующую секунду здоровяк отпихнул от себя ханыгу и угрожающе замахнулся сжатой в кулак свободной правой рукой. Чуть отступая назад, Вик вскинул левую руку, блокируя выпад противника, и в ту же секунду, раскрутившись, стремительно выбросил вперед железный кулак своей правой, целясь в белевшую над воротником куртки скулу противника. Тот, взмахнув руками, точно крыльями, отлетел на несколько метров в сторону и упал на покрывавшую асфальт наледь, продолжая сжимать в руке драгоценную ношу.

Вик прыгнул вперед, чтобы вырвать портфель из руки неуклюже пытавшегося подняться здоровяка, но споткнулся о его ногу и, больно ударившись коленями о землю, растянулся рядом со своей жертвой. Здоровяк с удивительной для его комплекции быстротой вскочил на ноги и, оглашая окрестности воплем «помогите», опрометью помчался обратно к спасительному подъезду. Вик, чертыхаясь, поднялся, чувствуя, что кровь прихлынула к его лицу и, прихрамывая, ринулся вдогонку. Он настиг убегавшего почти у самого подъезда и врезал здоровяку кулаком по загривку. Парень потерял равновесие, но не упал. Рванув ручку двери, он с грохотом вломился в подъезд, в который следом за ним влетел и Вик.

Огромными прыжками преследуемый помчался вверх по лестнице, перемахивая сразу через три ступеньки. Он перебросил портфель в правую руку, а левой хватался за перила. Вик потянулся к портфелю и почти было уцепил его, но, как назло, споткнулся, и драгоценная ноша ускользнула. Родственники Олега, то ли почувствовав что-то, то ли просто привлеченные грохотом и криком, открыли дверь квартиры, куда и влетел, словно чумовой, их сегодняшний гость.

Еще не желая осознавать, что игра проиграна, преследователь ломанулся за ним. На Вика прыгнул какой-то мужичонка, но тут же от сильного тычка отлетел в глубь лестничной площадки, хватаясь за нос, из которого струей хлынула кровь. Сбрасывая с себя кошкой вцепившуюся ему в шарф хрупкую блондинку, Вик сообразил наконец, что пора давать деру. Делать было нечего, клиента спас второй этаж. Пинком вышибая дверь подъезда, Вик вылетел на улицу и, махнув рукой маячившему поблизости напарнику, крикнул:

– Рви за мной!

Не глядя на Диму, он помчался дворами, поминутно поскальзываясь на заледенелых колдобинах в неудобных, надетых специально для маскировки старых Диминых ботинках. Кровь, казалось, кипела у него в жилах, горячей волной ударяя в голову. Он даже не оборачивался, чтобы посмотреть, бежит ли за ним напарник. Дима со всех ног мчался следом, стараясь не отстать от товарища, он видел, что дело сорвалось, но, вопреки всякой логике, отказывался принимать это. Ему уже казалось, что за ним гонятся, и он, ежесекундно оглядываясь, терял в скорости.

Никакой погони не было, но оба понимали, что в квартире компаньона есть телефон, с помощью которого очень легко позвонить в милицию. Надо было сматываться отсюда как можно быстрее. Добежав до машины, Вик начал яростно рвать карманы пальто в поисках ключей, сейчас он люто ненавидел этот мерзкий «дизгайз», и это только добавляло ему злобы. Обнаружив наконец ключи в кармане брюк, он еще долго не мог попасть в дверную личинку, но, справившись с замком, быстро прыгнул за руль.

Мотор завелся с полоборота. Кто-то изо всех сил забарабанил в правую дверцу машины. Вик поднял фиксатор и, едва его задыхавшийся от быстрого бега напарник плюхнулся на сиденье, рванул «жигули» с места. Вик погнал машину, как бешеный. Краешком мозга он понимал, что после того, как они сели в машину, им ничего не угрожает. Менты, если они даже и поторопятся, вряд ли станут слишком ретиво искать хулиганов, и уж тем более никому не придет в голову, что какие-то жалкие «опойки», стреляющие гроши на бормотуху, могут позволить себе роскошь раскатывать на машине.

Несмотря на то, что он теперь ни за кем не гнался, а совсем наоборот, во весь дух сматывался, в нем еще горел первобытный огонь хищника, преследующего добычу.

– Завалили, завалили дело, уроды! – сокрушенно застонал толстяк, едва переведя дух. – Теперь все пропало! Теперь все! Все!

– Чего все-то? – буркнул Вик, круто выворачивая из проулка на широкую дорогу.

– Теперь все, теперь пошлет он нас!

– Да пошел бы он сам!.. – отмахнулся Вик, едва удерживая машину от заноса на покрытом грязной снежной жижей шоссе.

– Да у него людей полно, понял? – застонал Дима сокрушенно. – На первом же деле обосрались! Сколько денег потеряли, а, блин?! Не даст он нам теперь больше никого! Сколько денег, сколь...

Он осекся и замолчал внезапно, словно выдернутый из сети «матюгальник». На дорогу прямо перед капотом «жигулей», откуда ни возьмись, выскочила какая-то тень. Язык у Димы сразу же прилип к небу, Зелинский, казалось, ничего не видел. Толстяк судорожно хватал ртом воздух, но сказать ничего не мог.

Вик рванул руль влево, машина, едва избежав столкновения с темной рванувшейся назад к тротуару фигурой, вылетела на встречную полосу движения. Дима, не успев толком обрадоваться счастливому избавлению от очередной неприятности, с еще большим ужасом увидел лоб в лоб летевший на них красный междугородный «Икарус». Водитель его как раз включил дальний свет, словно плетью ударивший по глазам обоих напарников. Вик взял еще левее, их подбросило, когда машина вылетела на тротуар. Увидев впереди препятствие и даже не успев понять, что это, Вик что есть силы вдавил в пол педаль тормоза. Раздался звук удара. Машина врезалась в столб и остановилась. Дима вскрикнул, ударившись головой о переднюю панель. В ту же секунду огромная красная туша «Икаруса», ревя мощным дизелем, прогромыхала мимо потерпевших аварию «жигулей».

Вик вышел из машины и, обойдя ее, прикинул размеры бедствия. В общем-то, ерунда; фара с подфарником, естественно, вдребезги, переднее крыло всмятку, но колесо не задевает – ехать можно, только бы мотор завелся. Он прыгнул обратно в машину и включил зажигание. Есть! Крутя головой во все стороны, он осторожно вывел пострадавшую отцовскую «копейку» обратно на дорогу.

На следующий вечер Дима, набравшись храбрости, позвонил Олегу, тот подошел к телефону и эзоповым языком, видимо, был дома не один, пересказал приятелю вторую, не известную ему часть вчерашней истории.

– Джо Фрьейзер... – безбожно коверкая фамилию боксера и качая головой сказал толстяк, едва положив на рычаг трубку, стоящему рядом товарищу.

– Че-во еще?... – не понял тот.

– Амбал-то вчерашний в больнице лежит, челюсть сломана, – сказал компаньон. – Менты дело завели, Олега к следователю вызывали... Какой канал упустили.

– Ну, а он чего? – насторожился Вик, пропуская мимо ушей Димины стоны по поводу утраченной клиентуры.

– Ничего, рассказал как было... – и немного подумав добавил: – Обойдется. Обычное хулиганство, так менты думают...

Дима оказался прав, все действительно обошлось, но месяца два оба просидели в подполье, а там наступил май, теплый и даже жаркий, почти такой же, как нынешний август.

Вернувшись домой после утомительных скитаний, толстяк чуть было не завыл от злости, узнав, что не прошло и получаса после того, как он отправился на поиски напарника, тот соизволил заявиться к нему сам. Ушел Вик меньше часа тому назад. Ищи теперь ветра в поле!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Не успев додумать, что будет, если дверь не заперта, Вик легко толкнул ее, и она подалась. После изнуряющей жары пышащего солнцем полудня в деревянных сенях Зелинского обдало приятной прохладой и каким-то необыкновенным, но очень успокаивающим жилым запахом, которого нет уже, никогда не бывает в многоквартирных ульях из кирпича, стекла, стали и бетона.

Сделав несколько шагов, Вик оказался перед закрытой дверью. Она вела в большую комнату, служившую обитателям квартиры и гостиной, и столовой, и кухней. Из нее можно было пройти в две другие комнатки, из которых одна, размерами меньше главной приблизительно вполовину, была снабжена дверью, вход же в последнюю, самую маленькую, прикрывался простыми, раздвигающимися, как оконные, шторами. Имелась в квартирке кладовка и, конечно же, газовая плита, помещавшаяся в углу главной комнаты рядом с раковиной. Этот этаж дома был выстроен из кирпича, а над ним помещался еще один – деревянный.

Вик негромко постучал. Никто не открывал, и он, подождав минуту, хотел уже уходить, но не успел сделать и шага, как услышал грохот опрокинутого стула или табурета и звук быстро приближавшихся шагов. Он едва успел увернуться от резко и широко распахнувшейся двери и, отскакивая назад, с удивлением уставился на появившуюся в дверном проеме незнакомую женщину. Быстро оглядев его с головы до ног и, по всей видимости, удовлетворившись результатами осмотра, она улыбнулась.

Выглядела женщина лет на двадцать пять – двадцать восемь. Ее высокую и довольно стройную фигуру выразительно облегал ситцевый халатик, особенно в груди, где он так натянулся, что между пуговицами виднелось покрытое загаром тело. Вик взглянул на босые стройные загорелые ноги, крутые бедра, едва прикрытые полами, и, наскоро скользнув глазами по халату, вновь посмотрел в ее лицо, на котором не изгладились еще следы подушки. В глазах незнакомки читались заинтересованность и любопытство.

Нимфа улыбалась, а неожиданный посетитель, не произнося ни слова, изучал ее разметавшиеся по плечам длинные темные волосы. Она спросила:

– Ты к Машке?

Он все так же молча кивнул.

– А ее нет.

– А когда...

– К тетке уехала в деревню.

– А когда она...

– Да вот жду, завтра наверное, а может и послезавтра.

– А... – неопределенно протянул он, собираясь уйти.

– Погоди, а ты-то кто?

– Вик... – сказал он.

– Кто?

– Вик.

– Ого, – сказала она и ее большие карие глаза заискрились искренним интересом. – Значит, ты тот самый...

Теперь уже для Вика настала очередь удивляться. Но он не успел еще спросить девушку, что означает это ее многозначительное «тот самый», как она пояснила сама:

– Мне Машка о тебе рассказывала.

Сказано это было таким тоном – мол, знаем, знаем, – что у Вика немедленно снова образовался вопрос:

– И что же такое она обо мне рассказывала?

– А ничего, – с озорным вызовом вздергивая подбородок, ответила женщина. – Я ее подруга, Зоя меня зовут. Да ты не стой в дверях, входи.

– Да я... – замялся он.

– Да ты! – передразнила она, игриво улыбаясь.

«Может и правда зайти, посидеть немного? – подумал Вик. – А как же дела? Хотя когда еще Бегемотик домой пришлепает?..»

«А ты парень ничего, красавчик, у Машки губа не дура!» – подумала Зоя и, делая приглашающий жест, отстранилась немного, освобождая гостю место для прохода, сказала:

– Да заходи, не стесняйся! У меня пиво есть, свежее, холодное и рыбка. Хочешь пивка с рыбкой?

– Ну кто же в такую жару не хочет пивка с рыбкой? – уже без тени смущения сказал Вик, решительно переступая порог и проходя в комнату. Вся его скованность мгновенно растаяла без следа.

Зоя умчалась в дальнюю комнату и через секунду вернулась с жестяным бидончиком в одной руке и небольшим газетным свертком в другой.

– Садись, – бросила она стоявшему посреди комнаты гостю. – Не стой как памятник, вон стул, бери и подгребай к столу!

Зоя поставила на стол бидон, развернула газету, где оказались две небольшие хорошо просушенные рыбешки, одна из которых была уже очищена и наполовину объедена.

– Я тут решила чуть-чуть себя побаловать, – пояснила она, перехватив вопросительный взгляд гостя, – не боись, рыбы у меня много, а за пивком, если надо, еще сходим, тетя Катя мне всегда без очереди наливает... – Немного подумав, нимфа решила пояснить: – Она пивом торгует, соседка наша с Машкой, через дом живет, прямо рядом с пивнушкой, удобно. Мы все тут своим курмышом живем, я – вот там, наискосок, почти что напротив...

Вик повернул голову и посмотрел в том направлении, куда небрежно показала рукой Зоя, жестом подчеркивая последние слова. Вик с высоты своего роста не мог рассмотреть через низенькие оконца ничего, кроме тротуара и трамвайных путей, но для вида кивнул.

– Ты долго стоять собираешься? – сказала женщина, громко стукая о стол донышками стаканов. – Кюшать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Вик придвинул стул и сел напротив разместившейся на диване Зои. Пуговицы на ее халате – он уже понял, чей это халат, – были, как видно, пришиты на совесть, иначе бы непременно поотлетали, когда она села. И уж совсем не надо было быть мудрецом, чтобы догадаться: этот халатик – все, что на ней надето.

– А я с Машкой в школе вместе училась, – залпом выпивая пиво и отгрызая кусочек рыбьей спинки, поведала гостю Зоя. – Плесника еще.

Вик налил ей пива в протянутый над столом стакан. Потом себе и с удовольствием отпил половину. Пиво было ядреное, холодное, одним словом – свежак. Становилось понятно, что тетя Катя женщина душевная, не в пример некоторым коллегам, стремящимся враз стать богатыми, продукт портить не любит. Не разбавляет, не химичит, кому копеечку-другую не досдаст, кто из страждущих и сам оставит – спешит, не дожидаясь, пока осядет пенная шапка, припасть губами к краешку баночного или бидонного горла. Вот вам в день полсотни, а в праздник и того больше, тут уж народу не мешай, он погулять хочет.

– Рыбку бери, – по-хозяйски придвигая гостю газету с разложенным на ней лакомством, предложила Зоя и одновременно поставила на стол вновь опустевший стакан. – Вдвоем как-то ловчей идет, а?

– Угу, – промычал Вик, наполняя стаканы себе и ей.

– А я-то думала – одна буду...

– Одной скучно, – сказал Вик просто так, чтобы поддержать разговор.

– Не-а, мне никогда не скучно... На диванчике полежала бы, пивка попила, рыбки погрызла, книжку почитала...

– Сегодня вроде и не выходной? – спросил Вик, задумчиво посасывая рыбий хвост. Счет дней для него утратил смысл, и он задал этот вопрос с единственной целью – узнать, какой на самом деле сегодня день, будний или нет.

– У меня выходной да еще отгул за дежурство.

– А...

– Я медсестрой работаю в Первой городской... Ой, да мы же с тобой коллеги вроде? Точно, Машка говорила, ты в меде учишься, верно?

– Верно, коллега, но лишь отчасти, – усмехаясь, ответил Вик, подчеркнув слово «коллега».

– Что значит отчасти?

– Выперли меня благополучно, точнее, к сессии не допустили, – сказал он, вдруг мрачнея.

– Тогда разливай, выпьем с горя!

– Пиво вещь хорошая, а все хорошее имеет обыкновение кончаться, – желая сменить тему разговора, торжественно объявил Вик, разливая остатки содержимого бидона.

– Плохое тоже.

– Что?

– Плохое тоже. Ты что, глухой?

– Нет, плохое прилипчиво.

– Ладно, не кисни, не молоко.

– А кто тебе сказал, что я кисну?

– Ну если не киснешь, давай тогда еще вмажем! – весело предложила хозяйка, сверкнув глазами.

– Пива?

– Да ну его... Здесь ведь, знаешь, ватерклозета не имеется, заведение во дворе – лишний раз не набегаешься, – уточнила она со смехом.

– Тогда чего?

– А чего сам хочешь?

– Может, шампанского?

– Тогда уж лучше пива.

– Ну его и правда, – сказал в тон Зое Вик, ему вдруг почему-то расхотелось грустить.

– Тогда что найдешь, да колбаски купи и хлеба, денег дать?

– Есть, – сказал Вик, вставая.

Он вернулся через двадцать минут с бутылкой грузинского трехзвездочного коньяка, килограммом колбасы с незатейливым названием «русская», завернутой в плотную серую бумагу, и с буханкой свежайшего воздушно-мягкого хлеба под мышкой.

– Ну ты даешь! – с восхищением приветствовала его хозяйка.

– А чего?

– Коньяк пьешь, студент!

– Экс.

– Чего?

– Экс-студент, сиречь студент бывший.

– А... – разочарованно протянула Зоя. – Мне послышалось «секс».

– И это могем, – качнул головой Вик. – Бывает, случается грех.

– И часто? – сощурив глазки, чтобы скрыть заигравшие в них огоньки, поинтересовалась девушка.

– Только по партийным праздникам! – отчеканил, расправляя плечи, бывший студент.

– Ой, надо скорее в календаре посмотреть, что сегодня за день, нет ли какого праздника? – с притворным смирением сказала Зоя.

– У советского человека каждый день праздник! – тоном телевизионного диктора произнес Вик, чувствуя, как внезапно всколыхнулось в нем желание. Ему вдруг очень захотелось избавить стоящую в опасной близости женщину от сдавившей ее тело одежды.

– Советские люди – самые счастливые люди в мире! Кстати, а чем они коньяк закусывают?

– Кто?

– Ну енти, на прогнившем Западе.

– Вроде ничем.

– Голод?! – изображая на лице гримасу горя и подлинного сочувствия, воскликнула Зоя.

– Голод, – согласился Вик и уточнил: – Это у них, а вот советские люди всегда могут специально для того, чтобы закусить коньяк, приобрести кило «русской»...

– За два восемьдесят, – дотошно уточнила хозяйка.

– И буханку хлеба...

– За двадцать копеек! – закончили они уже хором. Зоя вышла в сени и вернулась оттуда с двумя литровыми банками, в одной из которых оказались грибы, а в другой огурцы.

– Самое оно! Закусончик под коньяк – что надо! – приветствовал появление банок Вик.

– Надо смеясь расставаться с прошлым, – с пафосом сказала Зоя. – В том числе и с прошлогодними запасами солений.

Они очень быстро открыли банки, порезали колбасу и хлеб и, едва успев откупорить бутылку, принялись с присущим тому самому счастливому советскому человеку энтузиазмом уничтожать выпивку и закуску.

– Хочешь, музыку врубим? – предложила вдруг Зоя, качая головой в направлении тумбочки с водруженной на ней старой ламповой «Кометой», которую Вик заметил сразу же, как только вошел.

– Давай, – согласился он. – А что у тебя есть?

– А тут разное есть, – ответила девушка, пересекая комнату. Открыв тумбочку, она низко склонилась над выдвинутым ящиком, выгибая при этом спину. Тесный коротенький халатик туго обтягивал ее роскошные округлости, пока она не спеша перебирала катушки, читая надписи на них: – «Битлы», Высоцкий, опять «Битлы», а это что? Не помню. «Веселые ребята», ну их, еще Высоцкий, Северный. Любишь Северного?

– Ничего...

– Ага, это опять не знаю что... А, вот! «Машина времени»! Слыхал?

– Слыхал.

– Нравится?

– Ну... нравится, конечно... в общем, – протянул Вик, ничего кроме фирмы не признававший и делавший исключение только для Высоцкого, который в данной компании и в сложившейся ситуации казался неуместным.

– Это я маг притаранила, – с оттенком гордости сказала Зоя. – Дома мамаша орет...

– Может, Северного? – с надеждой спросил Вик, подумав, что Аркаша покатил бы в самый раз.

Но было поздно. Зоя уже сделала выбор. Она подняла крышку магнитофона, достала катушку из коробочки и ловкими привычными движениями зарядила ленту в механизм, включая магнитофон сразу на перемотку.

– Погоди, – сказала она, поворачивая к гостю слегка раскрасневшееся лицо, – надо перемотать немного.

Вик уже не сомневался, что она сейчас поставит свою любимую «Машину» и наверное, какую-нибудь особенно понравившуюся песню, но спорить ему вовсе не хотелось. Коньяк еще оставался, деньги тоже. Душа затребовала песен, все равно каких.

«Еще не вечер, а Андрей Макаревич несравненно лучше, чем Владимир Макаров», – подумал он.

– Во! В самую точку! – радостно заверещала Зоя, включая воспроизведение и заглушая восторженным криком последние аккорды какой-то песни. – Теперь слушай, – едва ли не шепотом сказала она, когда наступила тишина.

– Блюз? – спросил Вик, услышав первые одинокие гитарные всплески.

– «Солнечный остров»... Давай потанцуем.

Вик встал со стула, привлек подошедшую девушку к себе, и они оба, тесно прижавшись друг к другу, стали медленно, в такт музыке переминаясь с ноги на ногу, вращаться в центре комнаты.

«Все очень просто, – сказки – обман.
Солнечный остров скрылся в туман...»

– пел аденоидный голос, звуки которого совершенно очевидно завораживали партнершу Вика, которому мало-помалу стало передаваться ее состояние. Продолжая держать Зою левой рукой выше талии, он медленно, как бы поглаживая, начал опускать правую все ниже и ниже. Наконец его ладонь достигла края подола халатика и, аккуратно шмыгнув вверх, исчезла под ним.

Музыка играла, и они продолжали медленное вращение ей в такт. Вик прижал Зоины губы к своим, и она тотчас же с готовностью отозвалась долгим и крепким поцелуем. Затем ее руки соскользнули с его плеч, двигаясь по твердым выпирающим мышцам груди, ее пальцы достигли первой из нерастегнутых пуговиц рубашки, и тут же ловкими и настойчивыми движениями расстегнули их все до одной. Зоя сорвала с его плеч рубашку и бросила в сторону. Он хотел помочь ей с пуговицами ее халатика, но она мягко отстранила его руки и быстро без лишних движений избавилась от одежды, опускаясь на колени...

Лента на магнитофоне давно смоталась на правую бобину и, ничем не удерживаемая, с бешеной скоростью, громко шурша,

вращалась на подкассетнике, но двое молодых людей, раскинувшись на полу, этого не замечали.

Входная дверь, внезапно скрипнув, приоткрылась, Вик, очевидно, плохо закрыл ее, вернувшись с улицы.

– Зоенька, чтой-та у тя тут, убивают, что ль, кого? Кричали-то как страшно! – произнес старческий дребезжащий голос.

– Да ничего, баб Даша, – отозвалась Зоя, приподнимаясь на локте. – Гости у меня, музыку слушали.

В дверях стояла маленькая сгорбленная старушка в ситцевом платочке и в ситцевом же сарафане, поверх которого, несмотря на жару, была надета синяя шерстяная кофта на пуговицах.

– Здрассь, – смущенно выдохнул Вик.

– Здравствуй, милок, здравствуй, – кивнула головой старушка, и уже обращаясь к Зое, сказала: – А я думала, убивают кого, думала милицию звать. А чаво ж на полу-та ляжитя?

– Танцевали, жарко стало... – беспечно ответила Зоя.

– Жарко? То-то я смотрю, ты тута нагишом разлеглася... Опять с мужуками... тьфу, прости Господи! – Старушка, мелко и часто крестясь, повернулась, чтобы уходить, и, уже прикрывая за собой дверь, добавила: – Хучь бо на кровать лягли, срам-от какой! Гляди, допрыгаисси, Зойка, все матке скажу!

– Да ты дойди сначала, – беззлобно усмехаясь, бросила Зоя вслед удалявшимся шаркающим старушечьим шагам, и уже обращаясь к Вику, как бы поясняя, добавила: – Девяносто лет еще когда стукнуло! Слепая, глухая, а все скрипит... Давай и правда, что ли, встанем?

Они не спеша поднялись и, слегка пошатываясь, побрели к дивану. Зоя влезла в халат и, не застегивая его, уселась на прежнее место. Вик тоже занял свое место за столом и молча разлил по стаканам остатки коньяка.

Дальнейшие события помчались с все нарастающей скоростью. Вик еще дважды курсировал до гастронома и обратно, возвратившись в первый раз с все тем же грузинским трехзвездочным и пачкой «Дымка», а во второй – с бутылкой молдавского «кальвадоса». Этот самый «кальвадос», выпитый только наполовину, первым и бросился в глаза Вику, когда утром, пробудившись от тяжелого беспокойного сна, он понял, что лежит на самом краешке так и не разложенного дивана.

Вняв совету старушки, любовники перенесли свои упражнения на более подходящий, а самое главное, более мягкий плацдарм. Под аккомпанемент настырного Макаревича, «Битлов» и Северного коньяк и «кальвадос» шли легко. Вик еще несколько раз швырял подругу на диван, удивляя и восхищая ее ненасытностью, и теперь, пробудившись, никак не мог вспомнить, как и когда уснул. Ночью ему снилась всякая чертовщина, было жарко, душно и тесно.

Когда он окончательно разлепил глаза и осмотрелся вокруг, то не мог не удивиться, каким образом вообще смог удержаться на

узенькой полоске дивана, оставленной ему подругой, которая сама расположилась довольно вольготно. Он осторожно, чтобы не упасть, повернулся и, сев на краю, тупо уставился на недопитую бутылку, остатки нехитрой трапезы и рассыпанные по всему столу окурки, лежащие вперемешку с целыми сигаретами.

Вик поднялся, натянул джинсы прямо на голое тело (он давно уже надевал их так), не сразу нашел носки. Наконец, обувшись, взял со стола сигарету и спички и вышел во двор.

Когда он вернулся, Зоя уже проснулась и, улыбаясь и потягиваясь, сидела на диване.

– Как спалось? – лукаво спросила она.

– Нормально, – хмуро отозвался он.

– Садись. Есть хочешь? – Зоя перестала потягиваться и, не дожидаясь ответа, встала, ища глазами халат. – Ну что я спрашиваю, конечно хочешь, после такой-то ночки... Ты просто зверюга. Сейчас яичницу приготовлю, только приберусь чуть-чуть.

Когда они прикончили «кальвадос» и расправились с яичницей, Вик, посидев еще чуть-чуть, встал. Подняв валявшуюся на полу рубашку, он надел ее и, не заправляя в джинсы, завязал полы узлом на животе.

– Пора мне, – сказал он, прочитав недоумение в глазах подруги.

– Домой к мамочке? – ехидно спросила она. – Ну давай!

– Причем здесь это? Мария же должна скоро вернуться, – вырвалось у него.

Поздно сообразив, что сказал что-то не то – в голове шумело – он попытался исправить ошибку:

– Понимаешь, Зой, дела у меня с ребятами, бабок срубить надо...

– Да ты не юли – «бабки-дедки»! – Он поразился тому, как буквально на глазах изменилось ее лицо. Куда девались все веселье и беззаботность? А она, уже не в силах сдержать раздражения, основанного на каких-то старых, не имевших к случайному дружку отношения обидах, продолжала, распаляясь все больше и больше:

– Ну, да, я шлюха, а Машка святая, да?

– Да причем здесь... – опешил Вик.

– А притом! Я, дура, в медучилище пошла, а Машка-умница в университет! Я день-деньской клизмы ставь и коли уродов всяких в жопу, а Машка в чистеньком кабинетике... Как же, главбух в книжном магазине, культурная!

Вику стало не по себе, он смотрел в ее наполненные злой обидой глаза, не зная, что сказать.

– А хочешь знать, как она туда попала, сразу в главные из молодых специалистов? Не знаешь?! В двадцать три-то года?

Вик неопределенно мотнул головой, как бы отвечая на ее вопрос, но Зое его ответы нужны вовсе не были.

– Трахалась она со своим директором и с начальником ОБХСС тоже! Она и сейчас с ним трахается!

– С кем?! – глотая слюну и чувствуя, что тупая волна гнева ударяет в голову, выдохнул Вик.

– С Прохоровым!

Вик был не настолько трезв, чтобы спокойно остановить этот словесный поток или просто, повернувшись, уйти, но еще и не настолько пьян, чтобы, подчиняясь первому порыву, кинуться на нее и заставить замолчать.

– Врешь!

– Нет не вру, мальчик мой! Сама видела, да и не только видела, участие принимала... Активное! – выпалила Зоя, и на лице ее безумная улыбка сменилась гримасой отвращения: – Жирный такой боров, тьфу, пакость!

– Врешь! Врешь, сволочь! – закричал Вик, схватив женщину за воротничок халатика и тряся ее изо всех сил. – Врешь! Врешь! Врешь!

– Она у нас теперь послушная, как овца, куда тот гонор девался, как из своего кооперативчика в наш курмыш вернулась с отсидки-то! – бесстрашно продолжала Зоя, крича Вику прямо в лицо. Он с отвращением оттолкнул ее от себя прямо на диван и ринулся было к ней, но спохватился и неожиданно плюхнулся на стоявший рядом стул, уронив голову в ладони. Прошло несколько минут, и он почувствовал на плече прикосновение мягкой ладони.

– Ты, Вить... не думай ничего. Я со зла наговорила.

Вик не ответил, но поднял лицо и тупым немигающим взглядом уставился на Зою, словно не понимая, кто перед ним. Она отвела глаза, и в этот момент раздался настойчивый стук в дверь.

Зоя пришла в себя первой и, съежившись, чтобы легче было просунуть пуговицы в растянутые петли, стала быстро втискиваться в халатик.

– Может, откроешь? – попросила она Вика, но тот, кто стоял за дверью, видимо устал барабанить и дернул ручку на себя. Вик, повернувшись, увидел появившуюся в дверном проеме парочку: невысокую крашеную блондинку в легком летнем платье и щупловатого мужичка лет, наверное, сорока, который ростом был не выше своей спутницы.

– Привет, Зойк, – сказала блондинка, приветливо улыбаясь, – а я уж думала – нет никого... А Машка-то где?

– У тети Любы она, – окончательно приходя в себя, ответила Зоя. – Завтра, я думаю, приедет.

– А... – неопределенно протянула блондинка, явно не желая никуда уходить. Чуть помявшись, она хитро прищурилась, скосила глаза на бутылку из-под «кальвадоса» и, подмигнув, спросила: – А вы, я гляжу, отпраздновали маленько с утреца? Мы вот с Федей тоже винца взяли немного, думали, Мария дома, дак...

– А вы не стойте, Нин, – пригласила Зоя. – Проходите... это Вик, познакомьтесь.

Когда все были представлены друг другу и женщины захлопотали, накрывая на стол, выяснилось, что чуть-чуть винца по понятиям Нины и Феди означало аж четыре бомбы семьдесят седьмого портвейна с полиэтиленовыми пробками, одну из которых тут же мастерски откупорил Федя, чьи отточенные движения не оставляли сомнения в том, что товарищ проводит время в постоянных упражнениях. Вик не преминул выразить восхищение подобным уровнем профессионализма, в ответ на что Федя польщенно улыбнулся и в свою очередь поинтересовался, почему у Вика такое странное имя.

Портвейн пошел «на ура». Он, казалось, не пьянил, а только веселил всех присутствующих. Федя сыпал анекдотами, половину из которых Вик знал, а другая половина, окажись он в другой компании, показалась бы ему просто идиотской. Тем не менее, это не мешало Зелинскому ржать во все горло вместе с остальными.

По ходу дела выяснилось, что Нина тоже училась вместе с Машей в школе, только на два класса старше, и долгое время жила в «нашем же курмыше». Потом, однако, выйдя замуж, переехала в другой район. Что там у нее случилось с мужем, Вик толком не разобрал, тот или уехал куда-то или был в запое или даже вообще скончался. В наличии на данный момент имелся Нинин друг Федя, который, сидя напротив Зои, все свои бородатые анекдоты обращал непосредственно к ней и буквально буравил глазами ее грудь, немилосердно сдавленную халатом. Нина без особого волнения наблюдала за стараниями приятеля, время от времени бросая заинтересованные взгляды на нового знакомого, восхищавшего ее своей мужественной внешностью.

Радовавший душу и веселивший разум напиток иссяк как-то неожиданно быстро, и мужчины засобирались было в магазин вдвоем, но Федя на поверку оказался вдруг слишком навеселе, и Вику пришлось, отказавшись от его компании, отправляться за спиртным в одиночестве.

Он вернулся быстро, дорожка, что называется, была уже протоптана, и вызвал дружное одобрение всей компании тонким подбором напитков: двумя поллитровками с надписью «Водка русская» и бутылкой «Гавана клаб» местного разлива, емкостью в три четверти литра.

После дегустации коктейля: ром плюс водка плюс совершенно неизвестно откуда взявшийся в доме лимон воспрянувший духом друг-Федя сник окончательно, иными словами, просто вырубился, едва не грохнувшись со стула. Ему повезло: сидевший рядом Вик успел вовремя подхватить его.

«Ну и мастерицы же вы бухать, подружки, – подумал единственный сохранившийся в компании представитель сильной половины человечества, как-то при этом не учитывая того факта, что женщины, веселясь наравне с мужчинами, выпивали гораздо аккуратнее. – Неужели и Маша – как они?»

Мысль эта причинила боль.

Заметив, что единственный кавалер нахмурился и вроде даже заскучал, женщины кинулись наперебой развлекать его. Зоя, конечно же, включила магнитофон, и комнату наполнил хрипловатый голос Аркаши Северного:

«Я был у Питэрэ, Одессе и Калуге,
У Кэшэневе, Магадане и на Юге,
А у Мэлитополе пришлось надеть халат...»

Следующей строчки, пропетой бардом на жутко искаженном наречии идиш, разобрать никто из присутствующих не мог, но именно она приводила в восторг дам. Потом они втроем танцевали под «Черную моль», усердно подпевая Северному, правда, при этом иногда путали слова, зато не забывали смешивать коктейли. Дамы стащили с не очень-то сопротивлявшегося кавалера рубашку, Зоя, радостно вздохнув, избавилась от объятий халата, расстегнув все до одной пуговицы, а ее подруга, не желая отставать, решительно выбралась из платья и осталась в одних только беленьких трусиках...

Вот тут-то, пожалуй, веселье и дошло до точки. Вдоволь наплясавшись, они втроем отправились в другую комнату, где девушки в момент освободились от остатков сковывавших их одежд, а затем общими слаженными усилиями стянули с Вика вместе с носками его видавшие виды ковбойские сапоги и не менее многострадальные «левеса». На нем остались только часы, которые дамы, как и всегда, дружно проигнорировали.

Потом, много позже, когда Вик, наконец, отрубился, сквозь дрему он слышал ругань и крики. Это Федя пытался разобраться с неверной дамой сердца, а заодно и с ее подругой, которая не оценила по достоинству его талант рассказчика анекдотов. Затем Вика кто-то долго и упорно старался разбудить, как сквозь пелену он видел Машу, которая, чертыхаясь, натягивала на него одежду (снимать было не в пример проще). Затем все стихло...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вик проснулся. Еще не открывая глаз, он почувствовал, что лежит лицом вниз на мятой, пропахшей потом простыне. Он слегка втянул носом застоявшийся воздух, улавливая в нем кисловатый запах алкоголя. Сделав выдох и потом сразу же глубокий вдох, он приподнял голову, сразу же ощутив ее тяжесть, и, оперевшись на локоть, разлепил веки. В комнате, в которой он находился, было темно, и лишь узенькая полоска света из едва приоткрытой двери, ведущей в другую комнату, позволяла хоть как-то разглядеть, что его окружало.

Вик провел разбухшим, не желавшим слушаться языком по засохшим губам и, еще выше приподнявшись на локте, посмотрел в ту часть комнаты, которая была освещена.

Кое-как справившись с задачей идентификации своего местопребывания, он провел рукой по бедру и пошевелил пальцами ног, установив с помощью этих нехитрых манипуляций, что лежит на кровати в джинсах и сапогах. Рубашку он обнаружил на полу рядом с кроватью.

Все также опираясь локтем левой руки на постель, он поднес к глазам запястье и напряженно стал всматриваться в фосфоресцирующие штрихи стрелок и точки, аккуратно рассыпанные по окружности циферблата, чтобы определить время. В окно, находившееся как раз напротив кровати, вливалась кобальтовая вязкая темнота. Там, за ним, была ночь или поздний вечер, а вполне возможно, что и раннее утро.

Отчаявшись разобраться во всем этом прыгающем перед глазами светящемся хаосе, Вик оставил в покое часы, и, чувствуя надвигающийся приступ дурноты, рухнул обратно на постель лицом вниз, рассыпая по широким плечам густые спутанные волосы.

Пролежав еще несколько минут в полузабытьи, Вик решительно открыл глаза, но тотчас же закрыл их снова. Он сделал попытку заснуть, но понял, это ему не удастся, потому что почувствовал – что-то не так. Он поднял голову и прислушался, откуда-то, видимо, из большой комнаты, доносились голоса.

Окончательно проснувшись и отогнав от себя назойливые воспоминания, еще мутный от бродившей по венам и артериям алкогольной мешанины, Вик медленно сел в постели.

«Как же это я так набрался-то? – задал он себе сакраментальный вопрос, впервые в жизни чувствуя тошноту после пьянки. Прежде, сколько бы дней подряд ни случалось ему загуливать, какое бы количество спиртного ни было при этом им поглощено, его сильный молодой организм все выдерживал. Никогда наутро Вик не чувствовал ни головной боли, ни тошноты, на которую обычно жалуются в таких случаях люди. – Это все Федина бормотуха...»

Теперь он уже ясно мог слышать голоса из той большой комнаты, где так славно веселился предыдущие два... стоп... или три?.. Нет, все-таки два дня. Один из голосов принадлежал Маше, его Вик узнал сразу, второй – незнакомому мужчине. Разобрать, о чем они говорили, Вик не мог, но разговор, видимо, шел ровный, миролюбивый.

«Wake up, boy we're almost home, – сказал он сам себе, перефразируя любимого Джима. – Вставай парень, мы приехали... Хватит, больше никогда в жизни такой бормотухи в рот не возьму, даже для дисгайза. Ну и дела, вот, оказывается, что такое похмелье!»

Более искреннего раскаяния в содеянном, чем утром после пьянки, не бывает никогда.

Вик встал и толчком распахнул полуоткрытую дверь. Сделав несколько неверных шагов, он зажмурился на несколько секунд от показавшегося ему очень уж ярким света в комнате.

За столом, где совсем недавно он в компании Зои и ее друзей предавался свинскому разгулу, погрязнув в безобразном пьянстве

и разврате, сидели сама хозяйка квартиры и ее гость. На ней оказался все тот же простенький ситцевый сарафанчик или платьице, в котором три месяца назад Вик встретил ее у колонки.

На столе стояла бутылка «Кубанской» 0,75 – образец широко популярной на Западе и известной простому населению главным образом по слухам продукции местного ликеро-водочного завода. Она и возвышалась на столе так, словно понимала свою принадлежность к элите, гордо и презрительно поглядывая вокруг. Ее окружали так, как окружали в старину махину собора домишки горожан с огородами и палисадниками, тарелочки с закусками, которых, как заметил Вик, было великое множество. Разные свежие овощи, грибочки, соленые огурцы, аккуратно нарезанные хлеб, колбаса, сыр и ветчина. Отдельно, на самом дальнем от Вика краю стола, располагалась накрытая тряпочкой, чтобы не остыла раньше времени, картошка.

На то, чтобы рассмотреть все это, у Вика ушло не больше нескольких секунд. Затем он перевел взгляд на гостя. Тот расположился на том же самом месте, которое занимал, находясь в гостях у Зои, сам Вик. И даже если учесть, что сидел неизвестный, небрежно развалясь на стуле, не составляло труда заметить, что роста в нем не более чем метр семьдесят. Выглядел мужчина, на первый взгляд, лет на сорок, сорок пять. Был он плотного телосложения, с лицом тяжелым, мясистым, не то обветренным, не то просто румяным. Свинячьи глазки, сузившись, внимательно изучали высокого парня с рассыпавшимися по плечам спутанными черными волосами, его мощную грудь и живот, едва прикрытые незастегнутой клетчатой рубашкой, вылинявшие джинсы. Что-то показалось гостю знакомым в облике этого парня, что-то очень давнее, забытое, какое-то мимолетное сходство... Нет, просто показалось...

Что-то очень давнее, из той, прошлой жизни... Что-то такое важное... Следовало немедленно вспомнить – что же? Мутное тяжелое сознание Вика никак не могло справиться с колющей иглой воспоминаний. Нет, не может быть! Нет... Одежда, черт! Форма, темно-синий китель, погон (гость сидел боком, второго погона не видно) с одиноким жирным ляпком между двумя красными полосками... И все-таки?.. Нет. Вик перевел взгляд на хозяйку. Она нервничала, казалось даже, что в ее широко открытых глазах застыла просьба, нет и не просьба, мольба.

Не дождавшись хотя бы легкого намека, хотя бы кивка от недоуменно или скорее просто очумело уставившегося на нее Вика, Маша решила, что пора прервать затянувшееся неловкое молчание.

– Проснулся уже, Ви... проснулся? – Обращаясь к гостю, тоном, каким говорят взрослые о нашаливших детях в присутствии этих самых детей, пояснила: – Это Зоин приятель... Витя.

– Угу, – важно и снисходительно изрек майор, не меняя позы, и, повернув лицо к парню, добавил: – Погуляли, значит, малость?

– Я ведь вам говорила, Петр Иваныч, я к тетке Любе ездила, а Зоя здесь оставалась, попросила, говорит, что, мол, мать попреками замучила, я ей и разрешила пока пожить... – извиняющимся тоном проговорила Маша, словно бы и не она, а этот вот боров был здесь у себя дома.

– Зойка девка бедовая, – согласился и, казалось, даже улыбнулся при этом, причмокнув губами, словно вспоминая что-то, Петр Иванович и, именуя себя на «мы», закончил: – Знаем мы Зойку.

Имя сладострастной подруги, а может быть, тон, каким высказывался о ней Машин гость, вызвало в голове у Вика какое-то неясное шевеление. Среди мути в мозгах яркой искоркой вдруг вспыхнула одна мысль, словно кто-то бросил на стол в середину разбросанных мелких металлических стружек кусок сильного магнита, который сразу же и притянул их к себе. Воспоминания сразу же обрели стержень.

Зоя, ее выплеснутые в злобе и зависти слова. Петр Иванович, Петр Иванович Прохоров. Начальник ОБХСС Центрального района, на территории которого располагался Машин Дом книги. И все, что сказала бедовая Зойка, сразу стало выглядеть правдой. Да, все это правда.

– Садись, что ль, выпей с нами, – предложил майор по-хозяйски. – Помрешь а то.

«Красная рожа, суженные, излучающие ненависть глазки... Распахнутый лайковый плащ. Красные «жигули»! Директор базы. Директор? Черт возьми!..»

– Садись, не стесняйся.

Барин.

– А, извини, – смеется майор. – Когда я говорю – «садись», люди как-то не так понимают... Присаживайся.

– Может не стоит, Петр Иванович? – просит Маша, пытаясь как можно скорее отделаться от Вика. Каждый из мужчин думал о своем, и только она одна уже чувствовала беду, протягивавшую скрюченные персты к самому горлу.

– Нет, нет, пусть, – говорит майор. Его слова не обсуждаются.

Барин добр сегодня, пусть холоп подсядет к столу и выпьет с хозяином за успехи. Звездочки обмыть, одну большую, вместо тех четырех маленьких, давно опостылевших. С друзьями уже выпито и немало. Дома, в семье, тоже уже порадовались успехам отца и мужа. Все честь по чести... Теперь вот и сюда добрался. Да скучно с ней, с Машкой-то!.. До посадки королевой была, а теперь что? Услужливая, куда вся спесь подевалась. В постели старательная, да только не то все... И немного теперь от нее нужно. Хотя как раз то, что нужно, у нее еще лучше, чем раньше, выходит. Натренировалась на зоне. Поделом. Теперь, ей-Богу, самому смешно вспоминать – если бы не партбилет... ведь жениться хотел! С женой развестись думал, двух детей бросить! А она? Прогнала, как щенка,

как котенка! Понять не мог – почему? После люди добрые разъяснили – с парнем, каким-то сопляком, школьником спуталась... Да только где он теперь, парень тот? То-то! А он, Прохоров, вот тут, однако, милая, расклад нынче не тот!..

«Ты бы лучше, родная, в деревне своей посидела, – подумал майор. – Нужна ты не больно. Зойка твоя, вот то – да! Ай да Зойка, за подругой вслед, тоже по молодым. Ее, значит, кавалер... Где я видел его? Где? А ведь видел же! Давно, но видел...»

Вик взял стул и сел к столу.

– За что пьем?

– Повод есть, – весомо объявляет гость, хотя какой там гость – полный хозяин. Он, как и положено хозяину, наливает рюмку и ставит ее перед Виком.

– Петр Иванович очередное звание получил... – суетливо и заискивающе произносит Маша.

Вику стало не по себе от того, как она это сказала. Нет, не станет он пить за это звание.

«Капитан Прохоров, – звучит в голове и вертятся, вертятся обрывки подслушанных фраз из разговора родителей в том страшном марте. – Она с ним путалась, он делишки ее прикрывал, а когда хвостом завиляла, заартачилась, тут ей и ревизия. Злоупотребления...» – звучит в мозгу голос отца.

«Тише ты, Марек, не услышал бы он...» – шепчет мать. Он это, конечно, Вик. – «Да брось, Лена, все равно узнает... Он мужик, не беда, погорюет и забудет».

– Не стесняйся, – вальяжно цедит Прохоров. – По первой за звание, по второй за машину новую. Выпьешь – отойдешь.

Вик поднял рюмку и задумчиво посмотрел на прозрачную жидкость, преломленную в толстом стекле. Рука его немного дрожала.

– Будем, – произносит виновник торжества, опрокидывая рюмку в рот. Маша тоже выпивает. Только Вик поставил рюмку на стол, чем вызвал вопрос майора:

– Ты что?

– Они тут всякую бормотуху пили, я только перед вашим приходом все выгребла... Ему, наверное, плохо очень, не надо, Петр Иванович, – просит Маша, все еще надеясь спасти положение.

Майор определенно в очень хорошем расположении духа, поэтому не настаивает. Они с Машей заговаривают о пустяках. Но Вик не слышит их, окружающая действительность перестает волновать его, куда бы более важным становится нечто неведомое, поднимающееся из глубин сознания. Что-то незнакомое, самостоятельное, неподвластное ему.

Сколько прошло времени, он не знал, казалось, вечность. Голос Прохорова вернул его в реальность:

– Давай по второй за машину, «Волгу» взял, новую, надоело на «жигулях»-то... Давай, а то больше предлагать не буду.

Петр Иванович и сам не знал, почему ему хотелось, чтобы парень выпил с ним... Наверное, он не поверил Машиным словам. Что-то тут не то! Не хотелось разбираться и портить настроение, не затем он сюда приехал.

– Красная «трешка», – неожиданно для всех и прежде всего для себя самого изрек Вик.

– Красная... Была, – недоуменно проговорил обэхээсник.

«Директор базы, Машенька? Как бы не так! Ваш... ваш... любовник, Мария Николаевна».

«Откуда он знает про машину? – спросил себя майор. – Есть! На лестнице, в тот самый день? Зойкин, говоришь, приятель, а не твой ли щенок?! На старое потянуло, ах ты, сволота!»

Маша открыла рот, но говорить что-либо было уже поздно!

– А не хреново платят в ментуре, если на «Волгу» хватило? – раздался издевательский голос Вика.

– Что ты, Ви... – начала было Маша.

– Что?! – Лицо майора пошло пятнами. – Что ты сказал, подлец? Ты на что намекаешь, гад? Да я... да я... я двадцать четыре года в партии! Каждую копеечку... вот партбилет! – Он хлопнул себя по груди в том месте, где лежал бумажник.

– Ну конечно, а с того, что тебе в конвертах совали, тоже своей партии отстегивал?

– Ах ты, сука, козел волосатый! – вставая со стула, заревел майор.

– Что, лягавый, не нравится? – ломая губы в гневной ухмылке, бросил Вик. Ноги у него дрожали, но он тяжело поднялся и, схватив со стола налитую ему рюмку «Кубанской», выплеснул водку в ненавистную рожу обэхээсника. – На!!!

Майор вскочил, уронив стул, и с неожиданным проворством вцепился Вику в волосы толстыми пальцами обеих рук. Он что есть силы несколько раз приложил волосатика лицом о край стола.

– Не надо, Петр Иваныч, Петя, не надо! – закричала Маша.

– Молчи, сука! По нарам соскучилась?! – рявкнул на нее майор, продолжая расправу. – На! На! Козел волосатый! Так вас, так! Всех! Гнид!

Вик, падая на правое колено и сдвигая, чуть не опрокидывая стол, с которого летели на пол тарелочки со снедью и рухнула, разбившись, колокольня бутылки, почувствовал, как льется из разбитого носа кровь.

Всего на секунду, на один короткий миг увидел он перед собой застланными мутью глазами расходящийся ниже пояса разрез синего милицейского кителя... Все было так, словно он, стоя на ринге под шквалом ударов одолевавшего противника, поймал мгновение, когда тот раскрылся, подставляя под удар челюсть. Вик даже не успел подумать, как привычный к бою кулак сам рванулся вперед.

Синяя туша майора отлетела в сторону, а Вик, вскакивая с колена, врезал апперкотом по роже противника, согнувшегося

точно в угодливом поклоне. Тот рухнул навзничь, но, не потеряв еще сознания, пытаясь подняться, неловко, как перевернутый на спину недотравленный жук, все шевелил и шевелил конечностями.

Вик прыгнул к нему и пинал, пинал что есть силы острыми носками сапог жирные, обтянутые плотной материей бока, не слыша визга и не чувствуя тяжести повисшей на нем хозяйки.

Майор затих лишь тогда, когда носок Викиного сапога угодил ему в висок. Победитель качнулся, сбрасывая с себя Машу.

– Что ты наделал?! Что ты наделал?! – плача, кричала она.

– А ты... ты! – Вик со свистом втянул воздух. – Трахалась с ним, падаль, трахалась! После того, что он с тобой сделал!!!

Вик взмахнул кулаком.

– Бей меня, бей же, бей! – выкрикивала Маша ему в лицо. Глаза ее пылали, и в них не было ни слезинки, только мокрые щеки говорили о том, что еще несколько секунд назад она плакала. – Что не бьешь? Бей! Да, с ним и не только с ним! Знаешь, каково на зоне-то? Я еще и с девками путалась! Бей, давай!

Увидев, что он медленно, точно во сне опускает кулак, она громко и четко проговорила, глядя ему прямо в глаза:

– Я сказала тебе, чтобы ты не приходил? Я сказала тебе, что я грязная? Я не хочу туда больше, понял?! Понял?!

Он мотнул головой.

– Уходи, – сказала она негромко, но властно.

Вик, шатаясь, шагнул вперед. Сметая с дороги свою возлюбленную, он вылетел в сени, оказавшись на улице, на секунду остановился. Прямо перед ним стояла, сверкая свеженькой красочкой, белая «Волга». Секунду-другую он тупо смотрел на машину, потом шагнул в сторону и, едва сделав несколько шагов прочь от проклятой двери, споткнулся и упал на колено. Упершись в землю растопыренными пальцами, он избежал падения, сгреб с тротуара какой-то предмет и зажал его в руке. Обретя равновесие, Вик раскрыл ладонь, увидел на ней кусок асфальта и, не очень-то задумываясь, зачем, швырнул его трясущейся рукой в заднее стекло машины. Стекло не разбилось от слабого и неточного броска, только пошло трещинами.

Вик повернулся и, больше не оглядываясь назад, качаясь, побрел прочь по измятому, покрытому трещинами и выбоинами асфальту.

Он шел, не разбирая дороги, совершенно не понимая, куда и зачем несут его нетвердые, дрожащие в коленях, ноги. Впрочем, дрожали у него не только ноги. Дрожал он весь, превозмогая тошноту, то и дело комом подкатывавшую к горлу.

– Сволочи! Мрази! – повторял он, часто останавливаясь и оглядывая все вокруг ненавидящими глазами. Он и сам толком не знал, к кому относились его слова.

Было уже очень поздно. Редкие прохожие издалека обходили бормотавшего что-то себе под нос молодого пьяницу. Вик вдруг обнаружил себя стоящим возле очень знакомого дома. Еще не совсем соображая, что это, собственно, за дом, он машинально вошел в подъезд и, хватаясь за перила, цепляясь длинными носками сапог за ступеньки, полез вверх. Остановившись у одной из дверей последнего, пятого этажа, Вик позвонил.

– Ты что, с Луны свалился?! Я тебя три дня ищу! – накинулся на приятеля Дима. – Что это с тобой?

Он появился в дверях в черных длинных трусах и в белой майке, бросив на ходу проснувшейся матери, что пришли к нему.

– Со мной? – притворно удивляясь, гаркнул друг. – А что со мной? Со мной все хок'кей!

– Да не ори ты, мать уже разбудил, теперь не уснет долго...

– Извини... А почему все спят?

– Да ты чо, в натуре? Бухой?

– Кто бухой?.. Я? Сам ты бухой!

– Кто это тебя? – спросил Дима тревожно, увидев кровь, запекшуюся на лице друга.

– А-а-а! – махнул рукой Вик. – С лестницы навернулся... У тебя файда есть? Вмазать хочется.

– Ты что, Вить, откуда? – заерзал толстяк, опустив глаза. – Товар не продается, все должны, никто не от...

– Хватит свистеть-то!

– Да не ори ты! – зашипел на напарника Дима, озираясь вокруг. – Весь подъезд перебудишь!

– Ни х-хрена! Бабки давай, ща на вокзал рванем, там достанем!

– Какой вокзал? Ты на себя посмотри! Враз повяжут!

– Я их сам повяжу! Давай бабки, а то всех подниму! Вот тут кто живет?

Демонстрируя серьезность намерений, Вик подошел к одной из дверей и потянулся к звонку. Кошкой прыгнувший Дима едва успел схватить приятеля за руку, не дав нажать кнопку:

– Совсем охренел?!

– А мне все хрен по дороге? Не дашь бабок, всех разбужу!

Поняв, что компаньон шутить не намерен, Дима сдался:

– Самогонку будешь?

– По барабану!

– Я сейчас, только штаны надену, не бузи, – попросил толстяк и скрылся за дверью.

– К тете Клаве зайдем, у нее вся округа пасется, – почему-то шепотом сказал Дима, когда они вышли на улицу.

– Это та сука старая, которая на первом этаже?.. Она меня пошлет, я тут с ней пообщался, когда к тебе приходил... Ты мотаешься где-то...

– Это я-то мотаюсь, я? Я тебя по всему городу с собаками ищу! Дело есть, клиент – сотен на шесть-семь тянет, а ты!...

– А, по фэйсу врежем и все снимем, можем прям щас поехать, только вмажем... Ты один к ней иди.

– Естественно, ты вон там посиди. – Толстяк показал другу на некрашенный, потемневший от дождей столик с двумя лавочками. Обычно за ним резались в домино местные пенсионеры. Сейчас, конечно, там никого не было.

Ждать пришлось минут десять. Вик сидел, развалясь на скамейке, опираясь спиной о край стола.

Известной всем окрестным бухарикам тете Клаве, искренне удивленной Диминым визитом – он никогда не принадлежал к числу ее клиентов, – пришлось долго объяснять, что зелье нужно для нагрянувшего в гости родственника или близкого знакомого, что, в общем-то, соответствовало истине.

– Вот держи, – сказал толстяк, протягивая компаньону бутылку «огненной воды».

– Это че? – спросил тот, с недоверием оглядывая неаппетитную жидкость в бутылке из-под портвейна. – А ладно, как говорят японцы, хусима!

Вик сделал несколько глотков и, давясь отвратительной жгучей мутью, едва сдержав тошноту, сплюнул на землю.

– Держи... Будешь? – сказал он, протянув напарнику самогонку.

Тот с сомнением посмотрел на бутылку и, помявшись, поднес ее горлышко к носу.

– Гадость... – произнес он, все еще не решаясь пить. – За что два рубля?

Вик без лишних слов отобрал у него зелье и сделал еще несколько глотков. Со второго захода жидкость показалась ему уже не столь отвратительной. Он снова передал бутылку товарищу, и тот, видя, что содержимого в ней убавилось на добрую треть, решился наконец принять посильное участие.

– Ну и дрянь, – констатировал он совершенно очевидный факт. – Говорит – семьдесят градусов. Первач.

– Курева не взял?

– Обижаешь, начальник, – прогнусавил Дима, доставая пачку «Дымка», и, когда оба закурили, полез с вопросами.

– Да забухал малька, – подтвердил Вик и без того очевидный факт.

– С телкой?

Вик кивнул. И потянулся за поставленной Димой на стол бутылкой.

– Меня то чо ж не позвал? – обиженно спросил тот. И подумал: «Вот, как с телками, так один, а как выпить нечего, так – ко мне!»

– Извиняйте, дядьку, – ответил Вик и сделал еще несколько глотков, после чего в бутылке осталась едва ли треть жидкости, которая уже совсем не казалась ему гадостью.

Дима взял у него бутылку и, поборов отвращение, выпил, сплюнул и, крякнув, занюхал рукавом.

– Ту-ду-ду-ду, ту-ту-ду-ту-ду-ду-ду! – донеслось до толстяка, он повернулся и увидел, что его приятель, выпятив губы и раскачиваясь в такт издаваемым звукам, старательно изображает ходы бас-гитары. Вик ударил себя по коленкам, точно по барабанам, и запел хриплым низким голосом, сильно искажая английские слова известной песни Моррисона «Негромкое шествие».

Дима попытался было утихомирить товарища, напоминая ему, что все спят, что уже поздно, но куда там! Вик только еще больше входил в раж.

– Подпевай! – крикнул он компаньону. – Па-ашли они все!

Дима уже понял, что заткнуть напарника ему не удастся. Пугать его тем, что соседи разозлятся и вызовут милицию, было бесполезно. Даже наоборот, любое упоминание о «ментуре» словно еще больше подливало масла в огонь.

Пропев финальные строчки, Вик решил пояснить их смысл напарнику:

– Мы им всем задницу надерем, всем! Пусть не думают, что приперли нас к стенке, мы им покажем, мы заставим их плакать во сне! – проорал он и, видя, что Дима собирается прикончить остатки «огненной воды», попросил: – Мне оставь!

Они допили самогонку, и Вик выбросил опустевшую бутылку. Тетя Клава не соврала, крепость в ее зелье была изрядная, может и не семьдесят градусов, но шестьдесят-то точно. Дима, выпивший меньше товарища, почувствовал, что слегка закосел. Ему тоже вдруг стало как-то плевать и на спокойствие соседей и на возможный приезд представителей власти. Поэтому, когда Вик в очередной раз призвал ему принять участие в упражнении голосовых связок, решил воспользоваться предложением. Они начинали, но очень быстро прерывали пение. Вик спьяну неожиданно, на полуслове забывал текст, который, видимо, и в трезвом виде знал нетвердо.

«Smoke on the water, fire in the sky», – затянули было компаньоны, но как-то очень быстро стушевались, так как, кроме «дыма на воде и огня в небе», про то, о чем шла в данной песне речь, знали весьма мало.

Быстро покончив с экспериментами, Вик вернулся к любимому Моррисону, но и тут не сразу решился – с чего начать. Друг замолчал, задумавшись, и Дима было решил уже, что он собрался прервать концерт, но не тут-то было, как раз в этот момент Вик, снова огрев колено, принялся отбивать кулаком такт и запел «Пять к одному».

– Подпевай! – бросил он Диме, молотя себя уже не только по коленкам, но и по груди и даже по лбу. Толстяк подхватил, и они пропели вместе «Мою дикую любовь», вернее не пропели, а проорали, причем Дима запаздывал, стараясь повторять слова за товарищем.

– Больше вмазать нечего? – спросил он.

– Нет, бутылка вон, выбросили и денег нет, – запротестовал толстяк.

– Как это нет? – не поверил Зелинский. – Надо найти, мне надо!

– Нет у меня! – взвизгнул толстяк.

– Ладно врать-то... – не поверил Вик и, пьяно насупясь, уставился в лицо компаньона.

Тот, не выдержав, отвел глаза.

– Ну хоть двушка-то есть?

– Светке звонить будешь? – оживился толстяк. Отправить друга сейчас к «жене» – это на данный момент выглядело самым оптимальным решением проблемы.

Дима, порывшись в кармане, вытащил оттуда двухкопеечную монетку и, чуть было не выронив оставшуюся у него после приобретения самогона трешку, густо покраснел. К счастью, напарник ничего этого не заметил. Хотя радужные Димины надежды насчет отбытия компаньона «домой» были немедленно развеяны без следа.

– К Светке? На х... мне Светка? – бросил Вик и икнув, нетвердой походкой направился в сторону телефонной будки.

Дима двинулся ему вслед.

– Алло? Алло?.. Эй, ку-ку! Чи-во??? Ты что еще за хрен с горы?.. Мне Лену, непонятно, что ли?.. Ле-ну... Что?.. Нет... Как куда?.. Что?.. Ах ты му... – Вик не договорил, с удивлением уставившись на захлебывающуюся короткими гудками трубку.

То, что случилось в следующие секунды, так впечатлило толстяка, что запомнилось на всю жизнь. Вик звезданул трубкой об аппарат, но она, к Диминому удивлению, не разбилась, приведя напарника в бешенство. Он дернул непокорную трубку, стараясь оторвать ее от аппарата, но та, соединенная с ним проводом в крепкой металлической оплетке, не поддавалась.

– Ты что, охренел?! – крикнул на компаньона Дима, но тот не слушал. Рыча и ругаясь, он яростно рвал ненавистную трубку. Наконец старания Вика увенчались успехом, и узел телефонного аппарата, не выдержав бешеного натиска, оказался у него в руках, но очень ненадолго. Потеряв равновесие, он вылетел из открытой двери будки и, падая на помятую зелень газона, выронил трофей, отлетевший далеко на асфальт.

Дима, пораженный всем только что увиденным, некоторое время оставался недвижимым, а затем, нагнувшись над напарником, принялся тормошить его. Но тот, очевидно, израсходовав все силы на борьбу с трубкой, спал мертвым сном.

Утро настигло Вика «дома», то есть у Светы. Он мог бы сколько угодно спрашивать себя, как попал туда, но ответа на этот вопрос не находилось. В момент пробуждения на нем оказалась любимая форма одежды, проще говоря – часы. А вот «жены» в постели не

обнаружилось. Судя по доносившемуся с кухни шуму, она готовила там себе какую-то еду, собираясь на работу, было уже девять часов утра.

Чувствовал себя Вик на удивление очень даже неплохо. Все вчерашнее припоминалось смутно. И главная загадка заключалась в том, как его угораздило попасть к Светке. Впрочем, это вскоре прояснилось.

Прежде чем отчалить на работу, «жена» устроила загулявшему самый настоящий семейный скандал, припомнив все действительные и мнимые грехи, все, вплоть до появления дома под Диминым эскортом в половине третьего ночи. На душе и без того было хреново. О том, что случилось у Маши, даже и вспоминать не хотелось... Очень не хотелось... Но вспоминалось.

Светка ни с того ни с сего вдруг, когда Вик выплыл на кухню, конечно же, как был, абсолютно голый, разразилась фонтаном слез. Он обнял ее, погладил, и она, казалось, немного успокоилась, но потом опять, всхлипнув, побежала в ванную. Минут через десять, целуя его на ходу, она стремглав умчалась на работу.

Вик сел за стол, налил чаю и принялся ковырять вилкой оставленный ему Светкой кусок яичницы.

Чай был противный. Грузинский. Вик предпочел бы рассол. Мечты о традиционном утреннем напитке советских руководящих работников прервал телефонный звонок. Звонил Дима. Он не преминул в красках рассказать компаньону все известные ему подробности вчерашней ночи и десять раз повторил, что назначает стрелку на шесть вечера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Теперь оба друга встретились в скверике, где и уселись в ожидании клиента. Вернее, уселся только один Дима, а его компаньон стоял, поставив левую ногу на деревянные перила каменного Г-образного бордюра, огибавшего расположенный на высоком холме позади драматического театра уютный тенистый скверик. Вик, замерев точно изваяние, смотрел куда-то вдаль на реку, на ее другой, покрытый ровным зеленым ковром берег.

Он простоял так молча и почти без движения, наверное, не меньше получаса, и Дима, страдавший от все еще сильной жары, начал даже злиться на друга. В конце-то концов, разве не по Витькиной милости ему три дня пришлось динамить клиента? А его начиненный дисками портфель, Дима знал это наверняка, тянул не меньше, как на «тонну».

Басня, которую использовал на сей раз Дима, была стара как мир: «Есть у меня человек, сам он с Севера, да... Знаешь, какой? Все метет подчистую! Бабок!.. Не меряно... Но, видишь ли... Он такой... Сам не пойдет, боится, ты тут тоже пойми! Контора... И

все такое... В общем, есть у него друг, с ним и надо встретиться...» – выпучив глаза, самозабвенно врал толстяк, завлекая «московского гостя» близостью скорой наживы.

Что-что, а уж друг-то точно есть. Вот стоит, как статуя... Впередсмотрящий!

Как раз в этот момент изваяние неожиданно ожило:

– Ну, хрен ли? Долго его еще?

– Договорились ведь... с шести до семи... – протянул Дима, которому частенько приходилось ждать напарника, и тому это казалось вполне само собой разумеющимся. Сам же он злился, оказавшись в шкуре ожидающего. Словно выгораживая клиента перед напарником, толстяк добавил: – Он же предупредил, что если не придет сегодня, то, значит, завтра на туче. А потом – разве уже семь?

Компаньон предложил определить пока план действий:

– Что делать с ним будем? Может, его на лифте покатать? Если, конечно, он придет...

– А... А может, через Колин проходняк вертануть, как чурок тех? – предложил в свою очередь Дима, который прекрасно понимал, что если он согласится на предложение Вика, ему придется быть «ведущим».

– Тачки нет...

– Так лето же, – возразил толстяк с жаром, – какое-нито трико найдем... Вот бороду, конечно, и усы... Достать сможешь?

– Ну ее, лучше «лифт».

– Можно, конечно, только это уже третий будет подряд...

– И что с того?

– Примета у меня, – неохотно сознался толстяк. – У нас с тобой каждое третье и седьмое дело не выходит... Помнишь, как с последним дисгайсом вышло? – Не хотелось ему быть «ведущим», ох как не хотелось... Вот если бы вел напарник, как это было в прошлый раз...

«Лифт» – такое дело, кто нашел клиента, тот и ведет. Вик встретил парня из Питера, естественно, в «Волне». Тот пропивал последнюю наличность. Ему срочно захотелось продать три пары «трузеров».

– Я те купца найду! – хлопнув себя в грудь, пообещал уже изрядно принявший Вик.

«Штаны» у клиента оказались, как на подбор, одного, не годного никому из компаньонов размера.

– Ты только не смейся, – выдал Зелинский текстовочку в своем духе, отвечая на извечные Димины «что?» да «как?»: – Весь спектр в наличии: Барон Врангель, Сапер Рифле и таварися Ли, одного гребанного композитора, херра Штрауса не хватает.

Чтобы достичь окончательной договоренности, все участники встречи собрались в условленном месте, то есть в этом вот скверике, в котором они сидели и на сей раз.

Ленинградца тоже звали Витей, толстяк по определенным соображениям представился Славой. Новоиспеченный Слава посмотрел товар и посетовал на то, что не любят доблестные советские спекулянты толстых людей, а посему ни одна пара штанов из лежавших в портфеле ему не подходит, смотреть даже нечего. Тут уж никто спорить не стал.

Петербуржец только огорченно пожал плечами и понурился. Уж очень ему не хотелось тащиться к себе в гостиницу не солоно хлебавши. Но огорченный по поводу собственной невезучей задницы, которую просто нечем прикрыть, толстяк предложил вдруг довольно разумный выход из положения.

– У меня подруга есть, – сообщил он торжественно. – Ритой зовут.

Остальным пришлось только порадоваться за него. Но толстый приятель Риты разъяснил всем присутствующим суть вопроса:

– Ей тоже штаны нужны, она уже мне все уши прожужжала, достань, мол, и все. Ей в самый раз будет, одну пару да толкнем! Хошь, прям щас позвоню? Только бы дома застать...

Ленинградцу Вите фортуна явно улыбалась сегодня. Невеста-Рита оказалась дома. Но обстоятельства сложились так, что девушка в данный момент не могла порадовать себя обновкой. Предки, говорила она, не в духе, а тут джинсы! Им же платить...

– Ну так уйдут штаны! – в сердцах выкрикнул «жених». Размахивая руками, как мельница, толстяк орал в немую телефонную трубку достаточно громко, чтобы стоявшие рядом тезки могли его хорошо слышать через приоткрытую дверь будки.

– Три, три пары на выбор, и все твоего размера! Другого такого случая не будет! Райфл летний, чуть тертый, всего за восемь-ноль!

Эти его слова, видимо, сломили сопротивление девушки, потому что толстяк подмигнул питерцу и, уперев растопыренную ладонь в стекло будки, часто тряся головой, заговорил:

– Ну я всегда знал, что ты умница, жди, через минут двадцать будем.

Четырнадцатиэтажная «башня», в которой жила Рита, находилась всего в нескольких трамвайных остановках. Всю недолгую дорогу «Слава», не умолкая, жаловался то одному, то второму Витьку на бабью глупость и вредность Ритиных предков.

– Ах ты, блин! – выругался он, когда все трое подошли к подъезду. – Она мне сказала, что лифт не пашет! Твою мать!

– А какой этаж-то? – со страхом спросил ленинградец, которого вовсе не влекла перспективочка проделывать пешком весь путь до конца. При его везучести вполне могло оказаться так, что квартира, где живет покупательница, находится именно на последнем этаже.

– Седьмой, квартира тридцать девять, – недовольно пробурчал «Слава». – Пехом придется...

С этими словами он распахнул дверь на маршевую лестницу, жестом швейцара пригласил обоих Викторов подниматься вверх, а сам, двинувшись было вслед, остановился и, подняв палец, весь обратился в слух. Постояв так несколько секунд, он покачал головой и сказал:

– Показалось, что лифт едет, подумал – починили.

Они быстро достигли площадки между шестым и седьмым этажами, запыхавшийся толстяк, немного помявшись, попросил доверить ему сумку с «трузерами», так как привести сейчас чужого человека в Риткин дом – это верный способ испортить все дело.

Ленинградец без тени сомнения протянул толстяку сумку, тот, принимая ее, в пятый или шестой уже раз напомнил, что Рита живет на седьмом этаже в тридцать девятой квартире и, ругая на чем свет стоит работников лифторемонтной службы, побрел наверх. Взявшись за ручку двери, «Слава», слегка отдышавшись, сказал:

– Минут десять–пятнадцать подождать придется, пока примерит, пока предков уговорит. Хорошо?

– Ладно, ладно, – согласился питерский гость, проводив взглядом «благодетеля» вместе с навсегда уплывавшими джинсами.

Вику даже было жаль тезку. Ведь видно, что не жлоб и цену не ломил. И все же... it's just business[7], выражаясь по-русски, «мал-мал пить есть надо».

Прошло уже полчаса, потом час... «Слава» не появлялся. Тридцать девятая квартира точно размещалась на седьмом этаже, и люди в ней жили. Только одно несколько огорчило пустившихся на поиски пропавшего Ритиного «жениха» Витьков – никто ни о какой Рите, а уж особенно о ее очень толстом приятеле-Славе и слыхом не слыхивал.

Положение осложнялось еще и тем, что вчерашний длинноволосый собутыльник ленинградца, как выяснилось, адреса «Славы» не знал, но зато дал телефон. Это был настоящий, не выдуманный номер, действительно принадлежавший отцу Славы, только не мифического, временно сотворившегося из Димы, а вполне реального.

Слава этот оказывался вечно во что-нибудь впутан, поэтому панически боялся сам открывать дверь и подходить к телефону. Это почти всегда делал его отец, полковник КГБ в отставке. Если у кого-то хватало наглости слишком настойчиво добиваться общения с его сыном, он, заводясь с пол-оборота, грозил упрятать настырного невежу в самое «высокое» место в городе, из которого отчетливо просматривается Колыма. Место это располагалось в подвале здания, занимаемого как раз той самой организацией, службе в которой и посвятил всю свою безупречную жизнь Славин папа, тоже

---

[7] Дело – есть дело. (англ.).

Вячеслав, по отчеству Петрович, по фамилии Громов. Такая вот получалась история...

– Ну и хрен ли? – спросил Вик, выводя Диму из состояния глубокой задумчивости. – До ночи, что ли, будем тут жариться?

Нельзя было не признать, что напарник абсолютно прав. Несмотря на то, что уже наступил вечер, солнце стояло еще довольно высоко, сильно припекая. Не спасала и близость реки. Эта проклятая жара невыносимо донимала толстяка, но он немного даже удивился, когда услышал, что и компаньон, оказывается, тоже вовсе не в восторге от ослепительно раскаленного подсолнуха, висевшего над блестящей металлической гладью реки.

– А сколько сейчас? – спросил Дима, не доверяя старенькой, мать говорила дедовой еще, «Победе».

– Почти уже семь, – коротко бросил Вик. Спешить ему было некуда, в кармане ни гроша, даже на курево и автобус, чтобы доехать к Светке, и то нет. Злился он не оттого, что теряет время, времени у него как раз девать некуда, добраться «домой» и трахнуть лишний раз Светку он всегда успеет. И не из-за солнца, лучам которого Вик подставил шоколадного цвета торс, просто его раздражала эта тупая ватная неопределенность.

– Подождем до семи? – предложил Дима. – Да пойдем...

Он хотел еще что-то добавить, что в этот момент снизу, из потонувшего в буйной зелени городского парка, раздался громкий сочный звук гитарного аккорда. Едва успел он, переливаясь всеми оттенками электрической палитры, дрожа и замирая, расстаять в кронах деревьев, как опытная рука гитариста ухватила струну почти у самой шейки грифа между рогами блиставшей лаком тонкой сплошной деки. Загрубевший от многолетнего общения с безжалостной проволокой струн палец подцепил ее и устремился вверх. Гитарист не сразу, а медленно, словно бы нехотя, опустил палец обратно, заставляя струну трепетать и вибрировать. Он проделывал это довольно долго, поднимая и опуская пальцы на разную высоту, словно выбирая наиболее красивое созвучие. Отпустив струну, давая звуку совсем умолкнуть, он выдержал довольно длинную паузу, точно совсем раздумал играть дальше.

Дима открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут пальцы музыканта, стоявшего на дощатой сцене летней эстрады перед огороженным высоким забором загоном танцплощадки, стремительно помчались по грифу в направлении колков, и гитара разразилась сокрушительной лавиной звуков, словно огромная стая вспугнутых птиц поднялась с ветвей деревьев, тревожно гомоня и хлопая сотнями крыльев.

Соло оборвалось так же неожиданно, как и началось, но спустя несколько секунд гитара зазвучала вновь, хотя уже гораздо тише и спокойнее.

– Как копает, а?! Как копает, Вить?! – с восторгом и завистью, хотя сам на гитаре никогда и не играл, сказал Дима. – Просто Блэкмор!

Это невольное, но вполне искреннее Димино высказывание произвело на напарника совершенно неожиданное действие.

– Это Фанфурик-то Блэкмор?! – скривился он в притворном удивлении. – До сраного кабака не дотянул твой Блэкмор, вот тут перед коблами и изголяется...

– А что он может? – продолжал защищать свою точку зрения толстяк. Ему было решительно непонятно, отчего так взвился товарищ. – У них все строго по программе, знаешь ведь, не жалуют у нас фирму, играть-то он горазд, сам слышишь, да нельзя...

Дима споткнулся, думая, как лучше закончить фразу, но Вик усмехнулся как-то даже торжествующе и бросил с презрением:

– Ему? Ему точно нельзя!

В следующий момент он вдруг совершенно внезапно оттолкнулся ногой от бордюра, одним прыжком перемахнул на другую его сторону и вприпрыжку помчался по зеленой траве круто уходившего вниз склона.

Дима поднялся со скамейки и озадаченно посмотрел вниз. Его напарник добежал уже до пролегавшей вдоль холма отлогой лестницы. И машинально дернувшийся было вслед толстяк остановился, крикнув:

– Ты куда, Вить?

На секунду обернувшийся к Диме приятель послал ему воздушный поцелуй и, уже не оглядываясь, а только помахав в ответ на напоминание не опоздать завтра на «стрелку», быстро миновал лестницу и двинулся вдоль проспекта мимо пивзавода, на ходу натянув рубашку и завязав ее полы узлом.

Вик и сам не мог сказать, почему его так взбесила восторженная Димина реакция на гитарные «испражнения» бывшего приятеля и лид-гитариста их школьного бэнда Лешки Пузырева, больше известного под «партийной кличкой» Фанфурик. В какой-то момент Вик вдруг подумал, что просто злится из-за ситуации, в которую попал, и никакой Фанфурик здесь, конечно, ни при чем. А уж если вести речь о Лешке, то следует признать, что Димкина реакция на его игру вполне обоснованна. Музыкант он действительно великолепный. Беда же заключалась в том, что играть то, что ему хотелось, гитарист не мог. Кончится разминка, разыграет он свои виртуозные пальчики, а потом... Соберется полупьяная толпа убогих и умом и душою людишек и, сгрудившись бестолковыми кучками, примется плясать, корчась в нелепых пародийных выкрутасах. Блэкмор! Да старина Ритчи удавился бы, если бы его воткнули сюда на место Лешки, так старательно копирующего и стиль и технику игры своего заморского кумира. Кстати, в подражании этом не было, по мнению Вика, ничего стыдного. Ритчи Блэкмор ведь тоже, когда начинал, старал-

ся играть как Джими Хэндрикс, а получилось нечто свое... Хорошенькое нечто – супергруппа «Дип Перпл»?..

«А куда бы он делся? – Вик представил себе фантастическую ситуацию – обмен Блэкмора на Фанфурика. – Играл бы для бабаечников, как миленький, или бы гнил в кабаке. Там хоть бабки... А Гиллан пел бы про партию, которая наш рулевой!»

Вик представил себе всех этих супертрупперов поющими и играющими песни – «музыка Пахмутовой на стихи Добронравова». Вик понятия не имел, кто были эти люди, просто сочетание фамилий, услышанное по радио или по телевизору, как говорится, привязалось. Вообразить такое казалось просто невозможным, как невозможно было представить покойного Джима, лижущим задницу какому-нибудь рос- или москонцертовскому начальнику. Полно, ему даже в Америке было душно.

«Нет, – сам себе твердо сказал Вик, – просто есть люди, обреченные быть рабами, где бы они ни жили и какое бы положение ни занимали. Они добровольно натягивают ярмо себе на шею... Домашнему животному живется куда как легче, чем дикому зверю... Хомут натирает шею, люди скулят и жалуются на жизнь. Напиваются до охренения – может, чтобы почувствовать себя вольными? А когда трезвеют... Им не остается ничего, как только, сделав хорошую мину при плохой игре, убеждать себя и окружающих в том, что они неплохо устроились: крыша над головой и кусок хлеба есть... У скотины в хлеву тоже все это есть – и крыша, и жвачка! Раб всегда раб... А человек, черт возьми, человек может делать все, что он хочет, помня и спокойно относясь к тому, что в любую секунду ему придется расплатиться за это собственной жизнью...»

Он так и не успел додумать эту мысль до конца: совсем рядом скрипнули тормоза. Вик повернул голову и увидел остановившуюся возле него машину.

– Эй, Вико! – приветствовал его водитель из открытого окна правой дверцы. Акцент его невозможно было спутать ни с чем. – Я сматру – ти, нэ ти?.. Куда путь дэржишь? Патчэму пэшком? Патчэму грустный?

– Привет, Вано, – ответил «грустный Вико».

– Куда ехат надо? Садысь, падвэзу.

– Да мне... Я...

– Садысь, дарагой, садысь! – уговаривал Вика Вано. Тот распахнул приоткрытую грузином дверку машины и нырнул в салон, обмениваясь с водителем крепким рукопожатием.

– Мне на Пролетарку, Вано, на Советскую. Ты сам-то куда едешь? Не по пути?

– Патчэму нэ папути? Вах! – не согласился грузин, отчаянно жестикулируя. Он тронул машину. – Я на дача еду, на Паляну...

– Ну вот, я же говорю, что не по пути. Тебе на Солнечную поляну, значит, ты сейчас по Новодачной пойдешь, а мне по Московской

раз подтверждается историей возникновения «Макарены». Вот как выглядит она в интерпретации авторов – Рафаэля Руиса и Антонио Ромеро. Исполнители народных песен из небольшого городка в южной провинции Севилья создали дуэт «Лос дель Рио» много лет назад. В марте 1993 года они гастролировали в Венесуэле и зашли в один отель в Каракасе. Их привлекла красочная афиша: выступала венесуэльская танцовщица Диана Патрисия Кубильяни. Друзья уселись за столик и стали смотреть ее выступление. 23-летняя Диана танцевала с таким упоением, с таким азартом и темпераментом, что испанцы были покорены. Антонио невольно стал прихлопывать в ладоши в такт танцу и припевать: «Вдохни в меня веселье, Магдалена, ты создана, чтоб приносить радость и веселье, Магдалена, дай мне веселье, Магдалена...»

Почему Магдалена? В Латинской Америке была тогда популярна песенка о Магдалене, которую исполнял мексиканец Эммануэль. Она, что называется, была на слуху, распевали ее и в венесуэльской столице. Первая придуманная за столиком строчка потянула за собой другую, третью, пятую. Возникло нечто вроде сюжета, привязанного к Испании: рассказ о девушке из южного городка Марбелья. Она любит своего жениха Викторино. Но сейчас его с нею нет. Он то ли в армии, то ли куда-то уехал. Никто не может заменить возлюбленного, и девушка танцует в одиночестве, движениями рук, всего тела выражая охватившую ее тоску, которая сменяется надеждой и, наконец, переходит в радость. Причем первая строка, родившаяся за столиком в каракасском отеле, может повторяться до бесконечности.

Левая рука за голову | Правая рука на ягодицы | Левая рука на ягодицы | Покачать бедрами три раза | Прыжок с поворотом в левую сторону

Начать все заново.

Когда стало ясно, что родилась новая песня, ей дали название «Макарена» по имени одной из дочерей Антонио. Подстать нехитрому тексту была и непритязательная мелодия, напоминающая так называемое легкое фламенко. Кстати, сейчас есть минимум шесть музыкальных версий «Макарены» и готовится еще несколько. Авторы хита, выпуская их, исходят из национальных особенностей, ритмов страны, где он исполняется, и приспосабливают под них свое детище.

Текст же практически не меняется, хотя порой разные исполнители вносят поправки на свой вкус. Да, собственно говоря, «Макарена» давно уже не воспринимается как песня. Теперь это танец. Навязчивый вкрадчивый ритм очаровывает и буквально заставляет двигаться. Работают не только ноги и тело, но и руки, что, пожалуй, самое главное. Можно вытягивать их перед собой, переворачивая ладони, поднимать одну за другой, обхватывать себя за плечи, бедра, пояс, закидывать за голову. И так далее. Всего пятнадцать простейших движений. Но как утверждают знатоки, следовать ритму вовсе не обязательно, и движения рук могут быть произвольными.

В отличие от ламбады танцующий «Макарену» не нуждается в партнере. Любой, кто в состоянии передвигать ноги, менять положение корпуса и манипулировать руками, может исполнять танец в одиночестве.

Впервые «Макарена» была исполнена летом 1993 года. Сейчас трудно сказать, было ли это случайным совпадением, но дуэт «Лос дель Рио» выступил с ней в... Макарене. Это квартал в Севилье, городе, который был родиной своенравной Кармен и любвеобильного Дон-Жуана.

Замечу, что сейчас, три года спустя, в местном муниципалитете намерены воздать должное Антонио Ромеро и Рафаэлю Руису, прославившим их «малую родину», и как-то увековечить авторов и их произведение. Правда, муниципальные власти пока не решили, каким образом это следует сделать. Но если намерение будет реализовано, то «Макарена» станет первой песенкой, которая удостоится подобной чести. В свою очередь, министр труда и социального обеспечения Хавьер Аренас, кстати, родом из Севильи, вполне серьезно рассматривает идею о награждении авторов медалью «За трудовые заслуги».

Первое исполнение, как это ни парадоксально, не оставило особого следа. И вдруг произошел ничем не объяснимый всплеск мистической популярности «Макарены». Буквально через пару месяцев после премьеры песни испанцы стали петь и танцевать с такой неистовой яростью и жадностью, словно стремились наверстать упущенное. Сначала на пляжах Андалусии, в той же Марбелье, потом в Малаге, Фуэнхироле... А после сезона отпусков она за несколько недель распространилась по всей Испании.

В Мадриде и Гвадалахаре, Бильбао и Валенсии стали создаваться специальные курсы и даже школы «Макарены». Скажем, ей был отдан один из престижных столичных залов аэробики. В городке Санта-Коломаде-Граменет, пригороде Барселоны, состоялся фестиваль произведений Антонио Ромеро и Рафаэля Руиса. Гвоздь – «Макарена». Одновременно 400 тысяч (четыреста тысяч!) человек четыре с лишним минуты исполняли этот танец. Так был покрыт рекорд, установленный в Рио-де-Жанейро, когда «Макарену» танцевали «всего лишь» 120 тысяч. И, наконец, Монсеррат Кабалье, великая и непревзойденная меццо-сопрано, примадонна оперы, изъявила желание записать вместе с «Лос дель Рио» компакт. Предполагается, что этот проект вот-вот осуществится. За свою творческую карьеру Кабалье из всех рок- и поп-музыкантов записывалась только с Фредди Меркьюри. Помните «Барселону»? Бэрселона!!!

Над феноменом «Макарены» стали задумываться и многие деятели искусства. По мнению известного кинорежиссера Хайме да Арминьяна, феномен свидетельствует о том, что большинство людей стремится к простоте. «В наше непростое и к тому же постоянно усложняющееся время люди устали от

проблем. Им все больше хочется хотя бы на мгновение забыться, отвлечься от повседневных забот. Быть может, «Макарена» в этом помогает?» Писатель Фернандо Саватер смотрит на феномен под другим углом зрения. «Успех в общем-то обычного хита, – считает он, – говорит лишь о том, что у десятков миллионов людей, где бы они ни жили, одинаковые вкусы и пристрастия. «Макарена» их удовлетворяет».

Удивлены и даже поражены успехом своей песенки и сами «Лос дель Рио». Я был на пресс-конференции, где Антонио Ромеро искренне удивлялся, что их песня-танец снискала такую популярность. «Вы нас спрашиваете, в чем секрет «Макарены»? Я думаю, вопрос следует адресовать тем, кто ее поет и танцует. Что касается нас самих, мы не можем ответить. Скажу лишь, что «Макарена», на наш взгляд, практически не отличается от других наших песен. Но, может, есть в ней нечто необычное и даже магическое, что выделило ее среди других произведений, сделало международным хитом. Возможно, это связано с тем, что она создает веселое настроение. Этого так не хватает всем нам. А возможно, и с чем-то другим. Мы не знаем. То, что произошло, для нас просто чудо. Но главное не это. Главное то, что неизвестный испанский дуэт заставил танцевать весь мир и прославил Испанию».

Антонио Ромеро и Рафаэль Руис родом из городка Дос-Эрманас, в нескольких километрах от Севильи. 33 года назад они создали «Лос дель Рио». Долгие годы их слава не выходила за пределы Андалусии. Антонио Ромеро вспоминает, что в начале артистической карьеры они выступали, получая за песню около ста песет (меньше доллара). Сейчас же на них обрушились слава и богатство. Но, как они сами уверяют, неожиданно свалившиеся миллионы не вскружили им головы. И Антонио, и Рафаэль со своими семьями по-прежнему живут в Дос-Эрманас и не собираются его покидать. Живут в том же доме, где поселились десять лет назад. У них те же друзья, те же пристрастия, те же привычки. Единственное, что хотел бы поменять Антонио, так это машину, которой уже четыре года. В принципе, сейчас он может менять машины ежедневно.

Они все время в разъездах: в этом году побывали в более чем двух десятках стран. Предстоят новые гастроли: Греция, Румыния, Швейцария, Япония. Возможно, посетит дуэт и Россию.

Илья ЦЫМБАЛАРЬ: «ФУТБОЛ – ЭТО РАБОТА, КОТОРАЯ МНЕ НРАВИТСЯ».

Конечно, свою «визитную карточку» футболист предъявляет на поле. Но вот что сказал мне об игроке московского «Спартака» и сборной России пресс-атташе «Спартака» же и сборной Леонид Трахтенберг: «Илья очень симпатичный парень, истинный одессит и, по-моему, это тот редкий случай, когда о человеке можно судить по тому, как он играет. Вот какой он на поле, такой же и в жизни: веселый, жизнерадостный, в хорошем смысле, непредсказуемый и очень надежный». Думаем, читателям «Мы» будет интересно пообщаться с ним.

– Илья, футбол тебя кормит. Так что же он для тебя: работа или игра? Ты выходишь на поле «пахать» или получать удовольствие?

– Наверное, прежде всего для меня футбол это жизнь. И, конечно, работа. Но работа, которая мне нравится. На поле тяжело, но я получаю удовлетворение и удовольствие.

– Ты помнишь, когда впервые ударил по мячу?

– Ой, даже и не вспомню. Давно это было. Точно, еще до школы. Ну, наверное, мне было лет пять.

– И где же это было?

– Во дворе. Я родился в Одессе, где мальчишки всегда гоняли мяч. А жили мы у парка Шевченко, около стадиона, так

что нам сам Бог велел. Собиралась компания с улицы, разбивались на команды и играли.

– Ну, а что было потом? Расскажи вкратце свою футбольную биографию.

– У нас на Центральном стадионе 6-летних ребят записывали в футбольную секцию. Ну, я пошел туда и стал заниматься. А когда учился в первом классе, то стали отбирать ребят в школу олимпийского резерва. И меня отобрали тоже. Затем была республиканская футбольная школа в Киеве. Там я жил в спортивном интернате. А после окончания ее я по распределению попал опять в Одессу. Не только по распределению, конечно, но и по моему желанию. Полгода играл за дубль «Черноморца». А потом он вылетел в первую лигу. И в это время мне как раз пришел срок идти в армию. Хотелось, естественно, не расставаться со спортом, но в «Черноморце» сказали, что с армией помочь не смогут. Чтобы решить этот вопрос, я перешел в одесское «Динамо», которое обещало определить меня в спортроту. Короче, я прослужил два года в одесском СКА, а потом вернулся в свой «Черноморец». Было это в 1989 году. А зимой 93-го перешел в «Спартак».

– А как это получилось?

– У нас с Юрой Никифоровым как раз заканчивался с «Черноморцем» контракт. А в это время в Одессу приехал Александр Федорович Тарханов. Он и сказал, что нас хотели бы видеть в «Спартаке». И мы с Юрой, не сговариваясь, дали согласие, решив, что стоит попробовать себя там. Все-таки «Спартак» это фирма. Не только для нас, а и для всех.

– Как отнеслись в детстве родители к твоему увлечению футболом?

– Отец у меня умер, когда мне было десять лет. И нас со старшей сестрой воспитывала мама. Когда я начинал заниматься футболом, скажу откровенно, учеба в школе немножко сбилась. И мама это, естественно, очень переживала и ругала меня, считая, что я стал хуже учиться из-за футбола. Но когда уже начались более серьезные дела, я уехал в Киев, тогда она уже примирилась с тем, что я стану футболистом, только хотела, чтобы я стал игроком настоящим. Сестра к футболу относится нормально.

– А почему ты решил играть в футбол, а, допустим, не заниматься фехтованием или плаванием?

– Даже не знаю. Само так получилось. Просто футбол мне нравился с детства, ничем другим я не занимался.

– А когда ты был пацаном, среди сверстников выделялся?

– Наверное. У меня всегда хорошо получалась обводка. Любил я водиться и играл в нападении. Это только в СКА я перешел в полузащиту. Но сейчас ведь и полузащитники идут в нападение и забивают.

– Когда ты смотришь на свою игру со стороны, в записи, она тебе нравится? Ты видишь свои промахи, недостатки?

– В принципе нравится, хотя, конечно, не мне судить. А недостатки я свои очень хорошо вижу. Но они ведь у каждого есть. Глядишь и думаешь – вот в следующий раз надо сыграть по-другому. Но тем и хорош футбол, что каждый следующий раз не похож на предыдущий. Игра!

– Ты постоянно думаешь о футболе? Тебе футбол не снится?

– Бывает иногда. Особенно перед серьезными играми, когда пытаешься настроить себя. А вообще-то мне сны снятся разные, но я их особенно не запоминаю. В жизни приходится думать не только о футболе. Как у всех людей, есть семейные проблемы, житейские, так что приходится думать о них не во сне, а наяву. Если бы проблемы были только во сне, было бы легче.

– Семья-то большая?

– Жена, Ира, и двое мальчишек, Алик и Сережа. Одному – шесть лет, а другому – семь.

– Пока, значит, сыновей двое, а дочку не хочется?

– Там видно будет. А дочку всем отцам хочется, наверное.

– Бытовые вопросы у тебя решены?

– Квартиру я получил месяца через три после приезда в Москву. Хорошая квартира, трехкомнатная, на Кутузовском проспекте. Домашние проблемы на плечах жены. Она сейчас не работает, занимается домом и ребятами. Я только отвожу-привожу, а уж делает все Ира. На базар едет со мной, выбирает, что там надо. Она готовит очень хорошо, в этом смысле мне просто повезло. Все так вкусно!

– А какое твое любимое блюдо?

– Все любимые, которые вкусные. Но больше всего мне нравятся вареные раки. Иногда бывает, что и с пивом.

– А вообще-то позволяешь себе принять?

– Бывает, когда после тяжелой игры нужна разрядка...

– А у тебя есть какой-нибудь талисман?

– У меня нет ни талисмана, ни каких-то примет перед игрой. Хотя у ребят есть. Я вообще к суевериям отношусь спокойно. Если кошка перебежит дорогу, я не останавливаюсь. Просто плюну три раза через левое плечо и иду себе дальше.

– Тебя в Одессу тянет?

– Очень! Я люблю Одессу, да, как, наверное, все одесситы.

– Как относишься к тому, что Одесса теперь заграница? Ты гражданин России или Украины? Украинский язык знаешь?

– В принципе, я переживаю эту ситуацию, хотя думаю, что все-таки не такая уж это и заграница. По паспорту я гражданин России, а украинский язык знаю. В школе его учил и экзамены в институте сдавал на украинском.

– Это где же?

– Так в Одессе же. Я в том году кончил педагогический институт, факультет физвоспитания. Там мы начали учиться, когда переехали в Москву, осталось два года, решили не переводиться.

– Трудно было учиться в институте?

– Да нет. Мы ведь учились на заочном. Экзамены и зачеты приезжали сдавать, когда было время. Нас никто не подгонял, не торопил. Учился я нормально, но диплом у меня не красный. Чтобы были все пятерки, надо было иметь много времени для занятий. А откуда оно у играющих футболистов?

– Какую ты себе выбрал дорогу после окончания футбольной карьеры?

– Наверное, тренерскую. Все-таки я кончил институт педагогический. Да потом, в принципе, я кроме футбола и делать ничего не могу. Я думаю, чтобы чего-то достичь в каждой профессии, надо прежде всего талант, потом учение и трудолюбие. Только все это и сможет привести к заметным результатам.

– Много спортсменов после ухода из активного спорта идут в криминальные структуры. Ты можешь объяснить, почему они это делают?

– Не знаю. Наверное, жизнь заставила. Что я о них могу сказать? Это их дело.

– У тебя в жизни не было криминальных моментов? Никто на тебя не наезжал?

– Знаю случаи, когда на ребят наезжали. Но мне повезло, к счастью, у меня такого не было.

– Раз уж мы коснулись криминальных случаев. Вот последняя история с киевским «Динамо», которое вылетело из Лиги чемпионов за подкуп судьи. Какое твое мнение об этой ситуации?

– Мне трудно разобраться, кто там прав, кто виноват. Для этого надо глубоко войти в суть дела. Я могу сказать свою точку зрения, как футболист. Лига чемпионов – это, конечно, очень престижные сорев-

нования, и попасть туда большая честь и для команды, и для игроков. И очень обидно за ребят, которые выскочили из этих игр совсем не по своей вине. Ведь они же не занимаются приемом судей. Занимается администрация, а погорели футболисты.

– Не единым футболом жив человек. Чем ты еще жив? Какое у тебя хобби? Что ты читаешь, какое кино любишь смотреть, ходишь ли на танцы?

– Из газет читаю в основном спортивные. Из книг люблю детективы. Вот прочитал серию книг Эдуарда Тополя. Последнюю «Журналист для Брежнева». Он здорово пишет, захватывающе. А фильмы... Мне нравятся наши старые веселые картины – «Бриллиантовая рука», «Джентльмены удачи». А Леонова считаю великим артистом. Никулина люблю и вообще их тройку: Вицина, Моргунова. Насчет танцев... Забыл уж, когда и танцевал. С двумя детьми на дискотеки не походишь.

– А рок-группы тебе нравятся?

– Поп-музыка лучше. Раньше нравилась Пугачева, а сейчас Аллегрова.

– Твоя фамилия происходит, наверное, от музыкального инструмента – цимбалы. Цымбаларь – это ведь человек, играющий на цимбалах, да? А ты на чем-нибудь играешь?

– Нет, ни на чем я не играю. Даже на гитаре. Раньше, бывало, сидишь в компании и тем, кто на гитаре играет, завидуешь. А сейчас уже и не завидую даже. Песни иногда пою. Высоцкого люблю. У него все песни хорошие. Только их надо слушать, а не петь за столом.

– Тебе нравится быть знаменитым, когда тебя узнают, твои портреты на открытках, календарях, автографы просят?

– Я к этому отношусь спокойно, но, конечно же, приятно, что есть такие календарики и фотографии. Будет что детям показать.

– А сыновья знают, что папа знаменитый футболист?

– Знают и говорят об этом. Они уже и сами мяч гоняют. Когда приезжают ко мне в Тарасовку, где мы на сборах, и у нас вечером тренировки, то и пацаны идут с нами вместе. В этом году был такой чемпионат, что мы много времени на базе проводили. Конечно, это трудно, когда семья отдельно от тебя, в городе. И Ире там одной тяжело, да и мне.

– У тебя друзья только футболисты? Ты поддерживаешь отношения с друзьями детства?

– Почему только футболисты? Не обязательно. Когда при-

езжаю в Одессу, встречаюсь с ребятами. Они занимаются кто чем, но многие стали моряками, ходят в плавание. Одесса все-таки.

– А есть друзья, играющие в других командах?

– Конечно. С нами в Одессе играл Зубков, он сейчас в КамАЗе, Гецко в Нижнем Новгороде. Но если мы встречаемся на поле, то там нету друзей, там только спортивные противники. Так что на это не смотришь. А уж после игры мы встречаемся как друзья. И поговорить нам есть о чем.

– Ты жесткий футболист? Если, допустим, тебя защитник ударит «в кость», ты что сделаешь?

– Я вообще-то футболист мягкий. А защитника постараюсь наказать или голом, или обыграть его красиво. Но бить не буду.

– Есть такое выражение: «поле ровное, мяч круглый». То есть шансы у всех равны и неизвестно, что может случиться. Но вот, допустим, вы проиграли. Ты кого в этом винишь: себя, ребят, судью или поле?

– Я самокритичный человек и в первую очередь виню себя, признаю свои ошибки и никогда не обижаюсь на критику. Бывает, конечно, что на поле мы кричим друг на друга. Но это просто от азарта игры, а после все забывается и остаются нормальные отношения между нами. Это чисто профессиональные эмоции.

– Тебе нравится играть в европейских чемпионатах, ездить по всяким странам? Какая страна тебе понравилась больше всего?

– Конечно же, это и престижно, и интересно. А больше всего мне понравилась Америка, потому что американцы больше всех похожи на наших.

– Ты не хотел бы жить в другой стране? Играть там?

– Играть бы хотел. Но жить нет. Поиграл бы и вернулся. Думаю, что для меня больше подошла бы Испания. И футбол у них сильный и сама страна интересная.

– Ты кому-нибудь завидуешь? На кого-нибудь хочешь быть похожим?

– Нет. Никому. А зачем на кого-то быть похожим? Надо быть самим собой.

– С кем из великих людей ты хотел бы познакомиться? С Бельмондо, например, или с Аленом Делоном?

– Конечно же, интересно пообщаться с известными людьми, но если бы надо было выбирать, я бы выбрал великих футболистов. Марадону, например.

– А с кем из больших игроков ты встречался на поле?

– Я играл с Ромарио, со Стоичковым. Он очень здорово играет, не зря же его признали лучшим игроком. Правда, непосредственно мы друг против друга не играли, поскольку играем на различных позициях.

– В какой бы ты предпочел играть команде: сборной СССР или сборной России?

– Наверное, в сборной СССР. Это была бы интересная команда. Много раз уж говорили, что разделение республик пошло не на пользу футболу. Раньше и чемпионат был куда интереснее. И в сборную попасть было труднее и почетнее, потому что претендентов было много, со всей страны. Но я думаю, что и сборная России сейчас в очень приличной форме. И в нее тоже попасть нелегко. Просто так в сборную России не возьмут.

– Ты сколько матчей сыграл за сборную?

– Знаете, я как-то и не считал. Я даже забитые голы не считаю. Не потому, что я к этому безразличен, но в каждой программке есть такая статистика, всегда можно посмотреть. За нас статистику ведут. Там даже написаны мои параметры. 26 лет, рост – 176, вес – 73,5. Если кто из болельщиков интересуется – всегда пожалуйста.

– Какой твой самый счастливый день в жизни?

– Самый... Их много, наверное... Это прежде всего свадьба и рождение сыновей. И счастливые дни были, когда мы становились чемпионами.

– О чем ты мечтаешь?

– Если как футболист, то, конечно, достигнуть самых почетных вершин: стать чемпионом мира или Европы. Такую мечту, наверное, каждый футболист имеет. А так, по жизни, чтобы дети выросли здоровыми и счастливыми.

– Пожелай на прощание что-нибудь своим болельщикам, нашим читателям.

– Желаю главного – здоровья! А болельщики пусть приходят на стадион и по-хорошему болеют за наш «Спартак» и за наш футбол.

На этом можно было бы и закончить, но хочется привести слова, сказанные многоопытным тренером Олегом Ивановичем Романцевым: «Илья Цымбаларь как футболист обладает уникальными данными, ему многое дано от природы. Такая левая нога, как у него, такая стартовая скорость и такой резкий тормоз вряд ли есть еще у кого из российских футболистов. И кроме того он просто хороший парень и замечательный семьянин».

Наверное же, тренер знает, что говорит.

Беседовал
Григорий ПРУСЛИН

ГНУСНЫЙ БИЗНЕС

БЕЛЬГИЙСКИЙ КОШМАР

Летиция Дельез шла домой из городского плавательного бассейна в Бертриксе, когда рядом с ней остановился белый автофургон. Никто не видел, как эта 14-летняя девочка вошла в него. Но одному жителю этого маленького бельгийского городка незнакомый автомобиль, который кружил по улицам вечером 9 августа, показался подозрительным, и он записал его номер, а потом сообщил полиции. Возможно, этим он спас Летиции жизнь. По номеру автомобиля полиция вышла на Марка Дютру, ранее судимого сорокалетнего педофила. Обыск его полуразвалившегося дома в Марсинелле (рядом с французской границей) полиции ничего не дал. Однако после двух дней допросов этот безработный электрик начал давать показания. «Я верну вам двух девочек», – сказал он. Дома он отодвинул в сторону металлический шкаф и показал на дверь, которая вела в подвальное помещение, где он держал Летицию и 12-летнюю Сабину Дарденн. Эта девочка исчезла три месяца назад, уехав покататься на велосипеде. Обе были изнасилованы. Полиция также обнаружила здесь порнографические видеофильмы и фотоснимки. На многих из них был изображен сам Дютру с малолетними девочками.

Но это оказалось лишь началом кошмара. В деревенском доме, принадлежащем Дютру, преступник показал полиции тела Мелиссы Руссо и Жюли Лежен, двух восьмилетних подружек, исчезнувших в июне 1995 года. Девочки играли у своего дома, были похищены там же и посажены под замок в потайном подвале Дютру, в котором были топчаны и несколько потрепанных детских книжек. Дютру насиловал девочек, и этот ужас длился более восьми месяцев. А потом Дютру оказался в тюрьме за воровство, и его пленницы, запертые в подвале, умерли от голода.

Всеобщий гнев и скорбь выплеснулись далеко за пределы Бельгии. По мере того как становились достоянием гласности детали трагедии, родители во всех странах крепче прижимали к себе своих детей и опасливо поглядывали на соседей. Ибо если такое возможно в небольшом городке в

такой спокойной и благополучной стране, как Бельгия, то это вполне может произойти и в любом другом месте. И, увы, происходит...

В Стокгольме недавно прошел первый Всемирный конгресс против коммерческой сексуальной эксплуатации детей. Его задачей было обсудить проблему процветающего рынка торговли детьми. Торговал ли Дютру похищенными детьми, пока не ясно. Полиция занялась поисками в Чехии и Словакии двух девочек-подростков, которых, как признался Дютру, он похитил год назад. Бельгийская полиция арестовала еще пятерых человек, в том числе жену Дютру, агента по продаже недвижимости, и двух сообщников, которые, возможно, помогали Дютру в строительстве подземных камер под принадлежащими ему ветхими зданиями. По этому же уголовному делу голландской полицией задержан еще один человек. Расследуются его связи, простирающиеся в такие отдаленные места, как Южная Африка и Соединенные Штаты.

Детский секс превратился в доходный международный бизнес. Несмотря на все более возрастающее осознание общественностью опасности этой новой «индустрии», сексуальная эксплуатация детей повсеместно приобретает все более широкие масштабы. Доступность заграничных поездок, равно как и возросшее использование бытовых видеокамер и «Интернет», как никогда ранее облегчают взрослым дело сексуальной эксплуатации детей.

По данным расположенной в Бангкоке ассоциации под названием «Положить конец детской проституции в азиатском туризме» (английская аббревиатура ECPAT), мировой объем доходов от детской проституции достигает пяти миллиардов долларов. По примерным оценкам ЮНИСЕФ, в проституцию каждый год вовлекается (главным образом в Азии) не менее одного миллиона детей (в возрасте до 18 лет). В Таиланде 800 тысяч детей, занимающихся проституцией. Из Непала в Индию ежегодно завозится семь тысяч девочек. А в Шри-Ланке, по оценке ECPAT, из 30 тысяч лиц, занимающихся проституцией, две трети составляют мальчики, «обслуживающие» приморские курорты.

ОТ 8 ДО 13

И что самое тревожное – возраст вовлекаемых в проституцию детей продолжает снижаться. Владельцы южноафриканских борделей говорят, что еженедельно получают четырепять заказов на сексуальные услуги детей восьмилетнего возраста. В Анголе проституткам, которых называют «каторзиньяс» («четырнадцатилеточки»), зачастую не более одиннадцати лет. Исследование, проведенное в 1994 году торговой палатой

Боготы, показало, что число проституток от 8 до 13 лет в Колумбии с 1986 по 1993 год возросло на 500 процентов. Тенденция к омоложению проституции отчасти связана с верой в мифы, существующие в ряде культур. Так, например, индийские мужчины верят, что половое сношение с девственницей излечивает от болезней; некоторые африканцы считают, что оплодотворение дочери принесет семье богатство.

Однако большинство лиц, пользующихся услугами проституток, ищут все более молодых партнерш, ошибочно полагая, что от них меньше вероятности заразиться СПИДом. Фактически же из-за того, что детские ткани более нежные, они более подвержены повреждениям и, следовательно, более восприимчивы к инфекциям, передаваемым половым путем, в том числе к ВИЧ-инфекции. Согласно одному исследованию, проведенному в 1995 году, 33 процента малолетних проституток, освидетельствованных на ВИЧ-инфекцию, оказались зараженными.

Так что же это за люди, которые вступают в половые сношения с восьмилетними детьми? Марк Дютру, известный своим уголовным прошлым и садистскими наклонностями, является среди них безусловным исключением. В большинстве случаев это «обычные люди, как вы или я, – говорит Мари-Франс Ботт, бельгийская медицинская сестра, активистка кампании против детской проституции в Юго-Восточной Азии. – Это доктора, юристы, люди любых профессий». Это женатые мужчины, принадлежащие к среднему классу, «семейная жизнь которых со стороны выглядит вполне благопристойной», говорит Томас Каттау, руководитель детской политики Совета Европы в Страсбурге.

Лишь немногие из них – клинические педофилы, то есть взрослые люди, обуреваемые половым влечением к детям. Чаще всего это те, кто вообще постоянно прибегает к услугам проституток.

В ПОГАШЕНИЕ ДОЛГА ИЛИ ЗА ДЕШЕВУЮ ЗАЖИГАЛКУ

Ни один ребенок не встает на путь проституции по своей воле. Некоторые из них – это бездомные дети, бежавшие из неблагополучных семей. Других соблазняют подарками. «Бедных детей иностранные туристы завлекают дешевыми безделушками вроде ручек и зажигалок, – рассказывает Ишвар Гилада, генеральный секретарь некоммерческой Индийской организации здравоохранения. – Один доллар для бедного индийского ребенка – большие деньги».

Известно также, что некоторых детей продают собственные родители. Так, в деревне Акха, что на севере Таиланда, непо-

далеку от бирманской границы, некий торговец предложил недавно одному местному жителю телевизор, запросив за него 400 долларов. Когда тот посетовал, что у него нет такой суммы, коммивояжер сказал, что может ссудить ему 1600 долларов в обмен на его «очень хорошенькую маленькую дочку». Не прошло и нескольких минут, как хижину жителя Акхи украсил новый телевизор, а его тринадцатилетняя дочь отправилась в Бангкок в счет погашения долга. «Девочка знает, что окажется в борделе, даже если ей всего 12–13 лет, – говорит Сомпоп Джантрака, учредитель образовательной программы «Мае-Саи» и общественного центра для девочек, которым угрожает опасность быть проданными в проститутки. – Она уже давно знала, что ее продадут. Оставался единственный вопрос: куда? А когда ее увезут, она будет плакать, ее мать будет плакать и отец тоже».

Но почему же они в таком случае делают это? «Родители, поступающие таким образом, говорят, что их на это толкает бедность, – говорит Крисано Доминго, сотрудник приюта одной неправительственной организации в Маниле. – Для многих это единственный шанс приобрести электрический вентилятор или телевизор». В самом деле, некоторые специалисты утверждают, то в детской проституции повинен азиатский экономический бум, который провоцирует спрос на материальные ценности. Электричество появилось в таиландской Акхе всего десять лет назад, а сейчас рекламные плакаты в близлежащих городках предлагают аборигенам приобретать портативные радиотелефоны «Нокия» и заказывать номера в отелях с кабельным телевидением. Так что желание местных жителей обзавестись собственным телевизором легко понять. А их дети тем временем чахнут в борделях или на улицах. Многие страдают депрессией, алкоголизмом, становятся наркоманами. Некоторые девочки теряют способность к деторождению из-за неоднократных абортов и незалеченных венерических болезней.

Законодательство, направленное на борьбу с сексуальной эксплуатацией детей, преследует вполне благородные цели, но зачастую малоэффективно.

И все же некоторые успехи в задержании преступников наметились. В Индии, похоже, осужден первый иностранец. Это англичанин Фредди Пит, который на протяжении 17 лет содержал так называемый «сиротский приют» на индийском приморском курорте в Гоа. Он приговорен к пожизненному заключению за растление малолетних. Полицейские обнаружили у него на квартире 2500 порнографических фотоснимков, в том числе один, на котором изображена трехлетняя девочка. На Филиппинах, где

в 1992 году был принят закон, которым вводятся более суровые наказания за сексуальные преступления и запрещается пребывание несовершеннолетних в гостиничных номерах наедине со взрослыми, не являющимися их родственниками, недавно приговорен к 17 годам тюремного заключения второй преступник, 44-летний британский «секс-турист» Стивен Митчелл. Он надругался над двумя малолетними братьями.

Порой еще более эффективными средствами защиты детей оказываются меры неформального характера. Конец «секс-туризму» решили положить некоторые немецкие туристические агентства. Двенадцать фирм постановили исключить из своих списков гостиницы, известные как рассадники детской проституции, и пропагандировать закон, предусматривающий судебное преследование за преступления на почве половых отношений у себя на родине.

Но никто лучше не поймет проблем малолетних проституток, чем сами бывшие малолетние проститутки. Сесилии было 14 лет, когда она убежала из дома на Филиппинах. Вначале она нанялась на работу к изготовителю марионеток, который изнасиловал ее. Потом перебралась в Манилу, где жила на улице. «Когда меня начал мучить голод, я стала принимать клиентов», – рассказывает она. Сейчас Сесилии 16 лет, она живет в одном из манильских приютов. С ней поговорил юрист. Она снова посещает школу, надеется поступить в колледж и стать юристом. «Я хочу помочь другим детям, ставшим жертвами сексуальной эксплуатации», – говорит Сесилия.

БЕРЛИН, СТАНЦИЯ МЕТРО «ЗООПАРК»

Немецким любителям половых сношений с детьми не нужно лететь ни в Бангкок, ни в Манилу. Им даже нет необходимости совершать короткие поездки в Варшаву, Будапешт или Прагу. Достаточно добраться до центра Берлина. Дети, среди которых есть и тринадцатилетние, съезжаются сюда со всех концов Центральной и Восточной Европы. Некоторые бежали из бедных семей Румынии, Албании и Украины. Другие – от войны в Боснии. Девочки, как правило, кончают тем, что попадают в бордели или становятся уличными проститутками, тяготея к Ораниенштрассе в Восточном Берлине. Мальчики торгуют собой на станции метро «Зоопарк» или неподалеку от убогих баров, окруживших Нолендорфплац.

Паутиной детской проституции опутана вся Европа. Ее почти не замечают, если не считать отдельных вспышек общественного негодования и отвращения, как было в связи с трагедией, разыгравшейся недавно

в Бельгии. Специалисты указывают, что многие из наиболее страшных преступлений на почве секса происходят в бывших коммунистических странах. Повсеместная нищета и реакция на репрессивное правление привели к резкому скачку детской проституции. Большинство клиентов, главным образом мужчин, – это в первую очередь англичане, немцы, бельгийцы, голландцы и скандинавы. Порой их трудно отличить от обычных граждан, совершающих деловые поездки. «В большинстве своем они выглядят вполне респектабельно, – говорит уже упоминавшийся выше Томас Каттау. – Ни на каких других уголовников они не похожи».

Путешествуя по странам Восточной Европы, многие мужчины, прибегающие к услугам проституток, считают, что им обеспечена полная анонимность. В некоторых странах вместе с отменой «содомских» законов коммунистического периода отменили ненароком и запрет на половые сношения с несовершеннолетними. Другие страны погрязли в борьбе с преступностью, связанной с насилием. Время от времени за решетку попадает какой-нибудь педофил, но в основном это происходит в экстремальных случаях. В феврале, например, был приговорен к четырем с половиной годам тюремного заключения 52-летний немец. Он использовал чешских девочек для производства порнографических снимков, издавал и распространял порнографические журналы с фотографиями детей.

Шестисоткилометровый участок германо-чешской границы получил известность как «аллея детской проституции». «Практически на каждые два метра границы приходится по одной несовершеннолетней проститутке», говорит Томас Каттау. Марк Дютру, преступник и главное действующее лицо разразившегося в Бельгии скандала, по некоторым данным, часто посещал Чешскую Республику. Сама Прага пользуется печальной известностью средоточения «клубов», которые обслуживают любителей детского секса. Другим центром организованной торговли детским сексом является Будапешт. А в Варшаве пять тысяч детей-проституток, что примерно в два раза больше, чем в Берлине.

В странах региона начинают осознавать весь ужас сексуальной эксплуатации детей. Оперативную группу Интерпола по борьбе с преступлениями против детей пополнили представители Венгрии и Эстонии. Старший следователь по делам о растлении малолетних берлинской полиции Йорг-Михаэль Клес говорит, что теперь с его отделом тесно сотрудничают чешская и польская полиции. Но этим и ограничиваются возможности полиции. Она может «накрыть» отдельных эксплуататоров детского секса. Но у нее нет

средств на то, чтобы излечить массовые социальные недуги, которые породили такое чудовищное явление, как берлинская станция метро «Зоопарк».

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы решили опубликовать эту статью Сьюзан Гринберг из журнала «Ньюсуик» в ответ на письмо четырнадцатилетней Лены из одного подмосковного города. «У меня проблема с родителями, – пишет она. – Они ругают меня, если я прихожу домой поздно. И вообще стараются никуда не пускать меня одну...» Подобных писем довольно много. И в основном конфликты с родителями по одной и той же причине: не хотят, чтобы любимые юные дочери загуливались допоздна...

Конечно, в статье западной журналистки речь не о нас. Но ведь сейчас и у нас есть все (или почти все), что и там, только, подчас, еще хуже и в более уродливой форме. К примеру, в Подмосковье находится в розыске более трех тысяч человек, из них так и не установлена судьба 88 несовершеннолетних. Где они? А может, их постигла судьба их зарубежных сверстниц, о которых идет речь в статье. Как знать...

Недавно в Германии полиция накрыла притон, в котором трудились юные российские девы. Притон, естественно, подпольный, и мы очень сомневаемся, что все они оказались там по собственной воле. А вот несколько примеров из отечественной практики. Во время ликвидации одного наркопритона сотрудники МУРа встретили восьмилетнюю девочку-наркоманку. Девочка уже привыкла к тому, что ее используют в определенных целях. Она подошла к оперативникам и, задрав платье, затравленно спросила: «Вы как – так будете или мне лечь?»

Недавно сотрудники уголовного розыска в одной из квартир Москворечья наткнулись на «фабрику секса», в которой трудились малолетние проститутки. Основателем и держателем-распорядителем фабрики был 25-летний Сергей Смирнов. Делец (и его жена знала, на какие деньги они живут) раз в месяц ездил в глубинку России, сколачивал бригаду из 14–15-летних девочек и поставлял их вьетнамцам (он обслуживал только эту категорию эмигрантов). Работа была поставлена строго по графику, и распорядок дня и ночи нарушать было нельзя. За каждое нарушение девочки наказывались жестким штрафом. Через месяц Смирнов менял свою бригаду на новую, состоящую из таких же доверчивых и жаждущих приключений девчушек.

Не будем пугать наших юных читателей. Но реальность, увы, такова, что прежде чем что-то сделать, надо хорошенько подумать. И о том, кстати, с кем, когда и до какого времени гулять.

ИЩУ ДРУГА

Давно известно, что сказка сказывается долго, а дело делается быстро. Вот у нас и появился еще один повод убедиться в справедливости этого: подумать только, еще совсем недавно было лето, а мы уже готовим к печати последний, двенадцатый номер нашего журнала.

Что вам сказать, дорогие читатели? Большое спасибо всем тем, кто, несмотря ни на какие трудности, был с нами весь этот трудный год. Особенное спасибо тем, кто нашел возможность остаться нашим подписчиком, читателем и на 1997 год. Для них подготовлена обширная программа – на наших страницах будут напечатаны интересные романы и рассказы, стихи и проза наших читателей – в рубрике "Проба пера". Многих, думаем, заинтересует книга Игоря Винокурова о привидениях, которая будет печататься весь 1997 год. А уж кто только ни собирается к нам в гости – от Тины Тернер до Андрея Губина, от Брэда Питта до... Перечислять всех – места на странице не хватит. Тем более все же это место в журнале отдано рубрике "Ищу друга".

И эта рубрика, конечно, не исчезнет. А в последней, двенадцатой книжке журнала мы решили поблагодарить наших верных читательниц – именно их письма в эту рубрику составляют абсолютное большинство. Потому сильный пол пусть подождет. Дорогу прекрасному!

16-летняя Лена девочка вроде совсем как все: любит слушать "Нау", "Агату Кристи", "Queen" и прочий рок. Но вот то, что она любит школу и своих учителей, – это для нас что-то новенькое. Лично мы Лену поддерживаем. Надеемся, что она не одинока и такие же, как она, нормальные ребята ей напишут.

620016, г. Екатеринбург, ул. Краснолесье, 14, корп. 3, кв. 35. Лена.

Оля написала нам, что любит наш журнал. А мы убедились в том, что она читатель внимательный и умеет считать до шести, ибо поздравила нас с шестилетием. Спасибо тебе, Олечка. Таких бы читателей да побольше. Оля хотела бы переписываться с парнями, которые собираются в армию или уже служат, – она обещает согреть им душу теплым письмом и надеется, что они ответят ей тем же.

140308, г. Егорьевск Московской обл., м-н 6, дом 8, кв. 24. Мизурова Оля (15 лет).

Другая Оля написала о себе, что она – натура сложная. Хочет переписываться с теми, кто разделяет ее увлечения, но вот какие именно, указать забыла. Вот уж воистину – сложная, загадочная натура...

636020, Томская обл., Томский р-н, п. Богашево, ул. Новостройка, 27. Филина Оля (14 лет).

Есть такой старый анекдот. Летят с крыши два кирпича, и один другому говорит: "Не везет, так не везет. Погода-то какая плохая!" А тот ему отвечает: "Ничего, не расстраивайся. Погода – ладно. Человек бы хороший попался". Мы вспомнили эту байку, читая письмо 19-летней Алены. Она тоже жаловалась, что ей не везет, и тоже говорила, что ей все равно, с кем переписываться, был бы человек хороший. Но Алена – далеко не кирпич в юбке: пишет, что "мужики шеи сворачивают, когда иду по улице". Девушка очень любит кино и просит написать ей тех, кто фанатеет от Джонни Деппа, Ричарда Грико и Ричарда Тайсона.

249230, Украина, г. Ровеньки, ул. Капанелли, 6/28. Алена (19 лет).

Еще Пушкин сказал, что мы, русские, ленивы и нелюбопытны. Насчет любопытства классик, кажется, ошибся – сколько же экспериментов наша нация позволила с собой сотворить, видимо, из любопытства – выживем или нет? Пока что вроде выжили. А леность... Вот, к примеру, письмо 17-летней Оли. "У нас есть дача. Но я не люблю на ней работать. Но вот есть потом помидоры, огурцы, клубнику, яблоки и вишню очень люблю..." Значит, лень, как говорят, раньше Оли родилась. Но ты, Оля, не расстраивайся – не одна такая. Будешь отвечать на письма ребят – к труду приучишься. Оля интересуется астрологией и собирает о ней всякие интересные материалы.

242012, г. Сельцо Брянской обл., пр. Горького, 8А, кв. 4. Ольга.

А вот и еще одна Оля. "Мне 16 лет. Я сентиментальна, впечатлительна. В общении сдержана. Привыкла думать о людях лучше, чем они есть на самом деле..." Но все это не мешает Оле готовиться к суровым будням жизни – она занимается, и не без успеха, стрельбой из винтовки. Что же, если почитать газеты, это занятие покажется самым подходящим для сентиментальной, милой девушки, поклонницы исторических фильмов, которая лучше всего себя чувствует ранней весной...

462363, г. Новотроицк Оренбургской обл., а/я 283. Андраханова Оля.

Мальчики с именем Николай и Олег – напишите 16-летней Евгении, которая готовится стать психологом и считает, что в лучшем понимании людей ей очень помогает журнал "Мы".

682929, Хабаровский край, р-н им. Лазо, с. Могилевка, пер. Мира, 6, кв. 10. Мизенко Евгения.

18-летняя Алла просит писать ей тех, кто увлекается песнями легендарной группы "Битлз".

121357, Москва, ул. Инициативная, 7-2-156. Ануфриева Алла.

Диана сообщила о себе много чего разного – что она кареглазая брюнетка, любит спорт и путешествия, любимый цвет – черный, умеет гадать по руке. Вот и вы, ребята, погадайте – сколько Диане лет.

624051, г. Заречный Свердловской обл., ул. Курчатова, 31-3-51. Приходько Диана.

"Я – простой 17-летний рокер, который любит пиво, город Петербург, играть на гитаре и не любит попсу, рэп, "новых русских" и лиц кавказской национальности. Хочу переписываться с сумасшедшими людьми и просто рокерами. Пусть мне напишут те, кто знает, чем сейчас занимается Африка".

663301, г. Норильск, пр. Ленинский, 13, кв. 190. Юля (она же – "Алиса").

14-летняя Галя очень любит печь торты и предлагает желающим разжиться у нее новыми рецептами.

446000, г. Сызрань Самарской обл., пер. Разносторонний, 8. Галя.

Ларисе тоже 14 лет. Она хотела бы найти себе друга или подругу по переписке, разделяющую ее увлечение творчеством Валерия Меладзе и группы "Иванушки International".

640018, г. Курган, ул. Пичугина, 16, кв. 53. Лариса.

Виктории 16 лет. Она утверждает, что понимает проблемы многих людей и готова помочь им советом. Она сообщила нам, что одной девочке, своей подружке, сильно подмогнула следующей глубокой и ценной мыслью: "Ну чего ты из-за этого парня убиваешься? Парней еще много, есть и получше!" Мы будем искренне рады, если выяснится, что у всех наших читателей проблемы примерно вот такой же глубины и серьезности. Тогда действительно Викины советы помогут...

352020, Краснодарский край, ст. Кисляковская, ул. 2-я Заречная. Турбина Виктория (видимо, Викторию в родном селе все знают, ибо номер дома в адресе даже не обязателен).

Если есть в нашей необъятной стране парни, которые похожи на короля рок-н-ролла Элвиса Пресли, то им будет интересно написать московской девушке Кате. Ей 15 лет, и легендарная американская музыкальная звезда для нее – идеал во всем. Нам, конечно, интересно, как любовь к Элвису у Кати сочетается с любовью к роману "Овод" – но ведь у каждого свои вкусы, в том числе и литературно-музыкальные.

127566, Москва, ул. Бестужевых, 21-111. Екатерина.

Оле 13 лет, и она признает в музыке только рэп. И писем ждет только от коллег по увлечению.

163051, г. Архангельск, ул. Тимме, 16, корп. 1, кв. 14. Оля.

"Компьютерные фанатики, ау! Меня зовут Сандра. Мне 13 лет. Я очень увлекаюсь компьютерами и всем, что с ним связано. Но в нашем городке компьютер дома есть у немногих, и поэтому мне не с кем разделить радость общения с ним. В частности, я увлекаюсь компьютерными играми. Кому мое увлечение не чуждо – пусть напишут!"

456800, г. Верхний Уфалей Челябинской обл., ул. Маркса, 182А, кв. 78. Саша.

Таня честно созналась: "Мальчишек просто обожаю!" – но это не мешает ей заниматься вольной борьбой, чтобы в случае чего суметь за себя постоять. А так – она девушка мирная, ходит на дискотеки, любит "Ase of Base", Влада Сташевского и Иру Салтыкову.

663040, с. Сухобузимское Красноярского края, ул. Октябрьская, 13-1. Соболева Таня.

"Хочу через журнал "Мы" найти истинного друга. Сейчас среди окружающих трудно найти того, кто станет другом. В жизни приходится каждый раз решать, что тебе встретился за человек, каково его истинное лицо. Слишком часто мы делаем ошибки в таких оценках... Ведь на словах мы готовы на все ради ближнего, а в своих поступках – увы! Пусть мне напишут ребята, у которых есть проблемы, которыми они могут поделиться со мной, – каждый получит ответ".

692330, Приморский край, г. Арсеньев, ул. Ломоносова, 1, кв. 25. Павлова Катя.

Изображенная на фото девушка откликается на имя Еленка и увлекается зарубежной музыкой (кстати, на страницах "Мы" Лену ждет встреча с одним из ее кумиров – Джорджем Майклом). Еще она любит читать романы и рисует неплохие пейзажи (сами видели!). Так, что, парни, рекомендуем.

410076, г. Саратов, 4-й Чернышевский пр. 6-281. Мартынчева Лена (15 лет).

А многие ли из вас, ребята, могут написать про себя, что любят убираться в квартире, а особенно мыть посуду? Думаем, таких немного. Из их числа этих немногих – Марина 16 лет, обожающая музыку, которую, как она считает, любили наши родители, – "Битлз", "Абба", Джо Дассен, Элтон Джон и др. Марина хотела бы переписываться с симпатичным парнем, рост которого не менее 175 см. Она просит парней присылать ей свои фото, но при этом нахально сообщает: "Обещаю не понадобившиеся вернуть". Вот так-то, ребята. Никто не знает, кто из на-

писавших Марине попадет в категорию "не понадобившихся", а потому мы бы лично посылать ей письма воздержались. Впрочем, риск – благородное дело. А Марине впредь советуем быть скромнее, а то как бы и ей не попасть в "не понадобившиеся".

172512, Тверская обл., Нелидовский р-н, д. Селы, ул. Молодежная, 24, кв. 2. Хотченкова Марина.

14-летняя Оля предлагает себя в качестве корреспондента тем ребятам, у кого есть собака породы доберман.

352650, г. Апшеронск Краснодарского края, ул. Баумана, 29. Оля.

Женя просит писать ей тех, кто уже совсем старенький, т. е. кому больше 17. Она носит громкий титул мастера спорта, естественно, соблюдает режим, а в свободное время пишет стихи.

652502, г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл., ул. Садовая, 34. Чичерина Лена (15 лет).

14-летняя Ира мечтает получать письма от Сергеев, Дмитриев и Михаилов. Особенно она будет рада, если эти ребята окажутся высокими брюнетами (блондинов, видимо, у Иры уже перебор).

141240, Московская обл., Пушкинский р-н, пос. Мамонтовка, ул. Рабочая, 15, кв. 37. Ира.

Похоже, что профессия психолога становится очень популярной, особенно у представительниц прекрасного пола. Вот и Женя, живущая в Приморском крае, думает, что она в жизни пойдет именно по этой стезе. Она просит писать ей тех, кого интересует движение хиппи, металлистов и т. д. Также ей могут написать те, кто увлекается коллекционированием кактусов.

692810, г. Фокино Приморского края, ул. Постникова, 8, кв. 23. Женя (возраст не указала, сообщила, что учится в школе, где выяснила, что Земля все же круглая).

"Я люблю современную музыку, – написала нам Анжелика. – Впрочем, как и все. Определенных кумиров у меня нет, так как с возрастом вкусы меняются, да и не люблю быть на кого-то похожей, люблю быть сама собой. Хожу на дискотеки, но основное время занимает учеба. Часто бываю в библиотеке, где, в частности, читаю и журнал "Мы". Мне кажется, его читают неглупые люди. Надеюсь среди них найти себе друзей по переписке".

353710, ст. Каневская Краснодарского края, ул. Ростовская, 27А-64. Казанкова Анжелика (17 лет).

"Мне 16 лет. Я увлекаюсь поэзией, иногда пишу свое, но мне не с кем поговорить об этом. Бывает, что и просто не

хватает внимания, взаимопонимания. Может быть, кому-нибудь тоже, как и мне, не хватает чужого участия? Все, кто хочет поделиться своим творчеством, своими мыслями, – пишите мне!"

141291, Московская обл., Пушкинский р-н, пос. Лесной, ул. Гагарина, 8А, кв. 2. Бессольцева Оля.

Учителя в школе, где учится 13-летняя Таня, часто говорят ей: "Таня, не остроумничай". Наверное, они в чем-то правы и Тане лучше свое остроумие применить не на уроках, а в переписке с ребятами, которые ей напишут. Таня любит иностранную поп-музыку, под которую можно танцевать.

442149, Пензенская обл., Нижне-Ломовский р-н, с. Лещиново, Колесникова Таня.

Лена считает, что многие парни не понимают девчонок и поэтому неправильно к ним относятся. А как надо – об этом она готова написать своим будущим корреспондентам, среди которых она надеется найти настоящих друзей.

403500, г. Фролово Волгоградской обл., пр-д Степной, 13. Котенко Лена.

"Я не понимаю – как можно не дорожить дружбой? По-моему, это самое главное в нашей трудной жизни. Я красивая блондинка, но не считаю это главным. Я хочу, чтобы мне написали те, для кого важна не "упаковка", а содержание человека. Я не зануда, но и не легкомысленная. Стараюсь серьезно смотреть на жизнь, много занимаюсь – хочу поступить в институт. Люблю читать, слушаю разную музыку – от классики до рока".

141100, г. Щелково Московской обл., ул. Свердлова, 2Б. Бреславцева Лена.

ВАШИХ ПИСЕМ ЖДУТ:

Аня, 15 лет, блондинка, увлекающаяся современными танцами. 630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, 16, кв. 201.

Трапезникова Наташа, 14 лет, поклонница другой Наташи – Королевой – и группы "Ase of Base". 568460, г. Змеиногорск Алтайского края, ул. Карла Маркса, 80, кв. 2.

Лифер Таня, 16 лет, любит ужастики и музыку "Deep Forest". 329110, Украина, Николаевская обл., Жовтневый р-н, п.г. Луч, д. 10, кв. 7.

Костюкова Настя, 13 лет, увлекается шейпингом, аэробикой, танцами и веселыми песнями. 352210, г. Новокубанск Краснодарского края, ул. Нева, 42, кв. 18.

Белозерова Рита, 14 лет, ждет писем от спортивных парней (годятся все, кроме тех, кто рождены под знаком Скорпиона). 446561, Самарская обл., Сергиевский р-н, с/з "Красный".

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

Роксана БАБАЯН:

«Предпочитаю дружить с мужчинами»

В отличие от многих своих коллег, Роксана Бабаян саморекламой не занимается и к дешевой популярности не стремится. Наверное, поэтому и не очень томится жаждой пообщаться с журналистами. Но, видимо, в силу врожденной интеллигентности она не стала мне устраивать показательных отказов от интервью со ссылкой на исключительную занятость, а легко и непринужденно согласилась побеседовать «о том, о сем» в собственной квартире на Арбате. В которой, кстати, кроме мужа – Михал Михалыча Державина – нет никаких телохранителей. Что тоже существенно отличает певицу от ее братьев и сестер по творческому цеху.

– Роксана, почему вы нечасто появляетесь в прессе? Не любите газетчиков?

– Просто мне кажется, что все друг про друга и про себя уже все написали и рассказали. И давно все про всех известно, но продолжают говорить по инерции. В результате получается одно и то же. Я себя ловлю на мысли, что начинаю сходить с ума, – не помню, где что сказала. Как в том анекдоте: «Рабинович попал в замкнутый круг – он третий раз женился на своей первой жене». Абсолютно аналогично. В общем, хочется как-то уже остановиться.

– Я думаю, это преждевременно, тем более, если уж вы сами подзабыли, где что говорили, то как могут читатели все припомнить? Поэтому давайте попробуем начать с самого начала. Например, расскажите, откуда у вас такое явно сценическое имя – от рождения или благоприобретенное?

– Это спасибо папе, полностью его инициатива. Я к этому не имею никакого отношения. Хотя сейчас так принято – тебя зовут, скажем, Алла, а ты вдруг становишься какой-нибудь Изабеллой. Не будем конкретизировать, но таких прецедентов хватает. И имена меняют, и фамилии. Я же – что имею, то имею. Как говорится, продукт натуральный.

– Ваши родители живы?

– Мама жива, а папа, к сожалению, давно ушел из жизни. Кстати, что касается моего имени – ему оно всегда нравилось. Почему-то он хотел назвать меня только так и никак иначе. Я еще на свет не появилась, но имя уже было предопределено. И хотя в те времена заранее не предсказывали, кто будет – девочка или мальчик, тем не менее у родителей почему-то была бешеная уверенность, что обязательно родится Роксаночка.

– Они люди творческие?

– Папа – человек с чисто техническим уклоном. Не только профессиональным, но и жизненным – очень рациональный. Хотя был меломан, любил музыку, театр. Он служил инженером, потом начальником треста, затем преподавал в институте – сначала был завкафедрой, потом стал профессором, проректором института. И для него техническая дисциплина стала как бы доминантой, его жизненной интонацией. А мама, наоборот, абсолютный романтик, замечательный музыкант, теоретик, прекрасно знает искусство. Она долго преподавала в консерватории, потом ушла оттуда и занималась какой-то творческой работой дома.

А я человек перепутанный, во мне всего намешено. Полностью соответствую своему знаку зодиака. Я Близнец. Да у нас в семье все Близнецы: и мама, и мой родной старший брат, и Михал Михалыч, и его дочка от первого брака.

– И что же в вас перепуталось?

– Я, с одной стороны, с очень рациональным, деловым и точным ориентиром – от папы, тем более, что закончила технический вуз, факультет промышленного и гражданского строительства, и даже сдала кандидатский минимум. Я инженер-строитель. А от мамы у меня с детства невероятная страсть к музыке. Всю жизнь, сколько себя помню, я пела. Воспитывалась на классике, как говорится, на качественном продукте, очень хорошо знаю симфоническую и оперную музыку.

– То есть та музыкальная лаборатория, в которой вы воспитывались, впоследствии и дала свои плоды.

– Ну да. Я стала увлекаться джазом. У меня не было таких возможностей, как сейчас у четырнадцатилетних, тем не менее на свои скудные средства я доставала какие-то записи и на тарабарском английском пыталась это воспроизвести. Это и были мои университеты.

– Очевидно, из этих университетов на профессиональную эстраду попасть не просто?

– Наверное, тут свою роль сыграла судьба. В нашем институте был замечательный оркестр, собрались люди, патологически любящие музыку. Обычная самодеятельность, которую достаточно опошлили в свое время, но в ней была своя сермяга. Сейчас тоже множество людей с улицы приходят и поют, не имея при этом ни голоса, ни таланта. Просто есть средства. Раньше все было намного примитивнее, все-таки жили за железной занавеской. Но мы что-то пыта-

лись, создали свой джаз-оркестр, дребезжали, играли так называемый джаз, и я там чего-то пела. Потом стала звездой институтского масштаба, меня начали перетягивать в другие вузы, но я, конечно, не пошла.

– Из-за верности присяге?

– В общем-то да. Институт ведь был в основном мужской. Я дружила с ребятами, и вообще всегда была и остаюсь сторонницей мужской дружбы. Мальчишки мне поверяли все свои тайны, но и, конечно, рабски выполняли за меня курсовые работы, ругались при этом, возмущались – мол, она нас поработила, грозились все бросить к чертям, но так и не бросали. И надо сказать, что они до сих пор мои самые близкие друзья. К сожалению, здесь остался только один – и то он переехал из Ташкента, где мы тогда жили, в Ленинград. А остальные – так сложилась жизнь – уехали совсем. Последний раз я с ними встретилась уже в Иерусалиме. И надо сказать, это жуткое и жалкое зрелище. Надо ж было все оставить, потерять, чтобы уехать от одного национального прессинга, и попасть в другой, еще больший. Вообще Израиль – это специфическая страна, я бы там не могла жить.

– В Ташкенте сейчас, пожалуй, тоже несладко.

– К несчастью, это так. Но ведь это был поразительный город, интеллигентный, интернациональный. Ведь во время войны туда было эвакуировано огромное количество театров, консерватория, и большая часть интеллигенции так и осталась там – обжились, пустили корни. После землетрясения отхлынула первая часть. А потом, когда начался шабаш, уехали все. Родители мои категорически не хотели уезжать оттуда. Хотя и я, и брат мой давно живем здесь. Он уехал после школы. Тоже чистый технарь, что не мешает ему обожать театр, музыку и вообще быть очень просвещенным человеком.

– А какие пути привели вас на эстраду?

– Его величество случай сыграл роль, к которому я, в общем-то, была готова. Я курлыкала в очередной раз на каком-то телевизионном конкурсе, меня услышал знаменитый художественный руководитель эстрадного оркестра Орбелян и позвал к себе. Это было удивительно, что он принял девочку с домашним музицированием.

– А у вас только домашнее?

– Ну конечно. Представляете, как дети любят сидеть у инструмента? «Жили у бабуси два веселых гуся» – не более того. То есть я этим владею

совершенно неандертальски. А у него проработала несколько лет, и это стало замечательной ступенькой профессионального развития. Но там была своя сложность – я ни слова не пела по-русски, только джаз на примитивном английском. Еще мы очень много ездили и надо было петь на языках тех стран, куда мы попадали. Я поняла, что эта дорога приведет меня в никуда. К тому же в Ереване у меня никого нет, не родная стихия, мне там было достаточно тяжело. А потом мы приехали в Москву на какие-то дни очередные... И меня пригласили в Москонцерт. Я стала солисткой в тогда очень модных «Голубых гитарах», которыми руководил Игорь Гранов, тут же поехала на международный конкурс в Дрезден, выиграла его, привезла сразу все премии, потом поехала еще на один в Братиславу, потом на Кубу, тоже выиграла, потом еще раз на Кубу, снова выиграла. Я с конкурсов привозила все премии, которые там были, – журналистские, зрительских симпатий, как самая модная, самая некрасивая, самая черная, самая очаровательная... Какой там был фраерский набор – все получала.

– Как здесь это воспринимали?

– Это никого не волновало, наоборот, были случаи, когда по ТВ показывали конкурсы, а меня вырезали. Мне надоело, и я решила уходить из профессии. Поступила на административный факультет ГИТИСа, закончила его экстерном и собралась сказать всем «до свидания». И вот тогда, десять лет назад, мы встретились с Володей Матецким. Я очень признательна судьбе за это, потому что он поразительный человек, фантастически умеющий дружить, деликатный и очень талантливый. Кстати, тоже с техническим образованием и кандидатским минимумом, закончил Институт стали и сплавов.

– Тогда и начался ваш новый взлет?

– Я бы не назвала это взлетом. Мы с Володей медленно, потихоньку вытаскивали ноги из болота.

– Как считаете – вытащили?

– Нет, это до конца дней невозможно. Меня всегда поражает апломб некоторых моих коллег, которые говорят о себе «мы – звезды». У нас такое количество звезд, что сразу хочется куда-нибудь в другое созвездие, где не светят так много и ярко.

– С этим трудно не согласиться, но все-таки, Роксана, давайте лучше вернемся к вам. Встреча с Матецким – это, безусловно, здорово, но все же

встреча с Державиным гораздо любопытнее. Как вы познакомились?

– Был какой-то праздник, я прилетела из Братиславы, мне позвонили и в приказном порядке сказали, что надо лететь в Джезказган. Я отказывалась, потому что была еле живая после того трудного конкурса – летела в качестве гостьи, но пришлось выступить вместо конкурсанта. В общем, был такой эмоциональный переажиотаж. Но у нас же система известная – надо, Федя, надо. И я полетела. Так мы и встретились с Михал Михалычем – в самолете. И у него, и у меня в то время семьи были на излете.

– Вы инженер-строитель. А как вы строите семью?

– Мы абсолютно равные партнеры, у нас нет разделения на начальника и подчиненного. Это во-первых. А во-вторых, в любых обстоятельствах нас спасает чувство юмора. Потому что нельзя убиваться даже в самой трагической ситуации. А потом Михал Михалыч вырос среди женщин – у него мама, две сестры, дочка, племянница, жены – словом, куча. И он ко всем с пониманием относится, всегда немножко жалеет, старается быть деликатным – поразительно, но это ему удается. Наверное, это просто природный дар. Я бы на его месте такого количества женщин не выдержала.

– Поэтому-то вы большей частью общаетесь с мужчинами.

– Это действительно так. Меня всегда окружали мужчины. Причем не в смысле – мужчины в ее жизни, от одного к другому, нет. Это настоящие друзья, и они знают, что я могу дружить по-мужски. Я считаю, что только так и можно дружить.

– У вас характер уравновешенный или, наоборот, взрывной?

– Я достаточно деликатный человек, хотя могу быть очень жесткой. В принципе я сдержанная, очень дорожу хорошим отношением к себе. Но в случае чего могу скинуть с плеча в две секунды.

– Для вашей профессии это неплохое качество.

– Наша профессия – это другая история. Тут ты как в море: умеешь плавать – плыви, не умеешь – держись за доску. Но все равно плыви. Но знай, что к тебе могут подплыть и доску вырвать – неважно, потонешь ты или нет. Но могут неожиданно и руку предложить. Как повезет. Я так сравниваю, потому что для меня вода – это враждебная стихия. Я боюсь ее.

– Но это все образные сравнения, а жизнь штука конкретная, плохое настроение бывает, раздражительность. Как вы с этим справляетесь?

– Я убеждена, что плохое настроение нельзя демонстрировать. Иногда семьи рушатся от того, что человек встает с плохим настроением и выплескивает его на своего партнера. А на следующий день наоборот. Завязать в узел семейные отношения ничего не стоит – в три секунды. Потом ты его не развяжешь. Мои настроения – это мои настроения, и всегда это так было. Я сейчас не пижоню и не для того говорю, чтобы вы написали, какая я замечательная. Просто характер такой. Не в моем стиле нагружать человека своим плохим настроением или больной головой. С какой стати у него из-за этого все должно лететь к чертовой матери?

– Роксана, расскажите, пожалуйста, какую-нибудь запомнившуюся семейную историю.

– Ну, например, когда мы в Прибалтику на рыбалку ездили вчетвером – Миша, Шура Ширвиндт, его жена Тата и я, на машине. Я не любительница палаточных идиллий. А они в любой холодище могут и обожают ходить по реке. В тот раз я только что приехала с Кубы. Одну ночь в палатке переночевала и на следующий день у меня оказалась такая же температура, как на Кубе, – сорок. А они пребывают в рыболовном экстазе. В общем, они благополучно отдыхали, а я неделю лечилась. Зато переехала из вонючей палатки в домик, и это для меня было самым большим счастьем. А потом у этих двух сумасшедших удочников случилась исключительная радость. Там никто не мог поймать жереха, а они поймали.

– Они во время рыбалки молчат?

– Михал Михалыч энергично мотается по всему берегу, а Шура сосредоточенно молчит.

– И в это время у них не происходят их замечательные диалоги?

– Нет, они молчат, у них полностью все подчинено этому процессу. Это самая большая радость в их жизни.

– А вы в это время что делаете?

– Мы с Таточкой или я одна готовим то, что добытчики принесут, то есть жарим и варим рыбу. На Кигаче, помню, было огромное количество рыбы, поэтому я только и занималась ее чисткой и готовкой. Еще там Шурик выдрессировал огромную лягушку и назвал ее Роза. Проснувшись, он обязательно обнаруживал ее у себя на груди, разумеется, выносил на свежий воздух, но она, словно верная Джульетта, снова возвращалась к нему. Так Шура и спал в палатке с ней, почему-то он ее не боялся. Ужас! Я-то спала в машине.

– В целях безопасности?

– Ну конечно. Только, как потом выяснилось, очень относительной. В тех краях было очень много змей, а я их панически боюсь, как, впрочем, и всех гадов. И я сразу перебралась из палатки в машину. Так там и жила. По возвращении я полетела в Америку и оказалась в одном самолете с Дроздовым. Мы с ним разговорились, я рассказывала про нашу рыбалку, жаловалась, показывала загрубевшие руки и, конечно же, поделилась своими страхами в отношении змей, которые так обнаглели, что на нас не обращали внимания. Из-за чего я боялась спать в палатке и вынуждена была скрываться в машине. Выслушав мой горестный монолог, Николай Николаевич сказал: «Роксаночка, я должен вас огорчить. Хорошо, что вы этого не знали, но теперь знайте – больше всего на свете гады любят спать в машине». Как говорится, комментарии излишни.

– Вы не ревнуете мужа к их дружескому тандему с Ширвиндтом?

– Конечно, нет. Я сама Шурика очень люблю и признательна ему за те трудные дни, когда я только-только поднималась. Он меня поддерживал, протянул руку помощи. И потом они же дружат с детства, после училища вместе путешествовали по разным театрам – Ленком, Малая Бронная, потом Андрюша Миронов перетянул их в Сатиру. Для них их дружба – это огромная жизнь. Другое дело, что каждый существует сам по себе, но это счастье, что есть такая отдушина.

– В доверие к ним входили с трудом?

– Абсолютно нет, хотя для меня это была совсем новая среда. Первые смотрины состоялись у Ширвиндтов, Александра Анатольевича и Таточки, на их знаменитом балконе, где собираются все. Они там устроили ужин. Я была приглашена в гости с Мишей. Потом уж они признались, что это были смотрины. Там был Зямочка – Зиновий Гердт, Андрюша Миронов, Эльдар Александрович Рязанов, Марк Захаров – это все постоянная компания Шурика. Когда все закончилось, Шура сказал: «Надо брать...» Я им еще не отомстила за это, никак не придумаю ничего равноценного.

– Может, я ошибусь, но почему-то мне кажется, что вы были в детстве шкодливой девчонкой.

– Безусловно, была. Все знали: если в школе что-то происходит – я виновата. Если класс ушел с урока, значит, по моей вине. Если кому-то «темную» устроили – точно я.

– Неужели участвовали в «темной»?

– Да, даже помню до сих пор ее фамилию, она как-то пришла ко мне на концерт – я ее узнала. Представляете? Она нас заложила всех – ну, что мы собираемся удрать... Мы про это узнали и устроили ей.

– Сейчас не совестно?

– Нет, это по-справедливому, потому что самое противное, когда исподтишка что-то делают. Это же интонация на всю жизнь. Человек ведь не меняется, каким был в детстве, таким и остается. Вот говорят – как же так, был такой херувимчик, а вырос... Не может быть такого.

– Вы полагаете, что человек не корректируется со временем?

– Безусловно, жизнь корректирует и человек сам формирует свою судьбу в ту или иную сторону, но генетическая схема в каждом человеке неизменна. Это мое мнение.

– Из чего следует, что если вы в детстве устраивали «темные», то, надо полагать, во взрослой жизни способны жестоко наказать человека за подлость или несправедливость...

– Совсем не обязательно. Я просто перехожу на другую сторону. Никогда не начинаю выяснять отношения, никогда не разбираюсь – прав или виноват. Просто переверну страницу и пойду дальше. Я и с молодыми людьми никогда в жизни не выясняла отношений.

– А разыгрывать любите? Ведь у пары Ширвиндт–Державин такой дух, что, наверное, трудно не заразиться.

– Это Михал Михалыч разыгрывающий человек, а я не люблю, всегда переживаю за того, кого разыгрывают. Думаю, вот уши развесил, поверил, както настроился, а потом выясняется, что это блеф. Наоборот, я всегда говорю: «Не волнуйся, это он разыгрывает».

– Сами бываете жертвой розыгрыша?

– Ну вот мелочевка, зарисовка из жизни. Мы с ним идем по улице, он говорит: «Ой, какая ты прекрасная, свежая, молодая... Насколько же ты младше меня... Какой у нас с тобой большой разрыв в возрасте...» И все это так лирически, осмысленно. Я, конечно, уши развесила. «Ну, раз ты такая молодая – сбегай домой, я деньги забыл». И такие «подарки» каждый день. Они очень украшают жизнь.

– Кстати, о подарках. Что вам дарят?

– Почему-то животных. Мне подарена собака, которая живет у нас на даче. Настоящая овчарка, немка. Потрясающая. В Барнауле мне медведя подарили. Я взмолилась, они увидели, что либо меня надо

госпитализировать, либо медведя оставлять у себя. Он до сих пор и называется – Роксанин Миша. Когда мы приезжаем туда, навещаем его, он живет на территории большого хозяйства. А однажды, года четыре назад, мне подарили машину – «Ниссан-микро». Есть такой порт Восточный, у них свои фонды и свои машины были. Они дали возможность Державину и Ширвиндту купить автомобили по государственным ценам. А главный инженер там – мой давний поклонник, замечательный человек. Я пообещала отработать два концерта в шефском порядке и после их завершения получила такой подарок. Вот какой жест доброй воли был в моей жизни. Хорошая машина, такая маленькая, комфортная...

– А эта ушастая кошка-красавица с огромными глазами, которая восседает у вас на коленях, – тоже подарок?

– Представьте, да. Ее тоже подарили друзья – Ларочка и Володя Шайзаков, мой бессменный директор и сосед по даче, который, кстати, очень много делает для моей карьеры. Это самый любимый подарок. Ее полное имя – Софья Михайловна Державина. Она у нас так числится. Но иногда откликается на Соньку.

– Вы предпочитаете отдыхать на даче или отдаете должное нынешней моде на отдых за границей?

– Нет, я этого не люблю. Мы наконец построили себе дачу, дом очень простой, но зато свободный, все могут разместиться. В прошлом году впервые полтора летних месяца в отпуск провели там, кучи гостей к нам приезжали, оставались. Это такая радость – на земле дом. Рядом дома Володи Матецкого и, я уже говорила, нашего близкого друга Володи Шайзакова. Кстати, Соньке дача нравится больше всех.

– Вы копаетесь в саду-огороде?

– Нет, я не землеройка. Да на это нет ни времени, ни сил.

– А Михал Михалыч?

– Он в основном по мебели – сколотит что-то, или полку присобачит, или чего-то отпилит. Может, больше чем надо, но зато красиво.

– Роксана, чему вы больше всего радуетесь?

– Самая большая радость – быть дома и чтобы было тихо. Очень утомляет профессиональное нагромождение бесконечных звуков и бесконечное количество народа – самолет, поезд, автомобиль, гастроли, гостиницы. Поэтому я всегда стараюсь по возможности куда-нибудь уехать, где бы никого не было.

Да и просто, как любой женщине, иногда хочется побыть одной, что-то сделать.

– К каким хитростям прибегаете, чтобы поддерживать себя в форме?

– Хитростей никаких, к сожалению. Иногда ругаю себя, но не всегда хватает характера. Я с утра никогда не завтракаю. У нас же другой биоритм. После концерта я как выжатый лимон. До концерта, как правило, не ем. Потом, естественно, хочу есть, потому что двенадцать песен сбацала, с меня льет, платье мокрое стоит. Я прихожу в отель, принимаю душ и обязательно должна поесть. Очень люблю хорошее, настоящее красное сухое вино, всякие салаты и мясо – я вообще мясоед. Но не хищник.

– А вы могли бы дать девушкам какой-нибудь полезный совет?

– Каждая девушка и взрослая женщина в любой ситуации должна быть уверена, что она для мужчины – подарок, а не наоборот. Мне кажется, в этом сермяга жизни. Потому что женщина – это Женщина. У каждой могут быть проблемы, удачи и неудачи в учебе, в работе, в любви, все мы имеем свои слабости. Это нормально, это жизнь. Но женщина всегда должна понимать, что она сюрприз, подарок. И вести себя так, чтобы и мужчины это поняли. Это мое субъективное мнение.

– Прекрасное мнение, но трудно исполнимое. Большинство девчонок живут в далеко не комфортных условиях, с очень скудными средствами, и постепенно превращаются в малопривлекательных женщин. Вон их сколько вокруг – навьюченных, как ишаки.

– Ну и что? Я же не говорю, что это легко. Мне тоже бывает несладко. Это только кажется, что наша профессия «облегченная» – вышла на сцену, красивое платье, цветы, просто коврижки падают с неба. А когда ты ночью летишь, сидишь сутки в аэропорту, прилетаешь не спамши, не емши на концерт, а у тебя температура поднялась, но ты при этом должна выглядеть прекрасно, улыбаться... Это что? То же самое. Чудовищная эмоциональная нагрузка. Все равно при этом нужно помнить, что ты – женщина, а все остальное никого не касается. Потом ты можешь сама с собой кряхтеть, сопеть, боже мой, да хоть ругаться – мол, какая ты несчастная. Но когда ты вышла к людям – ты должна быть Женщиной. Пришла, сумки бросила, умылась, привела себя в порядок, причесалась... И вошла красивым подарком. И не важно, использовала ты духи «Шанель» или просто дешевый дезодорантик...

Беседу вела
Татьяна ЗАЙЦЕВА

СНИМОК НА ПАМЯТЬ

Роксана БАБАЯН

МЫ

ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

«Мы», 1996, № 12, 1-192.

Индекс 70554
ISSN 0238-3283
Подписная цена –
в каталоге «Роспечати»